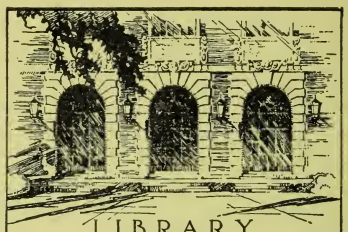
914.7
Sh28o
1906a



LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

914.7
Sh28o
1906

CENTRAL CIRCULATION BOOKSTACKS
The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was borrowed on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.
TO RENEW CALL TELEPHONE CENTER, 333-8400
UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

AUG 17 1992
JUL 22 1992

When renewing by phone, write new due date below previous due date. L162

IV 15. IX E 23

Князь М. М. Щербатовъ

О ПОВРЕЖДЕНІИ НРАВОВЪ

ВЪ РОССІИ.

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ
А. В. ИЛЯНОВА
Lit. F № 46

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1906. — ИЗДАНІЕ В. ВРУБЛЕВСКАГО

Типографія Н. Н. Клобукова. Лиговская ул., 34.

914.7
Sh280
1906a

«Нѣтъ кажется надобности доказывать подлинность сочиненія «О поврежденіи нравовъ въ Россіи». Въ немъ заключаются такія подробности придворной жизни, которыя могли быть описаны только современникомъ Екатерины II. Во всемъ разсказѣ виденъ живой человѣкъ, весь проникнутый мыслію, которую онъ старается доказать, человѣкъ, принадлежащій къ XVIII столѣтію, ненавидящій Екатерину, перетолковывающій ея поступки, слова и даже мысли, отзывающійся объ ней съ тою раздражительностью, къ которой могъ быть способенъ только современникъ, недовольный императрицею по личнымъ отношеніямъ. Едва ли нужно говорить, что мы нисколько не сочувствуемъ направленію Щербатова, признаемъ основную мысль его совершенно ложною и что сочиненіе его имѣетъ въ нашихъ глазахъ одно значеніе—богатаго историческаго матеріала!»

(Изъ письма при которомъ мы получили рукопись М. М. Щербатова *).

---

*) Мы держались правописанія намъ присланнаго списка Точки показываютъ мѣста неразобранныя переписывавшимъ въ оригиналѣ.

Digitized by the Internet Archive
in 2016

https://archive.org/details/opovrezhdeniinra00shch

Взирая на нынѣшнее состояніе отечества моего, съ таковымъ окомъ, каковое можетъ имѣть человѣкъ, воспитанный по строгимъ древнимъ правиламъ, у коего страсти уже лѣтами въ ослабленіе пришли, а довольное испытаніе подало потребное просвѣщеніе, дабы судить о вещахъ, немогу я неудивляться, въ коль краткое время повредилися повсюдно нравы въ Россіи. Въ истину могу я сказать, что естли вступя позже другихъ народовъ въ путь просвѣщенія, намъ ничего неоставалось болѣе, какъ благоразумно послѣдовать стезямъ прежде просвѣщенныхъ народовъ,—мы подлинно въ людкости и въ нѣкоторыхъ другихъ вещахъ, можно сказать удивительные имѣли успѣхи и исполинскими шагами шествовали къ поправленію нашихъ внѣшностей. Но тогдаже съ гораздо вящей скоростью бѣжали къ поврежденію нашихъ нравовъ, и достигли даже до того, что Вѣра и Божественный Законъ въ сердцахъ нашихъ истребились, тайны божественныя въ презрѣніе впали, гражданскія узаконенія презираемы стали; судіи во всякихъ дѣлахъ нетоль стали стараться, объясня дѣло, учинить свои заключенія на основаніи узаконеній, какъ о томъ, чтобы, лихоимственно продавая правосудіе, получить себѣ прибытокъ, или, угождая какому вельможѣ стараются проникать, какое есть его хотѣніе; другіеже не зная и не стараясь узнать узаконеній, въ сужденіяхъ своихъ, какъ безумные бредятъ, и ни жизнь, ни честь, ни имѣнія гражданскія несуть безопасны отъ таковыхъ неправосудій. Несть ни почтенія отъ чадъ къ родителямъ, которые не стыдятся открытно ихъ волѣ противуборствовать и осмѣивать ихъ стараго вѣка поступокъ. Несть ни родительской любви къ ихъ исчадію, которые, яко иго съ

плечь слагая, съ радостью отдаютъ воспитывать чуждымъ дѣтей своихъ, часто жертвуютъ ихъ своимъ прибыткамъ и многіе учинились для честолюбія и пышности продавцами чести дочерей своихъ. Несть искренней любви между супруговъ, которые часто другъ другу хлодно терпя взаимственныя прелюбодѣянія, или другіе за малое что разрушаютъ собою церковью заключенный бракъ, и не токмо нестыдятся, но паче яко хвалятся симъ поступкомъ. Несть родственническія связи, ибо имя родовъ своихъ заничто почитаютъ, но каждый живетъ для себя. Несть дружбы, ибо каждый жертвуетъ другомъ, для пользы своея. Несть вѣрности къ Государю, ибо главное стремленіе почти всѣхъ обманываетъ Государя, дабы отъ него получать чины и прибыточныя награжденія. Несть любви къ отечеству, ибо почти всѣ служатъ болѣе для пользы своей, нежели для пользы отечества; и наконецъ несть твердости духу, дабы не токмо истину предъ монархомъ сказать; но ниже временщику въ беззаконномъ и зловредномъ его намѣреніи попротивиться.

Толь совершенное истребленіе всѣхъ благихъ нравовъ, грозящее паденіемъ государству, конечно должно какія основательныя причины имѣть, которыя въ первыхъ я потщусь открыть, а потомъ показать и самую исторію, какъ нравы часъ отъ часу повреждались, даже какъ дошли до настоящей развратительности.

Стеченіе многихъ страстей можетъ произвести такое поврежденіе нравовъ, а однако главнѣе изъ нихъ я почитаю сластолюбіе. Ибо оно рождаетъ разныя стремительныя хотѣнія, а дабы достигнуть до удовольствія оныхъ, часто человѣкъ ничего нещадитъ.

Въ самомъ дѣлѣ человѣкъ, предавшій себя весь своимъ безпорядочнымъ хотѣніямъ и обожа внутри сердца своего свои стремительныя страсти, мало уже помышляетъ о законѣ Божіемъ, а тѣмъ меньше еще о узаконеніяхъ страны, въ которой живетъ. Имѣя себя единаго въ виду, можетъ-ли онъ быть сострадателемъ къ ближнему и сохранить нужную связь родства и дружбы. А какъ Государя щитаетъ источникомъ, отъ

коего можетъ получить такія награжденія, которыя могутъ дать ему способы исполнить свое сладострастіе, то привязывается къ нему, но не съ тою вѣрностью, каковую бы долженъ подданный къ Самодержцу своему имѣть, но съ тѣмъ стремленіемъ, къ чему ведетъ его страсть, то есть, чтобы угождать вовсемъ Государю, льстить его страстямъ и подвигнуть его награждать его. А таковыя расположенія нераждаютъ твердости; ибо можетъ-ли тотъ быть твердъ, который всегда трепещетъ недостигнуть до своего предмета и котораго твердость явнымъ образомъ отъ онаго удаляетъ. Іулій Цезарь, толь искусный въ познаніи сердецъ человѣческихъ, яко искусетель въ военныхъ и политическихъ дѣлахъ, который умѣлъ побѣждать вооруженныхъ противу него враговъ, и побѣжденныхъ сердца къ себѣ обращать, не иное что къ утвержденію своея похищенныя власти употребилъ, какъ большія награжденія, дабы введши черезъ сіе сластолюбіе къ нему якобы къ источнику раздаяній болѣе людей привязались. Не токмо всѣмъ своимъ поступкомъ изъявлялъ такія свои мысли, но и самыми словами единожды ихъ изъяснилъ. Случилось, что ему доносили нѣчто на Антонія и на Долабелу, якобы онъ ихъ долженъ опасаться. Отвѣчалъ, что онъ сихъ въ широкихъ и покойныхъ одеждахъ ходящихъ людей, любящихъ свои удовольствія и роскошь, никогда страшиться причины имѣть неможетъ.

Но сіи люди продолжалъ онъ, которые о великолѣпности, ни о спокойствіи одеждъ нерадятъ, сіи же роскошъ презираютъ и малое почти за излишнее считаютъ, каковы суть Брутусъ и Кассій, ему опасны, вразсужденіи намѣреній его лишить вольности римской народъ. Не ошибся онъ въ семъ; ибо подлинно сіи его тридцати тремя ударами издыхающей римской вольности пожертвовали.

И такъ самый сей примѣръ и доказуетъ намъ, что не въ роскоши и сластолюбіи издыхающая римская вольность обрѣла себѣ защищеніе, но въ строгости нравовъ и въ умѣренности.

Отложа всѣ суровости, слѣдствія непросвѣщенія и скитающейся жизни дикихъ народовъ, разсмотримъ ихъ

внутреннія и неистребленныя вліянныя природою въ сердце человѣческое добродѣтели. Худы-ли или хороши ихъ законы, они имъ строго послѣдуютъ; обязательства ихъ суть священны, и почти неслышно, чтобы когда кто супругѣ или ближнему измѣнилъ; твердость ихъ есть невѣроятна; они за честь себѣ считаютъ нетолько безъ страху, но и съ презрѣніемъ мученій умереть; щедрость ихъ похвальна; ибо все что общество трудами своими пріобрѣтаетъ, то все равно въ обществѣ дѣлится, и нигдѣ я ненашелъ, чтобы дикіе странствующіе и непросвѣщенные народы похитили у собратій своихъ плоды собственныхъ своихъ трудовъ, дабы свое состояніе лучше другихъ сдѣлать. А все сіе происходитъ, что несть въ нихъ и незнаютъ они сластолюбія, слѣдственно и никакаго желанія, клонящагося въ ущербъ другому.

Довольно я уже показалъ, что источникъ поврежденія есть сластолюбіе, приступлю теперь показывать какими степенями достигло оно толико повредить сердца моихъ единоземцевъ. Но дабы говорить о семъ, надлежитъ сперва показать состояніе нравовъ Россіянъ до царствованія Петра Великаго. —

Не токмо подданные но и самые государи наши жизнь вели весьма простую: дворцы ихъ были необширны, яко свидѣтельствуютъ оставшіяся древнія зданія. Семь или восемь а много десять комнатъ составляли уже довольное число для вмѣщенія Государя. Оныя состояли: крестовая, она же была и аудіенцъ-камера, ибо тутъ приходили и ожидали Государя бояре и другіе сановники; столовая, гораздо небольшая, ибо по разряднымъ книгамъ видимъ, что весьма малое число бояръ удостоивалось имѣть честь быть за столомъ у Государя; и для какихъ великолѣпныхъ торжествъ была назначена Грановитая Палата. Незнаю я была ли у Государей предспальня; но, кажется, по расположеніи старыхъ дворцовъ, которые я запомню, ей быть надлежало. Спальня и оная была не разная съ царицами, но всегда одна. За спальнею были покои для дѣвушекъ царициныхъ, и обыкновенно оная была одна, и для малолѣтнихъ дѣтей

царскихъ, которыя по два и по три въ одной комнатѣ живали, когда же возрастали, то давались имъ особливыя покои; но и оныя состояли небольше изъ трехъ комнатъ, то есть, крестовой, спальни и заспальной комнаты. Самые дворцы сіи большихъ украшеній неимѣли, ибо стѣны были голыя и скамьи стояли покрыты кармазиннымъ сукномъ, а изыскуемое было великолѣпіе, когда дурною, рѣзною работою вокругъ дверей были сдѣланы украшенія, стѣны и своды вымазаны иконописнымъ письмомъ, образами святыхъ, или такъ цвѣты на подобіе арабеска, а естли было нѣсколько орѣховыхъ стульевъ или креселъ для царя или царицы, обитыхъ сукномъ или трипомъ, то сіе уже высшая степень великолѣпія была. Кроватей съ занавѣсами незнали, но спали безъ занавѣсокъ. А уже въ послѣднія времена токмо, яко знатное великолѣпіе было, что обили въ царскомъ домѣ крестовую палату, бывшую возлѣ краснаго крыльца, я помню самъ съ почернѣлыми ея обоями.

Столъ государевъ соотвѣтствовалъ сей простотѣ, ибо хотя я того утвердить и не могу, чтобы Государи кушивали не на серебрѣ; но потому что въ мастерской палатѣ невижу порядочнаго сервизу серебрянаго, заключаю, что тогда Государи кушали на оловѣ; а серебряныя блюда и сдѣланныя горы, на подобіе Синайскихъ, также и другія столовыя украшенія употреблялись только въ торжественные дни.

Кушанье ихъ сходственно съ тѣмъ-же было; хотя блюда были многочисленны, но они всѣ состояли изъ простыхъ вещей. Говядина, баранина, свинина, куры индейскія, утки, куры русскія, тетерева и поросята были довольны для составленія великолѣпнѣйшаго стола, съ прибавленіемъ множества пирожнаго, не всегда изъ чистой крупичатой муки сдѣланнаго; телятину мало употребляли, а поеныхъ телятъ и каплуновъ и незнали. Высочайшее-же великолѣпіе состояло, чтобы кость жареннаго и ветчины обернуть золотою бумагою, мѣстами пироги раззолотить и тому подобное. Потомъ не знали ни капорцовъ, ни оливковъ, ни другихъ приготовленій для побужденія апетиту, но довольствовались огурцами

солеными, сливами и наконецъ за великолѣпіе считалось подать студень съ солеными лимонами.

Рыбный столъ еще тощѣе мяснаго былъ. Садковъ купеческихъ было очень мало и не имѣли искусства изъ дальнихъ мѣстъ дорогую, живую рыбу привозить, да къ тому-же Государевъ дворъ былъ не на подрядѣ, но изъ волостей своихъ всѣмъ довольствовался. И такъ въ Москвѣ, гдѣ мало состояло обильства рыбы, довольствовался токмо тою рыбою, которую въ Москвѣ рѣкѣ и въ ближнихъ рѣчкахъ ловили, а какъ происходилъ чувствительный недостатокъ въ столѣ Государевѣ, то, сего ради, какъ въ самой Москвѣ, такъ и по всѣмъ государевымъ селамъ сдѣланы были пруды, изъ которыхъ ловили рыбу про столъ государевъ, впрочемъ же употребляли соленую, привозя изъ городовъ, изъ которыхъ на многіе, гдѣ есть рыбныя ловли и въ дань оная была положена, какъ мнѣ самому случалось видѣть въ Ростовѣ грамоты о сей дани. А зимою привозили и изъ далекихъ мѣстъ рыбу, мерзлую и засоленую, которая къ столу Государя употреблялась.

Дессертъ ихъ такой же простоты былъ; ибо изюмъ, коринка, винныя ягоды, черносливъ и медовыя пастилы составляли оный, что касается до сухихъ вещей. Свѣжія же лѣтомъ и осенью были: яблоки, груши, горохъ, бабы и огурцы; а думаю, что дынь и арбузовъ и незнали, развѣ когда нѣсколько арбузовъ привезутъ изъ Астрахани. Привозили еще и виноградъ въ патакѣ а свѣжаго и понятія неимѣли привозить, ибо оный уже моей памяти въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны, тщаніями Ивана Антоновича Черкасова, кабинетъ-министра, началъ свѣжій привозиться.

Для толь малаго числа покоевъ не много бы освѣщенія надобно; но и тутъ нетокмо неупотребляли, но и за грѣхъ щитали употреблять восковыя свѣчи, а освѣщены были комнаты сальными свѣчами, да и тѣхъ не десятками или сотнями поставляли, а велика уже та комната была, гдѣ четыре свѣчи на подсвѣчникахъ поставлялись. Напитки состояли: квасъ, кислы щи, пиво и разные меды. Изъ простова вина сдѣланная водка;

вины — церковное, то-есть красное ординарное вино; ренское, подъ симъ именемъ разумѣлся нетокмо рейнвейнъ, но такоже и всякое бѣлое ординарное вино; романея, то-есть греческія сладкія вина и аликантъ, которые чужестранные напитки съ великою бережливостью употребляли, и погреба, гдѣ они содержались, назывались фряжскія; потому что какъ первые оные, а паче греческіе получались черезъ франковъ, а другія знали, что изъ Франціи идутъ, то общее имя имъ и дали фряжскихъ винъ.

Таковъ былъ столъ государевъ, въ разсужденіи кушанья и напитковъ, посмотримъ какіе ихъ были екипажи. Государи и всѣ бояре лѣтомъ ѣздили всегда верхомъ, а зимою въ открытыхъ саняхъ; но въ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ находимъ по лѣтописцамъ, что въ случаѣ болѣзни, когда Государь въ походѣ занеможетъ, то такоже сани употребляли и лѣтомъ, и правда, что въ верховой ѣздѣ государское великое было великолѣпіе, яко видно по оставшимся конскимъ уборамъ хранящимся въ мастерской палатѣ. Арчаги сѣдлъ были съ каменьями, стремена также каменьями были покрыты; подушки бархотныя, шитыя или золотомъ, или серебромъ, или и низанныя жемчугомъ, съ запонами драгоцѣнныхъ каменьевъ, попоны томуже великолѣпію подобныя, бархатныя или аксаметныя золотыя, съ шитьемъ, и съ низаньемъ и съ каменьями. Но сіе азіатское великолѣпіе неубыточно было, ибо сдѣланные однажды таковые уборы на многія столѣтія могли служить.

Царицы же ѣзжали обыкновенно въ колымагахъ, родъ каретъ, сдѣланныхъ снаружи на подобіе фурмановъ, гдѣ не было ни мѣста чтобъ сидѣть, ни окошекъ, но клали внутри пуховики для сидѣнья, а вмѣсто нынѣшнихъ драгоцѣнныхъ точеныхъ стеколъ, опускающеюся кожею окошки и двери закрывали. Не могли такія коляски удобны быть ни къ какому украшенію, ибо снаружи всѣ обиты были кожею, а верхъ великолѣпія въ дѣланіи оныхъ состоялъ, чтобы наружную кожу мѣстами позолоченную и тисненную употребить. Каретъ же нетокмо не знали но и воображенія о нихъ неимѣли, ибо

уже въ царствованіе Петра Великаго ближній мой свойственникъ, бояринъ Михайло Ивановичь Лыковъ, человѣкъ пребогатый, бывши воеводою у города Архангельскаго, выписалъ орѣховую, украшенную рѣзбою карету, съ точеными стеклами, по смерти его сія карета досталась дѣду моему и почиталась столь завидною и драгоцѣнною вещью, хотя и снова тысячи рублей нестоила, что к. М... (князь Меншиковъ?) дѣлалъ нападки на дѣда моего, чтобы ее получить, и за неотданіе учинилъ, что дѣдъ мой лишился всѣхъ недвижимыхъ имѣній, которыя надлежало бы ему наслѣдовать послѣ супруги к. Лыкова.

Воззримъ теперь на одежды царскія. Онѣ были великолѣпны. Въ торжественныхъ ихъ одѣяніяхъ злато, жемчугъ и каменья повсюду блистали; но обыкновенныя одежды, въ коихъ болѣе наблюдали спокойствія, нежели великолѣпія, были просты, а потому не могли быть причиною сластолюбія; а торжественныя столь рѣдко употреблялись и толь крѣпки были, что ихъ за носильныя одежды и почитать недолжно; но были они яко какіе коронные сосуды, опредѣленные токмо для показанія великолѣпія монарша; а естли не самыя одежды, то по крайней мѣрѣ украшенія ихъ, бывъ сдѣланы изъ золотыхъ бляхъ, жемчугу и каменей изъ роду въ родъ переходили. Но общимъ образомъ сказать: небыло никакихъ ни изыскуемыхъ и тлѣнныхъ украшеній, ни великаго числа платей, но пять или - шесть а много до десяти платьевъ когда имѣлъ царь или царица, то уже довольно считалось, да и тѣ нашивали до износу, развѣ изъ особливой милости кому съ плеча своего платья пожалуютъ.

Главной же роскошъ въ царскихъ обыкновенныхъ платьяхъ состоялъ въ драгоцѣнныхъ мѣхахъ, которые они для подкладки и на опушку одѣяній своихъ употребляли, но мѣха сіи некупленные и не изъ чуждыхъ Государствъ превезенные были; но дань собираемая съ сибирскихъ народовъ. Впрочемъ царицы имѣли обычай носить длинныя, тонкія, полотняныя у сорочекъ рукава, которыя на руку набирали и сіи были иногда толь

длинны, что даже до двадцати аршинъ полотна на нихъ употреблялось.

Се есть все что я могъ собрать о родѣ питья, выѣзду, одежды царской а сіе самое и показуетъ коликая простота во всемъ ономъ находилась. Бояре и прочіе чиновники, по мѣрѣ ихъ состоянія, подобную же жизнь вели, стараясь притомъ, изъ почтенія по царскому сану, никогда и къ простому сему великолѣпію не приближаться. А болѣе всего сохраняло отъ сластолюбія, что ниже имѣли понятія о перемѣнѣ модъ; но что дѣды нашивали, то и внучата, непочитаясь староманерными носили и употребляли. Бывали у бояръ златотканныя, богатыя одѣянія, которыя просто золотами назвали, и не инако надѣвали, когда для какаго торжественнаго случая, повелѣно имъ было въ золотахъ ко двору собираться, а посему сіи одежды имъ на долго служили, и я заподлинно слыхалъ, что не стыдились и сыновья, покончинѣ родителей своихъ тоже платье носить. Однако несть никакого общества, кудабы великолѣпіе и роскошь не вкрадывалась, — то, колико, кажется мнѣ, главное великолѣпіе состояло у бояръ имѣть великое число служителей. Великолѣпіе можетъ быть до излишества доведенное; но въ самомъ дѣлѣ основанное на нуждѣ, ибо бояри съ людьми своими хоживали на войну. И оные обще и воиновъ государственныхъ и защитниковъ въ опасномъ случаѣ своимъ господамъ были. Но въ мирное время за честь себѣ бояре щитали, когда ѣдитъ по городу, чтобы ему предшествовали человѣкъ пятдесятъ слугъ пѣшками; слыхалъ я что и самыя боярыни нетокмо куда вознатное посѣщеніе, но ниже къ обѣдни къ своему приходу стыдились безъ предшествованія двадцати или тридцати слугъ ѣхать. Однако содержаніе сихъ слугъ недорого стоило: давали имъ пищу и весьма малое на сапоги жалованье а въ прочемъ они содержались своимъ искуствомъ, дома носили сѣрые, сермяжные кавтаны, а при выѣздѣ господина или госпожи, какой у кого получше кавтанъ сыщится, ибо тогда ливреи незнали; и я самъ запомню, что безъ гостей званныхъ, во всѣхъ домахъ лакеи ливреи не надѣвали, а употре-

бленные къ должностямъ люди, которыхъ бывало мало, носили такіе кавтаны, какіе случится.

Остается мнѣ еще сказать, что небыло тогда ни единаго, ктобы имѣлъ открытый столъ; но развѣ ближніе самые родственники безъ зову куда обѣдать ѣздили, а посторонніе инако неѣзжали какъ токмо званные и могли сидѣть поутру до часу обѣденнаго, а ввечеру до ужина небывъ уняты обѣдать или ужинать.

Таковые обычаи чинили, что почти всякій, по состоянію своему безъ нужды могъ своими доходами проживать и имѣть все нужное, непростирая къ лучшему своего желанія, ибо лучшаго никто и незналъ. А потомуже воспитаніе въ набожіи, хотя иногда дѣлало иныхъ суевѣрными, но влагало страхъ закона Божія, который утверждался въ сердцахъ ихъ ежедневною домашнею, божественною службою. Не было разныхъ для увеселенія сочиненныхъ книгъ и тако скука и уединенная жизнь заставляла читать божественное писаніе, иначе: въ Вѣрѣ утверждаться.

Правленіе деревень занимало большую часть время, а сіе правленіе влекло за собою разсмотрѣніе разныхъ крѣпостей и заведенныхъ разныхъ приказныхъ дѣлъ, которыя понуждали вникнуть въ узаконеніе государства, и за честь себѣ щитали младые люди хаживать сами вездѣ, какъ и въ родѣ своемъ имѣю примѣры, что Кн. Дмитрій Ѳедоровичь Щербатовъ, хаживалъ нетокмо по своимъ дѣламъ, но и по чужимъ и толь учинился благоразуміемъ своимъ знаемъ боярину Князь Ѳедору Ѳедоровичу Волконскому, что сей, хотя Кн. Щербатовъ по причинѣ раззоренія дому его, а купно съ убіеніемъ дѣда его Саввы . . . . . Щербатова отъ самозванца Отрепьева, и въ бѣдности находился, однако сей бояринъ, человѣкъ, весьма богатый, дочь свою и наслѣдницу своего имѣнія за него отдалъ и Кн. Иванъ Андреичь Щербатовъ, который послѣ былъ министромъ въ Гишпаніи, Царградѣ и Англіи и наконецъ дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ и ордена Св. Александра Невскаго Кавалеромъ, по своимъ дѣламъ въ молодости своей вездѣ хаживалъ.

Почтеніе къ родамъ умножило еще твердость въ сердцахъ нашихъ предковъ; — безпрестанные суды мѣстничества питали ихъ гордость; пребываніе въ совокупленіи умножало связь между родовъ и содѣловало ихъ безопасность что твердое предпринять, а тогдаже и налагало узду кому что недостойное имени своего сдѣлать; ибо безчестіе однаго весь родъ того имени себѣ щиталъ. А сіе нетокмо молодыхъ людей, но и самыхъ престарѣлыхъ въ ихъ должности удерживало. Благородной гордости бояръ мы многіе знаки обрѣтаемъ.

Князь Симскій Хабаровъ, бывъ принуждаемъ уступить мѣсто Малютѣ-Скуратову, съ твердостью отрекся, и когда царемъ Іоанномъ Васильевичемъ нужденъ былъ за сіе на смерть, послѣднѣю милость себѣ просилъ, чтобы, прежде его, два сына его были умервщлены, яко, бывъ люди молодые, ради страха гоненія и смерти, чего не достойнаго роду своему неучинили. Князь Михайло Петровичъ Репнинъ лучше восхотѣлъ потѣрпѣть гнѣвъ Царя Іоанна Васильевича и наконецъ убіеніе, нежели сообщникомъ учиниться распустныхъ его забавъ. Соединеніе же родовъ толь твердо было, что ни строгой обычай Царя Іоанна Васильевича, ни казни немогли возбранить, чтобы совокупясь многими родами, непросили у сего Государя пощады своимъ родственникамъ и свойственникамъ, осужденнымъ на казнь и бралися быть поруками впередъ за поступки того, яко свидѣтельствуютъ сіе многія, сохраненныя грамоты въ Архивѣ Иностранной Коллегіи, гдѣ таковыя поручныя подписи есть и дѣдъ мой, Князь Юрій Ѳедоровичь Щербатовъ неустрашился у разгнѣвленнаго Государя Петра Великаго, по царевичеву дѣлу, за родственника своего, ведомаго на казнь, прощеніе просить, прося, что естли неучинено будетъ милосердіе, дабы его самаго въ старыхъ лѣтахъ сущаго, лишить жизни, да неувидятъ очи его безчестія роду и племени своего, и пощаду родственнику своему испросилъ.

Такая тѣсная связь между родовъ обуздывала страсти юношей, которые нетокмо бывъ воспитываемы въ совершенномъ почтеніи и безпрекословномъ повинове-

ніи къ ихъ родителямъ, обязаны были почитать всѣхъ старшихъ своего рода и въ нихъ обрѣтали строгихъ надзирателей своихъ поступковъ; такъ какъ защитниковъ во всякомъ случаѣ.

Самые, хотя мало остающіеся обычаи нынѣ сіе свидѣтельствуютъ, которые, въ младости моей помню, яко священные законы хранились, чтобъ молодые люди каждый праздникъ пріѣзжали по утрамъ къ ихъ старшимъ родственникамъ для изъявленія почтенія ихъ, и чтобъ ближеніе родственники и свойственники съѣзжались загавливаться и разгавливаться къ старшему.

Самые самовластнѣйшіе Государи принуждены иногда бываютъ послѣдовать умоначертанію своего народа, такъ наши Государи и послѣдовали утверждать сіи обычаи, нетокмо снизходя на просьбы благородныхъ, но также производя предпочтительно предъ другими изъ знатнѣйшихъ родовъ; и мы находимъ въ родѣ Князей Репниныхъ, что многіе изъ столниковъ, миновавъ чинъ окольничаго, прямо въ бояре были жалованы. Преимущество сіе часто и младымъ людямъ учиненное моглобы подать причину подумать: что оное обращалось въ обиду другимъ, но сего не было; ибо не по однимъ чинамъ тогда благородныхъ почитали, но и по рожденіямъ ихъ, и тако чины давали токмо должности, а рожденіе пріобрѣтало почтеніе.

Въ воздояніе за такое снисхожденіе Государей получали они, что находили въ благородныхъ — вѣрныхъ, усердныхъ и твердыхъ слугъ. Потщусь я нѣсколько мнѣ извѣстныхъ примѣровъ предложить. Аѳанасій Нагой бывъ посломъ въ Крыму и многое претерпѣвая отъ наглостей Крымскихъ, хотя выбиваемъ былъ Ханомъ изъ Крыму, чувствуя нужду его пребыванія въ семъ полуостровѣ, объявилъ, что онъ развѣ связанный будетъ вывезенъ изъ Крыму, а безъ того непоѣдитъ, хотя бы ему смерть претерпѣть. Князь Борисъ Алексѣичь Голицынъ предпочелъ сохраненіе здоровья Государева возвышенію своего рода, спасъ Петра Великаго во младенчествѣ и винному своему родственнику пощаду живота испросилъ. Прозоровскій, вовремя трудныхъ об-

стоятельствъ начала Шведскія войны, соблюлъ великое число казны и государственныя вещи, повелѣнныя Государемъ изломать и перебить въ монету, утаилъ, давъ вмѣсто ихъ собственное свое серебро, и при благополучнѣйшихъ обстоятельствахъ, когда Государь самъ сожалѣлъ объ истребленіи сихъ вещей, цѣлыя, не желая никакого возмездія возвратилъ.—Борисъ Петровичъ Шереметевъ судъ царевичевъ неподписалъ, говоря, что «онъ рожденъ служить своему Государю, а не кровь его судить» и не устрашился гнѣву Государева, который нѣсколько времени на него былъ въ гнѣвѣ яко внутренне на доброжелателя несчастнаго царевича.—Князь Яковъ Ѳедоровъ. Долгоруковъ многія дѣла, Государемъ подписанныя, останавливалъ, дая ему всегда справедливые совѣты, и гнѣвъ Государской, за чистое его противуборство воли его на почтеніе обращалъ; а тѣмъ открывалъ путь обще къ славѣ своего Государя и къ блаженству народному. Сіи были остатки древняго воспитанія и древняго правленія.—

Воззримъ же теперь какія перемѣны учинили въ насъ нужная, но, можетъ быть, излишняя перемѣна Петромъ Великимъ, и какъ отъ оныя пороки зачали вкрадываться въ души наши, даже какъ царствованіе отъ царствованія они часъ отъ часу, вмѣстѣ съ сластолюбіемъ возрастая, дошли до такой степени, какъ выше о нихъ упомянулъ. Сіе сочинитъ купно исторію правленій и пороковъ.—

Петръ Великій, подражая чужестраннымъ народамъ, не токмо тщался ввести познанія наукъ, искуствъ и ремеслъ, военное порядочное устроеніе, торговлю и приличнѣйшія узаконенія въ свое государство, также старался ввести и таковую людскость, сообщеніе и великолѣпіе, о коемъ ему сперва Лефортъ натвердилъ, а потомъ которое и самъ онъ усмотрѣлъ. Среди нужныхъ установленій законодательства, учрежденія войскъ и артиллеріи, не меньше онъ прилагалъ намѣренія являющіяся ему грубые, древніе нравы смягчить. Повелѣлъ онъ бороды брить, отмѣнилъ старинныя, русскія одѣянія и вмѣсто длинныхъ платьевъ заставилъ мужчинъ

нѣмецкіе кавтаны носить, а женщинъ, вмѣсто тѣлогреи, бостриги, юбки, шлафорки и самары, вмѣсто подкалковъ, фонтанжами и корнетами голову украшать. Учредилъ разныя собранія, гдѣ женщины, до сего отдаленныя отъ сообщеніи мужчинъ, вмѣстѣ съ ними при веселіяхъ присутствовали. Пріятно было женскому полу, бывшему почти до сего невольницами въ домахъ своихъ, пользоваться всѣми удовольствіями общества, украшать себя одѣяніями и уборами, умножающими красоту лица ихъ, и оказующими ихъ хорошій станъ; не малое же имъ удовольствіе учинило, что должны прежде видѣть съ кѣмъ на вѣкъ должны совокупиться, и что лица жениховъ ихъ и мужей уже не покрыты стали колючими бородами. А съ другой стороны пріятно было молодымъ и незаматерѣлымъ въ древнихъ обычаяхъ людямъ, вольное обхожденіе съ женскимъ поломъ, и что могутъ напередъ видѣть и познать своихъ невѣстъ, на которыхъ прежде, повѣряя взору родителей своихъ женивались.— Страсть любовная, до того почти въ грубыхъ нравахъ незнаемая, начала чувствительными сердцами овладѣвать, и первое утвержденіе сей перемѣны отъ дѣйствія чувствъ произошло. А сіе самое и учинило, что жены, до того нечувствующія своей красоты, начали силу ея познавать, стали стараться умножать ее пристойными одѣяніями, и болѣе предковъ своихъ распростерли роскошь въ украшеніяхъ. О коль желаніе быть пріятной дѣйствуетъ надъ чувствіями женъ! Я отъ вѣрныхъ людей слыхалъ, что тогда въ Москвѣ была одна только уборица для волосовъ женскихъ и ежели къ какому празднику когда должны были младыя женщины убираться, тогда случалось, что она за трои сутки нѣкоторыхъ убирала, и онѣ должны были до дня выѣзда сидя спать, чтобы убору не испортить. Можетъ быть сему неповѣрятъ нынѣ, но я паки подтверждаю, что я сіе отъ столь важныхъ людей слышалъ, что въ семъ сомнѣваться недолжно. Естли страсть быть пріятной такое дѣйствіе надъ женами производила, немогла она неимѣть дѣйствія и надъ мущинами, хотящими имъ угодными быть, то тщаніе украшеній туже роскошь раждала.

И уже престали довольствоваться однимъ или двумя длинными платьями, но многія съ голунами, съ шитьемъ и съ пондесланами (?) дѣлать начали.

Колико самъ государь ни держался древней простоты нравовъ въ своей одеждѣ, такъ что кромѣ простыхъ кавтановъ и мундировъ никогда богатыхъ ненашивалъ, и токмо, для коронаціи Императрицы Екатерины Алексѣевны, своей супруги, сдѣлалъ голубой гродетуровой кавтанъ съ серебреннымъ шитьемъ; да сказываютъ еще у него былъ другой кавтанъ дикой съ золотымъ шитьемъ, незнаю, для какаго знатнаго же случая сдѣланной. Прочее было все такъ просто, что и бѣднѣйшій человѣкъ нынѣ того носить нестанетъ, какъ видно по оставшимся его одеждамъ, которыя хранятся въ кунштъ-камерѣ при Императорской Академіи Наукъ. Манжетъ онъ не любилъ и не нашивалъ, яко свидѣтельствуютъ его портреты; богатыхъ екипажей неимѣлъ, но обыкновенно ѣзжалъ въ городахъ въ одноколкѣ, а въ дальномъ пути въ качалкѣ. Множество служителей и придворныхъ у него не было, но были у него деньщики и даже караулу окромѣ какъ полковника гвардіи неимѣлъ. Однако при такой собственной особѣ его простотѣ, хотѣлъ онъ, чтобы подданные его нѣкоторое великолѣніе имѣли. Я думаю, что сей великій государь, который ничего безъ дальновидности не дѣлалъ, имѣлъ себѣ въ предметѣ, чтобы великолѣпіемъ и роскошью подданныхъ побудить торговлю, фабрики и ремеслы, бывъ увѣренъ, что при жизни его излишнее великолѣпіе и сластолюбіе не утвердитъ престола своего при царскомъ дворѣ. И такъ мы находимъ, что онъ побуждалъ нѣкоторое великолѣпіе въ платьяхъ, какъ видимъ мы, что во время торжественнаго входу, послѣ взятія азовскаго, генералъ-адмиралъ Лефортъ шелъ въ красномъ кавтанѣ съ голунами по швамъ, и другіе генералы такоже богатые кавтаны имѣли; ибо тогда генералы мундировъ не нашивали. Богатые люди изъ первосановниковъ двора, или которые благодѣяніями его были обогащены, какъ Трубецкіе, Шереметевъ и Меншиковъ, въ торжественные дни уже старались имѣть богатыя

платья. Парчи и галуны стали какъ у женъ, такъ и у мужей въ употребленіи, и хотя нечасто таковыя платья надѣвали, моды хотя долго продолжались, однако онѣ были, и по достатку своему оные уже ихъ чаще, нежели при прежнихъ обычаяхъ дѣлали. Вмѣсто саней и верховой ѣзды и вмѣсто колымагъ, не терпящихъ украшеній, появились уже кареты и коляски, начались уже цуги, которыхъ до того не знали и приличныя украшенія къ симъ екипажамъ. Служители переодѣты на нѣмецкій манеръ, не въ разноцвѣтныхъ платьяхъ стали наряжаться, но каждый по гербу своему, или поизволенію дѣлалъ имъ ливреи, а офисъянты, которыхъ тогда еще весьма мало было, еще въ разноцвѣтныхъ платьяхъ ходили.

Касательно до внутренняго житья, хотя самъ государь довольствовался самою простою пищею, однако онъ ввелъ уже въ употребленіе прежде незнамые въ Россіи напитки, которые предпочительно другимъ пивалъ. То есть, вмѣсто водки домашней, сиженой изъ простаго вина, водку голандскую анисовую, которая приказной называлась и вины: ермитажъ и венгерское, до того незнаемыя въ Россіи.

Подражали ему его и вельможи и тѣ, которые близко были къ двору; да и въ самомъ дѣлѣ надлежало имъ сіе имѣть; ибо Государь охотно подданныхъ своихъ посѣщалъ, то подданный чего для Государя не сдѣлаетъ? Правда сіе не токмо было для него угодно, но напротиву того, онъ часто за сіе гнѣвался, и не токмо изъ простаго вина подслащенную водку, но и самое простое вино пивалъ; но и собственное желаніе удовольствія, до того ими незнаемаго, превозмогло и самое запрещеніе государево, дабы послѣдовать его вкусу. Уже въ домахъ завелися не токмо анисовая, приказная водка, но и гданскія: вина не токмо старинныя, о коихъ выше помянуто, но также ермитажъ, венгерское и другія. Правда, что еще сначала ихъ довольно бережливо подавали и въ посредственныхъ домахъ никогда въ обыкновенные столы употребляемы не были, но токмо во время праздниковъ и пиршествъ, да и тутъ не стыдились, принести

четвертную, запечатанную и наливъ изъ нее по рюмкѣ, опять запечатавъ на погребъ отослать.

Однако хотя Петръ Великій самъ не любилъ и не имѣлъ времени при дворѣ своемъ дѣлать пиршества, то оставилъ сіе любимцу своему кн. Меншикову, который часто оныя, какъ въ торжественные дни, такъ и для чужестранныхъ министровъ съ великимъ великолѣпіемъ по тогдашнему времени чинилъ. Имѣлъ для сего великій домъ, не токмо на то время, но и въ нынѣшнее; ибо въ оный послѣ кадетскій сухопутный корпусъ былъ помѣщенъ, и слыхалъ я, что Государь видя изъ дворца своего торжество въ домѣ его любимца, чувствовалъ удовольствіе, говоря „вотъ какъ Данилычь веселится". Равно ему подражая, такъ и бывъ обязаны самыми своими чинами, другіе первосановники Имперіи, такоже имѣли открытые столы, какъ Генералъ-Адмиралъ Графъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, Генералъ-Фелдмаршалъ Графъ Б. П. Шереметевъ, Канцлеръ Графъ Гаврилъ Ивановичь Головкинъ, и Бояринъ Тихонъ Никитичь Стрешневъ, которому, поелику онъ оставался первымъ правителемъ Имперіи, во время отсутствія въ чужіе краи Императора Петра Великаго, на столъ и деревни были даны.

Симъ знатнымъ людямъ и низшіе подражая, уже въ многихъ домахъ открытые столы завелися, и столы не такіе, какъ были старинные, то есть, что токмо произведенія домостройства своего употреблялись; но уже старались чужестранными приправами придать вкусъ добротѣ мясъ и рыбъ.

И конечно въ такомъ народѣ, въ которомъ гостепріимство сочиняло всегда отличную добродѣтель, нетрудно было ввести въ обычай таковыхъ открытыхъ столовъ употребленіе; что соединяясь и съ собственнымъ удовольствіемъ общества, и съ лучшимъ вкусомъ кушанья противу стариннаго, самымъ удовольствіемъ утверждалось.

Не непріятель былъ Петръ Великій честному обществу; но хотѣлъ чтобы оно безубыточно каждому было. Онъ учредилъ ассамблеи, на которыя въ назначенные

дни множество собиралось. Но симъ ассамблеямъ предписалъ печатными листами правила, что должно на столъ поставлять, и какъ принимать пріѣзжихъ, симъ упреждая и излишнюю роскошъ, и тягость высшихъ себѣ принимать; ибо общество ни въ опиваніи и обжираніи состоитъ и неможетъ оно быть пріятно гдѣ нѣтъ равности. Самъ часто Государь присутствовалъ въ сихъ ассамблеяхъ и строго наблюдалъ, дабы предписанное исполнялось.

Но слабы были сіи преграды, когда вкусъ, естественное сластолюбіе и роскошъ стараются поставленную преграду разрушить; и гдѣ неравность чиновъ и надежда получить что отъ вельможъ истребляютъ равность.

Въ присутствіи Государевомъ, учиненныя имъ предписанія сохранялись въ ассамблеяхъ, но въ простомъ житьи роскошъ и униженіе утверждали свои корни.

И подлинно мы видимъ, что тогда зачали уже многіе домы упадать, и упадающіе ожидать отъ милости Государской и отъ защищенія вельможъ своего подкрѣпленія. Изъ первыхъ знатныхъ домовъ, мнѣ случалось, слышать объ домѣ Князя Ивана Васильевича Одоевскаго, котораго домъ, былъ на Тверской, тотъ самый, который послѣ его былъ Василья Ѳедоровича Салтыкова, потомъ Строгонова, а нынѣ за Князь Алексѣемъ Борисовичемъ Голицынымъ состоитъ, въ приходѣ у Спаса.

Сей Кн. Одоевскій неумѣреннымъ своимъ сластолюбіемъ такъ раззорился, что продавъ всѣ деревни, оставилъ себѣ токмо нѣкоторое число служителей, которые были музыканты, и сіи ходя въ разныя мѣста играть и получая плату, тѣмъ остальное время жизни его содержали. Во истину, при древней простотѣ нравовъ, музыканты ненашлибы довольно въ упражненіи своемъ прибыли, чтобы и себя и господина своего содержать.

Я сказалъ о семъ Кн. Одоевскомъ, яко о раззорившемся человѣкѣ; но и многіе другіе естли не въ раззореніе отъ сей перемѣны жизни пришли, то по крайней мѣрѣ чувствовали немалую нужду.

Дабы умолчать о прочихъ, Борисъ Петровичъ Шереметевъ, Фелдмаршалъ, именитый своими дѣлами, обога-

щенный милостью монаршею, принужденъ однако былъ впередъ Государево жалованье забирать и съ долгомъ симъ скончался яко свидѣтельствуетъ сіе самая его духовная. И послѣ смерти жена его подавала письмо Государю, что она отъ исковъ и другихъ убытковъ пришла въ раззорѣніе.

Перемѣнившійся такимъ образомъ родъ жизни сначала первосановниковъ Государства, а въ подражаніе имъ и другихъ дворянъ, и расходы: достигши до такой степени, что стали доходы превозвышать, начали люди наиболѣе привязываться къ Государю и вельможамъ, яко къ источникамъ богатства и награжденій. Страшусь я, чтобы кто несказалъ, что по крайней мѣрѣ сіе добро произвело, что люди наиболѣе къ Государю стали привязываться. Несть сію привязанность, несть благо, ибо она неточно къ особѣ Государской была, но къ собственнымъ своимъ пользамъ; привязанность сія учинилась непривязанность верныхъ подданныхъ, любящихъ Государя и его честь, и соображающихъ все съ пользою Государства; но привязанность рабовъ, наимщиковъ, жертвующихъ все своимъ выгодамъ и обманывающихъ лестнымъ усердіемъ своего Государя.

Грубость нравовъ уменьшилась, но оставленное ею мѣсто лестью и самствомъ наполнилось; оттуда произошло раболѣпство, презрѣніе истины, обольщеніе Государя и прочія зла, которыя днесь при дворѣ царствуютъ, и которыя въ домахъ вельможей возгнѣздились.

Не сокрылся сей порокъ отъ остроумнаго Монарха, и сей Государь, строго и справедливо до крайности, старался сколь можно лесть отгонять, яко случилось, какъ я слыхалъ, что одинъ изъ знаемыхъ ему офицеровъ, бывъ съ нимъ на асамблее, выхвалялъ свое усердіе къ Государю, говоря, что онъ во всякомъ случаѣ готовъ за него умереть. Услышавъ сіе, Государь ему говорилъ, что ни онъ не желаетъ, ни должность его ему неповелѣваетъ, чтобы онъ хотѣлъ неразбирая случая для него умереть, но требуетъ токмо того, чтобы въ случаѣ нужды или опасности его особы, что неможетъ быть несоединено съ пользою государственною, онъ расположенъ былъ

пожертвовать своею жизнію. Офицеръ, хотя наиболѣе показать свое усердіе, зачалъ паки утверждать, что онъ сіе готовъ учинить всякой часъ, когда угодно будетъ Государю. Остроумный Монархъ ничего неотвѣчавъ, взявъ его руку, палецъ поднесъ къ горячей свѣчѣ и зачалъ его жечь; отъ боли офицеръ зачалъ силиться выдернуть руку. Тогда и опустя, сказалъ ему государь, что когда онъ малой боли обозженія пальца вытерпѣть немогъ, не по нуждѣ, но по волѣ Государя, то какъ онъ могъ щедро обѣщать, съ радостью и все тѣло свое безъ нужды пожертвовать? Другой случай, слышанный же мною: доказуетъ, коль любилъ Государь истину. Захаръ Данилычъ Мешуковъ, бывшій порутчиковъ во Флотѣ, прежде 1718 году, любимый Государемъ, яко первый русской, въ которомъ онъ довольно знанія мореплаванія нашелъ, и первой, который командовалъ уже Фрегатомъ, бывъ на единомъ пиршествѣ съ Государемъ въ Кронштадтѣ и напившися нѣсколько пьянъ, сталъ размышлять о лѣтахъ Государя, о казующемся слабомъ его здоровьѣ и о наслѣдникѣ, какаго оставляетъ, вдругъ заплакалъ. Удивился Государь возлѣ котораго онъ сидѣлъ о текущихъ его слезахъ, любопытно спрашивалъ причину оныхъ. Мешуковй отвѣтствовалъ, что онъ размышлялъ, что мѣсто, гдѣ они сидятъ, градъ столичный, близь него строенный, флотъ заведенный, множество русскихъ, входящихъ въ мореплаватели, самый онъ служившій въ флотѣ и ощущающій его милости, — суть дѣянія рукъ его; то взирая на сіе и примѣчая, что здоровье его, Государя и благодѣтеля ослабѣваетъ, немогъ отъ слезъ удержаться, прилагая при томъ простою рѣчью: «на каво ты насъ оставишь?» — Отвѣтствовалъ Государь: «У меня есть наслѣдникъ», разумѣя Царевича Алексѣя Петровича. На сіе Мешуковъ слѣпо и неосторожно сказалъ: «охъ, вѣдь онъ глупъ, все разстроитъ»! При Государѣ сказать такъ о его наслѣдникѣ, и сіе не тайно, но предъ множествомъ предсѣдящихъ. Чтожъ сдѣлалъ Государь? Почувствовалъ онъ вдругъ дерзость, грубость и истину и довольствовался, усмѣхнувшись, ударить его въ голову, съ приложеніемъ: «дуракъ сего въ беседѣ

неговорятъ». Но не взирая на таковое любленіе истины, ни на отвращеніе его отъ лести, немогъ Государь вкрадывающійся сей ядъ искоренить. Большая часть окружающихъ его ни въ чемъ несмѣли ему противурѣчить, но паче льстили, хвалили все сдѣланное имъ и непротивурѣча его изволеніямъ, а иные и угождая страстямъ его. Хотя онъ знатнымъ образомъ никогда обманутъ и небылъ, однако Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ никогда ненашелъ въ сопротивленіяхъ своихъ Государю въ Сенатѣ себѣ помощниковъ. И тщетно онъ суровыми и справедливыми своими предложеніями два опредѣленія, подписанныя Государемъ, отмѣнилъ, о привозѣ на перемѣнныхъ лошадяхъ провіанту въ Петербургъ на армію, и о набраніи посохи на содержаніе народномъ для дѣланія Ладожскаго канала. Въ обоихъ сихъ случаяхъ, ни въ другихъ никто соучастникомъ его твердости и справедливости быть нехотѣлъ.

Единый самъ Государь терпѣлъ его грубыя, но справедливыя предложенія, и хотя съ стѣсненіемъ сердца, превозмогая себя, на оныя соглашался. Я слышалъ отъ очевидныхъ свидѣтелей и Василій Никитичъ Татищевъ въ исторіи своей сіе вмѣстилъ, что бывши Государь въ Кронштатѣ, въ единомъ пиршествѣ окружающіе его вельможи начали превозносить его хвалами, говоря, что онъ болѣе отца своего. Между таковыхъ похвальныхъ воплей единой Кн. Я. Ѳ. Долгоруковъ въ молчаніи пребывалъ. Примѣтя сіе, Государь требовалъ его мнѣнія. Сей остроумный твердый мужъ не могъ вдругъ отвѣтствовать на такой вопросъ гдѣ состояло сужденіе между царствующаго Государя и его отца, обоихъ отличныхъ ихъ качествами. Взявъ нѣсколько времени подумать, сказалъ слѣдующее: исчисливъ онъ все подробно что Петръ Великій сдѣлалъ для пользы отечества, исчисливъ его труды и подвиги и наконецъ сказалъ; какъ великъ онъ есть во владыкахъ земныхъ, но продолжая говорилъ: всѣ сіи труды, всѣ сіи установленія неутверждаютъ еще внутренняго спокойствія государства и безопасность гражданскую въ жизни и имѣніяхъ, отецъ же твой, говорилъ, при тихости нра-

вовъ начиналъ многое, но паче всего что онъ сдѣлалъ Уложеніе, которое нынѣ, при перемѣнѣ обычаевъ, перемѣны требуетъ; когда окончишь ты всѣ свои подвиги благими узаконеніями, тогда справедливо можно будетъ сказать, что весьма превзошелъ твоего отца. Государь возчувствовалъ всю справедливость его глаголовъ и согласіемъ своимъ мнѣніе его утвердилъ.

Чегоже ради никто другой ни въ бесѣдахъ, ни въ Сенатѣ и нигдѣ таковой правды неговорилъ, какъ сей, безсмертія достойный Кн. Долгоруковъ? Того ради, что они болѣе желали пріобрѣсти милость Государскую, нежели чиновъ и имѣній; ибо въ самомъ дѣлѣ невидно, чтобы любимецъ его Кн. Меншиковъ, когда ему строгую првду представлялъ, чтобы Гаврила Ивановичь Головкинъ, Государственный Канцлеръ отвратилъ его отъ переписки съ Галембурхомъ, съ Горцомъ и съ англійскими и шкотландскими сообщниками претендента; ни Остерманъ, бывшій тогда въ маломъ чину, и написавшій требуемое письмо, несовмѣстность сего поступка представилъ; чтобы Иванъ Муссинъ-Пушкинъ его отъ какаго поступка удержалъ, чтобы Адмиралъ Апраксинъ имѣющій такую повѣренность, что вопреки сказалъ Государю. Но всѣ токмо согласіе свое изъявляли и впускали вкореняться лести и рабству, для собственныхъ своихъ прибытковъ, чему и самъ Государь и Кн. Я. Ѳ Долгоруковъ противуборствовали. А съ другой стороны духовный чинъ, который его нелюбилъ за отнятія своей власти, грѣмелъ въ храмахъ Божіихъ его панегириками. Между сими Прокоповичь, который изъ духовенства, хотя нелюбви къ Государю неимѣлъ, но былъ совершенно ослѣпленъ честолюбіемъ, яко въ другія царствованія ясно оказалъ, выспренный свой голосъ на хвалы Государевы вознесъ.—Достоинъ онъ былъ многихъ похвалъ, но желательнобы было, чтобы они не отъ лести происходили, а похвалы Прокоповича сего непостриженнаго (?) монаха, сего честолюбиваго архіерея, жертвующаго законъ изволеніямъ Бирона, его, иже неустыдился быть судьею Тайной Канцеляріи, бывъ Архипастыремъ Церкви Божіей, были лестны, яко свидѣтельствуетъ его

собственное сочиненіе «Правда воли Монаршей», памятникъ лести и подобострастія монашескаго изволенію Государскому.—

Сказалъ я, что сластолюбіе и роскошъ могли такое дѣйствіе въ сердцахъ произвести; но были еще и другіе причины, происходящія отъ самыхъ учрежденій, которыя твердость и добронравіе искореняли. Разрушенное мѣстничество (вредное впрочемъ службѣ и государству) и незамѣненное никакимъ правомъ знатнымъ родамъ, истребило мысли благородной гордости въ дворянахъ; ибо стали не роды почтенны, а чины и заслуги и выслуги; и тако каждый сталъ добиваться чиновъ, а не всякому удасться прямыя заслуги учинить, то за недостаткомъ заслугъ, стали стараться выслуживаться всякими образами льстя и угождая Государю и вельможамъ; а при Петрѣ Великомъ введенная служба, въ которую вмѣстѣ съ холопами ихъ носили на одной степени ихъ господъ въ солдаты, и сіи первые по выслугамъ пристойнымъ ихъ роду людямъ, доходя до офицерскихъ чиновъ, учинились начальниками господамъ своимъ и бивали ихъ палками. Рода дворянскіе стали раздѣлены по службѣ такъ, что иной однородцовъ своихъ и вѣкъ не увидитъ.—

То могла ли остаться добродѣтель и твердость въ тѣхъ, которые въ юности своей отъ палки своихъ начальниковъ дрожали? которые иначе какъ подслугами почтенія немогли пріобрѣсти и бывъ каждый безъ всякой опоры отъ своихъ однодворцевъ, безъ соединенія и защиты, оставался единъ, могущій преданъ быть въ руки сильнаго.

Похвально есть, что Петръ Великій хотѣлъ истребить суевѣріе въ законѣ ибо въ самомъ дѣлѣ не почтеніе есть Богу и закону суевѣріе, но паче руганіе; ибо прописывать Богу неприличныя ему дѣянія сіе есть богохулить.

Въ Россіи бороду образомъ Божіимъ почитали, и за грѣхъ щитали ее брить, а черезъ сіе впадали въ ересь антропоморфитовъ. Чудеса, безъ нужды учиненныя, явленные образы, рѣдко доказанные, повсюду про-

славляли, привлекали суевѣріе богомоліе и дѣлали доходы развратнымъ священно служителямъ. Все сіе Петръ Великій тщился отвратить; указами повелѣлъ брить бороды, и духовнымъ регламентомъ положилъ преграду ложнымъ чудесамъ и явленіямъ, равно какъ и неблагопристойнымъ сборамъ при поставленныхъ на распутіяхъ образахъ. Зная, что законъ Божій есть къ сохраненіи рода человѣческаго, а не къ истребленію его безъ нужды, благословеніемъ отъ Синода и отъ вселенскихъ Патріарховъ учинилъ позволено есть мясо въ посты въ нуждѣ, а паче въ морской службѣ, гдѣ и безъ рыбы довольно люди къ скорбутинѣ подвержены, повелѣвая самоохотно жертвующихъ жизнію своею, таковымъ воздержаніемъ, вовремя приключившихся отъ болезней, въ воду кидать. Все сіе очень хорошо, окромѣ что послѣднее нѣсколько сурово.

Но когда онъ сіе учинилъ? когда народъ былъ еще не просвѣщенъ, и тако отнимая суевѣріе у непросвѣщеннаго народа, онъ самую вѣру къ божественному закону отнималъ. И сіе дѣйствіе Петра В. можно примѣнить къ дѣйствіи неискустнаго садовника, который у слабаго дерева отрѣзываетъ водяныя, пожирающія его сокъ вѣтви. Естлибы оно было корнемъ сильно, то сіе обрѣзыванье учинило ему произвести хорошія и плодовитыя вѣтви; но какъ оно слабо и больно, то урѣзаніе сихъ вѣтвей, которыя чрезъ способъ листьевъ своихъ, получающихъ внѣшнюю влагу, питали слабое дерево, отнявъ ее новыхъ плодовитыхъ вѣтвей непроизвело, ниже сокомъ раны затянуло, и тутъ содѣлались дупла, грозящія погибелью дереву. Такъ урѣзанье суевѣрій и на самыя основательныя части вѣры вредъ произвело; уменьшились суевѣрія, но уменьшилась и вѣра: изчезла рабская боязнь ада, но изчезла и любовь къ Богу и къ святому его закону; и нравы за недостаткомъ другаго просвѣщенія, исправляемыя вѣрою, потерявъ сію подпору, въ развратъ стали приходить.

Со всѣмъ почтеніемъ, которое я къ сему великому въ монархахъ и великому въ человѣкахъ въ сердцѣ своемъ сохраняю, совсѣмъ чувствіемъ моимъ, что самая

польза государственная требовала, чтобы онъ имѣлъ окромѣ царевича Алексѣя Петровича, законныхъ дѣтей, пріемниками его престола,—немогу я удержаться, чтобы не охулить разводъ его съ первою его супругой, рожденной Лопухинной, и второй бракъ по постриженіи первой супруги, съ плѣнницею Екатериною Алексѣевною; ибо примѣръ сей нарушенія таинства супружества, ненарушимаго въ своемъ существѣ, показалъ, что безъ наказанія можна его нарушать. Пусть Монархъ имѣлъ къ тому сильныя причины, которыя однакожъ я не вижу, окромѣ склонности ея къ Монсовымъ, сопротивленія жены его новымъ установленіемъ. Но подражатели его имѣли-ли государственныя причины подобно дѣлать? Павелъ Ивановичь Егузинскій, постригши первую свою жену и женясь на другой, рожденной Галовкиной, имѣлъ-ли государственныя причины стараться имѣть себѣ потомство, въ нарушеніи Божественныхъ законовъ. Многіе и другіе сему подражали и нетокмо изъ вельможъ, но и изъ малочинныхъ людей, яко Князь Борисъ Сонцевъ-Засѣкинъ сіе учинилъ.

И тако, хотя Россія, чрезъ труды и попеченія сего Государя пріобрѣла знаемость въ Европѣ и вѣсъ въ дѣлахъ; войска ея стали порядочнымъ образомъ учреждены, и флоты Бѣлое и Балтійское море покрыли, коими силами побѣдила давныхъ своихъ непріятелей и прежнихъ побѣдителей, Поляковъ и Шведовъ, пріобрѣла знатныхъ области и морскія пристанища. Науки, художества и ремесла стали въ ней процвѣтать, торговля начала ее обогощать и преобразовались Россіяне—изъ бородатыхъ въ гладкіе, изъ долгополыхъ въ короткополые, стали сообщительнѣе и позориша благонравныя извѣстны имъ учинились. Но тогда же искренная привязанность къ вѣрѣ стала исчезать, таинства стали впадать въ презрѣніе, твердость уменьшилась, уступая мѣсто нагло стремящейся лести, роскошъ и сластолюбіе положили основаніе своей власти, а симъ побужденіемъ и корыстолюбіе къ разрушенію законовъ и ко вреду гражданъ начало проникать въ судебныя мѣста. Таково есть состояніе, въ которомъ (не взирая на всѣ преграды,

которыя собственною своею особою и своимъ примѣромъ полагалъ Петръ Великій для отвращенія отъ пороковъ), вразсужденія нравовъ осталася Россія по смерти сего великаго Государя.

Воззримъ теперь колико, при двухъ громкихъ царствованіяхъ Екатерины Первой и Петра Второго, пороки сдѣлали шаговъ, дабы наиболѣе утвердится въ Россіи.

Женскій полъ обыкновенно болѣе склоненъ къ роскошамъ, нежели мужской, и тако видимъ мы, что Императрица Екатерина Алексѣевна Первая, еще при жизни супруга своего Петра Великаго, имѣла уже дворъ свой; камергеръ у нея былъ Монсъ, котораго излишняя роскошъ была первымъ знакомъ, доведшимъ его до поносной смерти; камеръ-юнкеры ея были Петръ и Яковъ Ѳедоровичи Балковы, его племянники, которые также при несчастіи его отъ двора были отогнаны. Любила она и тщилась украшаться разными уборами и простирала сіе хотѣніе до того, что запрещенно было другимъ женщинамъ подобные ей украшенія носить, яко то убирать алмазами обѣ стороны головы, а токмо позволяла убирать лѣвую сторону; запрещено стало носить горностаевые мѣха съ хвостиками, которые одна она носила, и сіе не указомъ не закономъ введенное обыкновеніе учинилось почти узаконеніе, присвояющее сіе украшеніе единой Императорской фамиліи, тогда какъ въ нѣмецкой землѣ и мѣщанки ею употребляютъ. А такое тщаніе не показуетъ-ли, что если лѣта зачали убавлять ея красоту, то уборами, отличными отъ другихъ, тщилась оную превозвысить. Незнаю справедливо-ли сіе мнѣніе было, и прилично-ли Государю ежечасно подобно какъ въ маскарадномъ платьи передъ подданными своими быть, якобы недоставало ему другихъ украшеній могущихъ его отличить. По возшествіи ея на престолъ, довольно чуднымъ образомъ воспослѣдовавшемъ; ибо Петръ Великій не съ тѣмъ ее вѣнчалъ царскимъ вѣнцемъ, чтобы ее наслѣдницею своею учинить, ниже когда того желалъ; но умирая назнача наслѣдника,—вельможи, а именно: Кн. Меншиковъ, зная слабость Императрицы; Толстой, боясь мщенія отъ сына Царевича Алексѣя

Петровича, законнаго наслѣдника, за привезеніе и за смерть отца его, вопрося Ивана Ильича Мамонова, подполковника гвардіи,—надѣется-ли онъ на согласіе гвардіи полковъ и получа утвердительный отвѣтъ, предъ собранными полками ее самодержцею провозгласили. Тако взошла сія государыня на все-россійской престолъ: дѣйствіе недостатка основательныхъ законовъ.

И Петръ Великій еще не охладѣлъ мертвый а уже неволя его, не право наслѣдственное и привязанность къ крови, на самовольное желаніе вельможъ рѣшило важнѣйшую вещь въ свѣтѣ, то есть наслѣдство его престола.

Возсшествіе ея такимъ образомъ на престолъ слѣдующія дѣйствія надъ нравами народными произвело. Она была слаба, роскошна во всемъ пространствѣ сего названія; вельможи были честолюбивы и жадны; а изъ сего произошло, упражняясь въ повседневныхъ пиршествахъ и роскошахъ, оставила всю власть правительства вельможамъ; изъ которыхъ взялъ верхъ Князь Меншиковъ. Пышность и сластолюбіе у двора его умножились, упала древняя гордость дворянская, видя себя управляема мужемъ хотя достойнымъ, но изъ подлости произшедшимъ—а мѣсто ея раболѣпство къ сему вельможѣ, могущему все.

Краткое царствованіе сей Императрицы впрочемъ большихъ перемѣнъ немогло учинить, окромѣ что вывозъ разныхъ драгоцѣнныхъ уборовъ и винъ весьма умножился, и сластолюбіе сіе во всѣ степени людей проникло, умножило нужды, а умножа нужды, умножило исканіе способовъ безъ разбору, дабы оныя наполнить. Какое тогда состояніе было сына Царевича Алексѣя Петровича, по несчастію отца своего лишеннаго принадлежащаго ему наслѣдія? Онъ былъ въ юныхъ лѣтахъ; о воспитаніи его непомышляли, наслѣдникомъ престола не признавали и ниже моленія въ церквахъ о здравіи его было, якобы надлежало о произшедшемъ отъ царскаго корня,—и всѣ его поступки подозрѣваемы были.

Дабы наиболѣе надзирать его поступки и примѣчать слова и движенія, опредѣленъ къ нему былъ младый,

умный и честолюбивый человѣкъ, Кн. Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ. Сей, примѣчая жизнь Императрицы Екатерины Алексѣевны и разсуждая, что неуповательно, чтобы двѣ дщери Петра, Великая Герцогиня Анна и Цесаревна Елисавета, яко до браку рожденныя, могли на россійской престолъ послѣ матери своей взойти, вмѣсто чтобы подъ видомъ служенія Князю Петру Алексѣевичу, быть его предателемъ, разсудилъ сыскать его къ себѣ милость и повѣренность.—Въ единый день, нашедъ его единаго, палъ предъ нимъ наколѣни, изъясняя всю привязанность, какую весь родъ его къ дѣду его, Петру Великому имѣетъ и къ его крови, изъяснилъ ему что онъ, по крови, по рожденію и по полу, почитаетъ его законнымъ наслѣдникомъ россійскаго престола, прося да увѣрится въ его усердіи и преданности къ нему. Таковыя изъясненія тронули сердце младаго, чувствующаго свое положеніе Князя. Тотчасъ довѣренность послѣдовала подозрѣніямъ, а послѣ и совершенная дружба, по крайней мѣрѣ, со стороны Петра Алексѣевича, сихъ младыхъ людей соединила.—

Однако Князь Меншиковъ, видя себя правителемъ Государства—и такъ близко къ престолу, не могъ осмѣлиться желать оный себѣ пріобрѣсти, зная что никто изъ Россіянъ непотерпитъ, чтобъ имѣя еще многихъ царскаго рода, онъ могъ, произшедшій изъ низкихъ людей, похитить себѣ престолъ, — обратить мысли свои, естьли небыть самому Государемъ, то учиниться его тестемъ. Князь Петръ Алексѣевичь, оставленный отъ всѣхъ и не признанный наслѣдникомъ престола, ему показался быть къ сему удобнымъ орудіемъ. Но прежде онъ хотѣлъ, обязаннаго близкимъ родствомъ, Вѣнскаго Двора мысли о семъ узнать, то есть, чтобы и оный согласился оставить ему правленіе Государства до возрасту Императора и дочь свою за онаго выдать. По бывшимъ переговорамъ съ Графомъ Вратиславомъ, посломъ цесарскимъ, на все сіе согласіе получилъ и Цесарскій Дворъ прислалъ 70 тысячъ рублевъ въ подарокъ Госпожѣ Крамеръ, Камеръ-Фрау Императрицы Екатерины Алексѣевны, дабы она ее склонила имено-

вать по себѣ наслѣдникомъ Князя Петра Алексѣевича.

И тако въ семъ случаѣ Россійскій престолъ сталъ покупаться и не близость крови, но избраніе прежде бывшей плѣнницы—внука Петра Великаго и Правнука Царя Алексѣя Михайловича на престолъ столь знатной Имперіи возводило.

Вскорѣ по именованіи своемъ Наслѣдникомъ Россійскаго Престола, Князь Петръ Алексѣевичь, подъ именемъ Императора Петра II взошелъ на престолъ, по смерти Императрицы Екатерины Алексѣевны.

Сила и могущество Князя Меншикова умножились; Государь былъ въ юныхъ лѣтахъ, а сей вельможа, хотя небылъ именованъ регентомъ, но дѣйствительно таковымъ былъ. А сіе самое доказуетъ колико упалъ духъ благородныхъ. При младенчествѣ Царя Іоанна Васильевича, законной властью утвержденному совѣту для управленія вовремя малолѣтства Государя, боярамъ, выбраннымъ изъ среды самихъ ихъ, изъ среды знатнѣйшихъ родовъ Государства: повиноваться нехотѣли.

И когда въ болѣзни своей царь Іоаннъ Васильевичь хотѣлъ утвердить престолъ малолѣтнему сыну своему, то, нехотя быть управляемы боярами, сыну Государя своего присягнуть нехотѣли. Во время младенчества самаго Петра Великаго на случай Нарышкиныхъ негодовали; а се нынѣ изъ подлости произшедшему мужу, безъ всякаго законнаго утвержденія его власти, безспорно повиновались. Да разсудятъ посему вѣрность-ли сіе было къ Государю или паденіе духу благороднаго.

Истина заставила меня сіе сказать, поелику мнѣ извѣстна—непохвалить поступокъ Кн. Меншикова. Онъ честолюбіемъ на мѣсто сіе былъ возведенъ; но управленіе его было хорошо, а паче попеченіе его о воспитаніи и наученіи младаго Государя; часы были уставлены для наукъ, для слушанія дѣлъ, для разговоровъ и обласканія первосановниковъ Государства, и наконецъ часы для веселія. И можно сказать, что былъ купно Правитель Государства и дядька государевъ. Еще бы похвальнѣе его поступокъ былъ, естлибы онъ неимѣлъ

собственныхъ своихъ видовъ, а дѣлалъ бы сіе для пользы отечества и въ воздаяніе за то, чѣмъ онъ долженъ Петру Великому, дѣду царствующаго Государя. Но онъ неимѣлъ толь героической души и всѣ мысли его клонились, чтобы обручить дочь свою за младаго Государя, что наконецъ противу самой склонности Государя исполнено имъ было.

Посемъ приумножилъ свое стараніе о воспитаніи и наученіи Государя, взявъ его жить въ домъ свой, неотлучно при немъ пребывая, и домъ Князя Меншикова учинился дворецъ Государевъ. Во время сіе сдѣлалъ онъ два дѣла, которыя, присоединенныя къ противусклонности Государевой обрученія его съ Княжною Меншиковой, приключили наконецъ паденіе сего вельможи. Первое, былъ при Государѣ учитель, родомъ Венгерецъ, по имени Зеннинъ. Сей противенъ учинился владычествующему Министру и сего онъ втайнѣ отъ Государя удалилъ. Хотя молчанію сіе предалъ Государь, но не оставилъ подозрѣвать отъ кого сей его наставникъ былъ удаленъ, несмѣя и возпрошать о немъ, дабы болѣе ему несчастія неприключить. Второе, принесено было отъ купечества нѣсколько тысячь червонныхъ къ Государю; были благосклонно приняты; но тогда случившаяся тутъ сестра Государева, Принцесса Наталья Алексѣевна сихъ денегъ къ себѣ просила. Государь, который весьма любилъ сестру свою, приказалъ ихъ отнести, еще тогда какъ принесшіе ихъ купцы въ прихожей находились. Встрѣтился Князь Меншиковъ съ несомыми сими деньгами въ комнату Принцессы, ихъ немедленно возвратилъ и пришелъ въ комнату Государеву, представлялъ ему, что таковый немедленно учиненный даръ принесенныхъ денегъ купцами показываетъ прѣзрѣніе къ онымъ и можетъ огорчить его подданныхъ. Можетъ быть, представлялъ ему и правила бережливости какія Петръ Великій имѣлъ. Сіе огорчило Государя и сестру его, а подало случай, наединѣ, любимцу его, Кн. Ив. Ал. Долгорукову представить ему, коль мала его есть власть. Кажется властолюбіе въ сердцахъ прежде всего родится, а паче въ сердцахъ монаршихъ; и тако сіе оскорбленіе,

тѣмъ наивящше, что отмстить за него немогъ, на сердцѣ молодаго Монарха оставалось.

Однако приличными весельями и удовольствіями, частными съѣздами къ двору, старался Князь Меншиковъ благопристойнымъ образомъ въ праздные часы веселить своего Государя и зятя. А примѣръ Двора, разливаясь сперва на вельможъ а потомъ и на другихъ гражданъ, чинилъ, что и они по мѣрѣ достатку своего, а иногда и свыше старались съ обществомъ веселиться и простота нравовъ изчезла.

Наконецъ приходило время паденію Кн. Меншикова и произошло оно отъ слѣдующаго случая. Сей вельможа всячески стараясь утѣшить своего Государя и укрѣпить движеніемъ и трудами его тѣло повезъ его съ псовою охотою. Гоньба, травля и протчее что веселитъ въ сей охотѣ, весьма полюбилось младому Государю. Часто Кн. Меншиковъ отъѣзжалъ въ Мызу свою Оранинъ-баумъ и случилось что единажды въ небытность его въ Петербургѣ въ пасмурной и холодной день, Государь поѣхалъ на полѣ. По возвращеніи своемъ нашелъ онъ Меншикова весма раздраженна сею ѣздою, который съ тою горячностью, коковая можетъ произойти отъ желанія сохранить его здоровѣ и отъ опасности потерею онаго лишиться толь великаго союза, ему представлялъ коль неразсудительно было въ пасмурное и холодное время ѣздить и здоровьѣ свое подвергать. Хотя горячи были его изъясненія, но они отъ усердія происходили. Однако младый Государь ощущалъ только въ нихъ единую горячность, и яко нарушеніе почтенія къ себѣ; однако скрылъ и то въ сердцѣ своемъ и К. Иванъ Алексѣевичь Долгоруковъ, ищущій погибели Меншикова, дабы самому и родъ свой на ту ступень возвысить, не оставилъ паче очернить всѣ слова сего вельможи.

Помнится мнѣ въ Іюлѣ мѣсяцѣ поѣхалъ Кн. Меншиковъ въ Мызу свою Оранинъ-баумъ, для освященія созданныя имъ Церкви. Сей ожидаемый уже давно случай и былъ употребленъ къ погубленію его. Государь, по совѣту К. Ив. Алек. Долгорукова, поѣхалъ въ

Петергофъ, и окруженъ гвардіей, и повелѣно было Кн. Меншикову сказать, чтобы онъ въ Петергофъ неѣздилъ. а проѣхалъ бы прямо въ Петербургъ, гдѣ тогдаже двору Государеву велено изъ дому Кн. Меншикова выбираться.

Тщетно ниспадавшій сей Министръ просилъ единыя милости, чтобы видѣть Государя и оправданія свои принести; тщетно княжна Катерина Александровна, его дочь, невѣста государева, писала къ Великой Княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ дабы она упросила у Государя своего брата, прощеніе родителю ея. Первое, понеже опасались, чтобы сохраняемая нѣкая Кн. Меншиковымъ власть и сильныя его представленія нетронули сердце Государева, отказано было; а нелюбимыя невѣсты, отъ которой Государь избавиться хотѣлъ, просьбы такъже дѣйствія не возъимѣли, и Князь Меншиковъ, по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, назавтрѣ былъ арестованъ и сосланъ въ ссылку. Тако ниспалъ сей пышный вельможа, примѣръ перемѣны и непостоянства счастія. Изъ низкаго состоянія почти до трона дошедшій и паки въ низость и несчастіе свергнутый.

Почемъ Петръ Вторый началъ править самъ государствомъ, естли можно назвать правленіемъ правленіе юноши Государя. Кн. Ив. Алек. Долгоруковъ другъ и наперсникъ Государевъ, толь ему любимый, что даже на одной постели съ нимъ сыпалъ, всемогущій учинился. Пожалованъ немедленно былъ въ оберъ камеръ-геры, возложена на него была андреевская лента, пожалованъ въ капитаны гвардіи преображенскаго полку гренадерской роты и всѣ родственники его были возвышены, правя поизволеніямъ ихъ всѣми дѣлами Имперіи; престали науки Государевы, министры лишь для виду были допускаемы; все твердое и полезное отгонялось отъ двора, и пользуясь склонностью Государевой къ охотѣ, она всѣхъ важныхъ упражненій мѣсто замѣняла. Однако, что погубило Кн. Меншикова, то неустрашило Долгорукихъ; они употреблялись стараніе, дабы имъ родственницу свою Княжну Катерину Алексѣевну, дочь Кн. Алексѣй Григорьевича, сестру Кн. Ивана Алексѣевича,

за Государя обручить. И въ семъ обрученіи нѣчто странное было; ибо хотя обрученіе сіе было въ присутствіи всѣхъ и всего двора, но во время обрученія Государь и его невѣста были окружены Преображенскаго полку гренадерами, которые кругъ ихъ подъ начальствомъ своего капитана, Кн. Ив. Алек. Долгорукова, баталіонъ-каре составляли.

К. Ив. Алек. Долгоруковъ былъ молодъ, любилъ распутную жизнь, и всѣми страстями, къ каковымъ подвержены младые люди, неимѣющіе причины обуздывать ихъ, былъ обладаемъ. Пьянство, роскошь, любодѣяніе и насиліе мѣсто прежде бывшаго порядку заступили. Въ примѣръ сему, къ стыду того вѣка скажу, что слюбился онъ или, лучше сказать, взялъ на блудодѣяніе себѣ между прочими жену К. Н. Е. Т. рожденную Головкину, и не токмо безъ всякой закрытности съ нею жилъ; но при частныхъ съ ѣздахъ у К. Т... съ другими своими младыми сообщниками пивалъ до крайности, бивалъ и ругивалъ мужа бывшаго тогда офицеромъ кавалергардовъ, имѣющаго чинъ Генералъ-Маіора, и съ терпѣніемъ стыдъ свой отъ прелюбодѣянія жены своей сносящаго. И мнѣ самому случилось слышать, что единажды бывъ въ домѣ сего К. Трубецкаго, по исполненіи многихъ надъ нимъ ругательствъ, хотѣлъ наконецъ выкинуть его въ окошко, и естлибы Степанъ Васильевичъ Лопухинъ, свойственникъ Государевъ по бабкѣ его Лопухиной, первой супруги Петра Великаго, бывшій тогда камеръ-юнкеромъ у двора и въ числѣ любимцевъ Кн. Долгорукова, сему не воспрепятствовалъ, то бы сіе исполнено было.

Но любострастіе его одного или многими неудовольствовалось; согласіе женщины на любодѣяніе уже часть его удовольствія отнимало и онъ иногда пріѣзжающихъ женщинъ изъ почтенія къ матери его, затаскивалъ къ себѣ и насиловалъ. Окружающіе его однородцы и другіе младые люди, самымъ распутствомъ дружбу его пріобрѣтшіе, сему примѣру подражали, и можно сказать, что честь женская не менѣе была въ безопасности тогда въ Россіи, какъ отъ Турковъ во взятомъ градѣ.

Привычка есть и къ преступленіямъ, а сей былъ

первый шагъ, которымъ жены выступали изъ скромности и тихова житія, которое отъ древнихъ правовъ они еще сохраняли.

Отецъ его Кн. Алексѣей Григорьевичъ, человѣкъ посредственнаго разума и единственно страстенъ къ охотѣ — для коронаціи Государи всегда бываютъ въ Москвѣ, то послѣ оный и присовѣтывалъ ему тамъ утвердить свое житіе, оставя навсегда Петербургъ. Пріѣхалъ дворъ въ Москву, но распутство не престало; по мѣсяцу и болѣе отлученіе Государево для ѣзды съ собаками остановило теченіе дѣлъ; сила единаго рода учинила, что токмо искатели въ ономъ чины и милости получали, а другіе уже и къ грабежу народа приступали. Желавшіе угодить роскошнымъ Долгорукимъ юношамъ пиры, со всею знаемою для нихъ роскошью, дѣлали.

Воззримъ теперь, какія были сіи ѣзды Государевы на охоту, и какія были тамъ упражненія. Ибо примѣръ двора великое дѣйствіе надъ образомъ мысли и всѣхъ подданныхъ имѣетъ. Ѣздилъ Государь въ Боровскомъ, Коломенскомъ, и другихъ уѣздахъ, иногда и по мѣсяцу, ежедневно, невзирая ни на сырую погоду, ни на холодъ. Ѣзда съ собаками была отъ утра до вечера. Окромѣ что охота Государева, при которой и сокольники находились и всѣ придворные, которые по неволѣ должны были охотниками сдѣлаться, со всей Россіи собранные, знатнѣйшіе охотники дворные имѣли позволеніе быть при охотѣ Государевой. То коль сіе должно было составить великую толпу людей и коликое множество собакъ. Всякій изъ сего себѣ представить можетъ пощажены-ли были тогда поля съ хлѣбомъ, надежда земледѣльца; стада скота хотя и отгонялись, но не могли-ли иногда съ сею толпою собакъ встрѣтиться? а окружающіе Государя вельможи, которые были тогда же и охотники, для удовольствія своего, не представляли младому и незнающему Государю, колико таковыя ѣзды вредъ земледѣлію наносять. Иззябшій возвращался Государь ввечеру на квартиру; тутъ встрѣчала его, невѣста его, Кн. Долгорукова, со множествомъ женъ и дѣвицъ, и балъ начинался, который иногда довольно поздно въ ночь былъ

продолженъ. Млодыя Государевы лѣта отъ распутства его сохраняли; но подлинно есть, что онъ былъ веденъ, чтобы современемъ въ распутство впасть; а до тѣхъ мѣстъ любимецъ его К. Иванъ Алексѣевичь Долгоруковъ всѣмъ самъ пользовался и утружденнаго охотою Государя принуждалъ по неволѣ представляемыя ему веселья вкушать.

Наконецъ возвратился Государь въ Москву изъ Коломенскаго уѣзду; новыя начались веселія, ежедневно медвѣжья травля, сажаніе заицовъ, кулашные бои, съ весельями придворными всѣ часы жизни его занимали; даже какъ простудяся, занемогъ весною; въ девятый день скончался и вся надежда Долгорукихъ яко скудельный сосудъ о твердый камень сокрушилась. Осталось только памяти его царствованія, что неисправленная грубость съ роскошью и распутствомъ соединилась. Вельможи и вышніе впали въ роскошь, жены стыдъ, столь украшающій ихъ полъ, стали забывать, а нижніе граждане пріобыкли льстить вельможамъ

Однако, по смерти Петра II, никаго не было назначеннаго къ пріятію россійскаго престола. Первостепенные вельможи собрались, дабы учинить важное рѣшеніе, кого во владыки толь великой части свѣта возвѣсти. Коль ни дерзки, коль ни самолюбивы, однако несмѣли безъ взятія мнѣнія отъ имянитѣйшихъ благородныхъ сего рѣшить. Разныя мнѣнія были подаваны. Иные представляли, что какъ вторая супруга Петра Великаго уже царствовала надо Россіею, то надлежитъ взять изъ монастыря первую супругу Петра Великаго, и оную на престолъ возвести. Другіе представляли, что есть въ живыхъ двѣ дочери Петра Великаго, Принцесса Анна въ супружествѣ за Герцогомъ Голштинскомъ и Принцесса Елизавета въ дѣвицахъ, и хотя онѣ и прежде браку рождены, но какъ уже законными признаны, то рожденіе ихъ не препятствуетъ взойти имъ на россійскій престолъ. Третіи представляли Принцессу Екатерину, Герцогиню Меклембургскую, старшую дочь Царя Іоанна Алексѣевича; наконецъ четвертые Принцессу Анну, вдовствующую Герцогиню Курляндскую.

Уже собравшіеся вельможи предопредѣлили великое намѣреніе, ежелибы самолюбіе и честолюбіе оное непомрачило, то есть, учинить основательные законы Государству, и власть Государеву Сенатомъ или Парламентомъ ограничить. — Но засѣданіе въ Сенатѣ токмо нѣсколькимъ рядамъ предоставили, тако уменьшая излишнюю власть Монарха, предавали ее множества вельможамъ, со огорченіемъ множества знатныхъ родовъ, и вмѣсто однаго толпу Государей сочиняли.—Сіи вельможи пріяли въ разсужденіе разныя выше предложенныя мнѣнія о наслѣдствѣ престола. Были многіе и дальновиднѣйшіе, которые желали возвести царицу Евдокію Ѳедоровну, на Россійскій престолъ, говоря, что какъ она весьма слабымъ разумомъ одарена, то силѣ учрежденнаго Совѣту сопротивляться неможетъ, и черезъ сіе дастъ время утвердиться постановленнымъ узаконеніямъ въ предосужденіе власти монаршей. Но на сіе чинены были слѣдующія возраженія, что законъ препятствуетъ санъ монашескій, хотя и поневолѣ возложенный съ нее снять и что она имѣвши множество родни Лопухиныхъ, по коимъ была привязана, родъ сей усилится и можетъ для счастія своего склонить ее разрушить предполагаемыя постановленія. — Дочерей Петра Великаго яко незаконно рожденныхъ отрѣшили. Принцессу Екатерину Іоанновну, Герцогиню Меклембургскую, отрѣшили ради безпокойнаго нрава ея супруга, и что Россія имѣетъ нужду въ покоѣ, и не мѣшаться въ дѣла сего Герцога, по причинѣ его несогласія съ его дворянствомъ. И наконецъ думали что толь знатное и нечаенно предложенное наслѣдство Герцогинѣ Аннѣ Ивановнѣ, заставитъ искренно наблюдать полагаемыя ими статьи; а паче всего склонилъ всѣхъ на избраніе сіе Кн. Василій Лукичь Долгоруковъ, который въ ней особливую склонность имѣлъ и можетъ быть мнилъ, отгнавъ Бирона, его мѣсто заступить. Всѣ сіи на сіе согласились, и онъ самъ посланъ былъ съ пунктами призывать на престолъ Россійской, естли будетъ обѣщаться и подпишетъ сіи предустанавляемые законы.

Герцогиня Анна неотрѣклася подписать уменщающія

Россійскаго Императора власть статьи, которыя ея возводили изъ Герцогинь Курляндскихъ въ Россійскія Императрицы, и поѣхавъ изъ Митавы, недоѣхавъ до Москвы за семь верстъ остановилась въ селѣ Всесвяцкомъ, принадлежащемъ Царевичу Грузинскому, въ его домѣ, во ожиданіи пріуготовленія торжественнаго ея вшествія въ Москву. А тогдаже было дано дозволеніе всѣмъ благороднымъ пріѣзжать въ оное село для принесенія своего поздравленія Государынѣ. Долгорукіе знали, что множество благородныхъ были весьма недовольны учиненными ими статьями, которыя въ руки нѣкоторыхъ родовъ всю власть правительства вручали; и сего ради имѣли великую осторожность, дабы кто какой записки подходя къ рукѣ неподалъ; и сего ради всегда кто изъ Долгорукихъ стоялъ возлѣ Государыни, повелѣвая всѣмъ, подходящимъ къ рукѣ, имѣть руки назади, непринимая руку Монаршу на свою, какъ сіе обыкновенно есть.—

И подлинно, еще прежде пріѣзда въ Москву Императрицы Анны, извѣстно было Долгорукимъ и другимъ что нѣкоторымъ уменьшеніе власти Монаршей, противно было, яко сіе оказалось, что Павелъ Ивановичь Егузинской, Генералъ-Прокуроръ, зять же Канцлера Гаврилы Ивановича Головкина, послалъ тайно отъ себя офицера Петра Спиридоновича Сумарокова съ письмомъ, увѣщающимъ Герцогиню Курляндскую неподписывать посланныя къ ней съ Князь Василій Лукичемъ пункты.

Сіе письмо было онымъ Княземъ Долгоруковымъ поймано, и онъ посланнаго немилосердно самъ билъ, о таковомъ писаніи сообщилъ въ Московской вельможъ Совѣтъ, который и намѣрялся Павла Ивановича немедленно казнить; но предложенія Князь Григорья Алексѣевича Долгорукова превозмогли, чтобъ таковую щастливую перемѣну кровью подданнаго необогрять и онъ впредь до рѣшеніи посаженъ былъ подъ жестокую стражу.

Сказалъ я уже выше, что духъ благородной гордости и твердости упалъ въ сердцахъ знатнорожденныхъ Россіянъ, и тако хотя великая честь ощущала неудовольствіе; но никто ни къ чему смѣлому приступити недерзалъ.—Однако естли неточно пользою отечества по-

буждены, то собственными своими видами, нашлися такіе, которые предпріяли разрушить сіе установленіе.— Ѳеофанъ Прокоповичь, Архіепископъ Новгородскій, мужъ исполненный честолюбія, хотѣлъ себѣ болѣе силы и могущества пріобрѣсти. Василій Никитичь Татищевъ, человѣкъ разумный и предпріятельный искалъ своего счастія.—Князь Антіохъ Дмитріевичь, человѣкъ ученый предпріятельный, но бѣдный, по причинѣ права перворожденія брата своего Дмитрія Дмитріевича, искалъ себѣ и почестей и богатства, которое надѣялся, черезъ умыселъ свой противу установленія, получить, и тѣмъ достигнуть еще до желанія его жениться на Княжнѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Черкаской, дочери и наслѣдницѣ Князь Алек. Мих. Черкаскаго, богатѣйшаго изъ Россійскихъ благородныхъ. Сіи три связанные дружбою, разумомъ и своими видами учинили свое расположеніе для разрушенія сдѣланнаго Долгорукими узаконенія. Они вопервыхъ открылись въ семъ Князь Алек. Мих. Черкаскому, человѣку весьма недовольному Долгорукими, а паче за причиненное ими оскорбленіе Кн. Никитѣ Юрьевичу Трубецкому, его шурину. Сей человѣкъ молчаливый, тихій, коего разумъ никогда ни въ великихъ чинахъ, не блисталъ, по повсюду являлъ осторожность, невошелъ токмо самъ въ сей умыселъ, а довольствовался токмо стараться о мнѣніяхъ подданныхъ Императрицѣ сообщить. Сіе онъ исполнилъ черезъ свояченницу свою, Прасковью Юрьевну Салтыкову, супругу Петра Семеновича; ибо Салтыковы нѣсколько въ свойствѣ съ Императрицею. Сія жена хитрая и нашла способъ, бывъ при надзираемой Императрицѣ, наединѣ ей записку о начинающихся намѣреніяхъ сообщить.

Однако воспослѣдовала коронація, и Императрица Анна Іоановна, не яко самодержавная. но яко подчиненная нѣкіемъ установленіямъ была коронована. Долгорукіе и ихъ сообщники нѣсколько успокоились, мня, что сила клятвы, учиненной Императрицею при коронаціи воздержитъ ее сдѣлать какую перемѣну. Тщетная надежда. Императрица послѣ коронаціи своей нестоль стала наблюдаема, а потому о продолженіи умысла воз-

вратить ей самодержавство удобнѣе извѣстія получала, а Прокоповичь и Кантемиръ, сочиня челобитную отъ всѣхъ гражданъ, на смѣхъ множеству недовольныхъ дали ее подписать и наконецъ вдругъ въ назначенный день, подъ предводительствомъ Кн. Черкаскаго, представъ на аудіенцію къ Императрицѣ, подали ей челобитную, по прочтеніи которой, яко снисходя на желаніе народное, подписанные пункты были принесены, ею самою были разодраны, она самодержавною учинилась, и вскорѣ нещастіе Долгорукихъ послѣдовало.

Обстоятельства сіи хотя казались-бы и несовмѣстны съ описаніемъ состоянія нравовъ, однако если кто прилежно разсмотритъ оныя, то умоначертаніе народное и перемѣны мыслей ясно усмотритъ; и такъ можно сказать, что бываемыя перемѣны въ государствахъ всегда суть соединены съ нравами и умоначертаніемъ народнымъ. Воззримъ-же теперь, какъ при правленіи сея Императрицы наивящше упала твердость въ сердцахъ, и какъ роскошъ наиболѣе стала вкореняться; а для показанія сего надлежитъ разсмотрѣть, во первыхъ, обычаи самой сей Императрицы, второе, обычаи ея любимца Бирона, послѣ бывшаго Герцогомъ Курляндскимъ и его могущество и третіе состояніе двора и какія были сдѣланы при сей Государынѣ учрежденія въ разсужденіи великолѣпности онаго.

Императрица Анна не имѣла блистательнаго разума, но имѣла сей здоровый разсудокъ, который тщетной блистательности въ разумѣ предпочтителенъ. Съ природы-нраву грубаго, отчего и съ родительницею своею въ ссорѣ находилась и ею была проклята, кажъ мнѣ извѣстно сіе по находящемуся въ архивѣ Петра Великаго одному письму отъ ея матери, отвѣтственному на письмо Императрицы Екатерины Алексѣевны, чрезъ которое она прощаетъ дочь свою сію Императрицу Анну. Грубой ея природой обычай несмягченъ былъ ни воспитаніемъ, ни обычаями того вѣка, ибо родилась во время грубости Россіи, а воспитана была и жила тогда какъ многія строгости были оказуемы; а сіе учинило, что она нещадила крови своихъ подданныхъ и смертную мучи-

тельную казнь безъ содраганія подписывала; а можетъ статься еще къ тому была побуждаема и любимцемъ своимъ Бирономъ. Не имѣла жадности къ славѣ, и потому новыхъ узаконеній и учрежденій мало вымышляла, но старалась старое, учрежденное, въ порядкѣ, содержать. Довольно для женщины прилежна къ дѣламъ и любительница была порядку и благоустройства; ничего спѣшно и безъ совѣту искуснѣйшихъ людей государства неначинала, отчего всѣ ея узаконенія суть ясны и основательны. Любила приличное великолѣпіе Императорскому сану, но толико, поелику оно сходственно было съ благоустройствомъ государства.

Не можно оправдать ее въ любострастіи ибо подлинно, что бывшій у нее Гофъ-мейстеръ Петръ Михайловичъ Бестужевъ имѣлъ участіе въ ея милостяхъ, а потомъ Биронъ и явно любимцемъ ея былъ, но наконецъ, при старости своихъ лѣтъ является, что она его болѣе яко нужнаго друга себѣ имѣла, нежели какъ любовника.

Сей любимецъ ея, Биронъ, возведенный ею въ Герцоги Курляндскіе, при россійскимъ дворѣ, имѣющій чинъ оберъ-камергера, былъ человѣкъ, рожденный въ низкомъ состояніи въ Курляндіи, и сказываютъ, что онъ былъ берейторъ, которая склонность къ лошадямъ до смерти сохранялась. Впрочемъ былъ человѣкъ одаренный здравымъ разсудкомъ, но безъ малѣйшаго просвѣщенія, гордъ, золъ, кровожаждущъ и непримирительный злодѣй своимъ непріятелямъ. Однако касающее до Россіи, онъ никогда не старался, во время жизни Императрицы Анны, что либо въ ней пріобрѣсти, и хотя въ разсужденіи Курляндіи снабжалъ ее сокровищами россійскими, однако зная, что онъ тамъ отъ гордаго курляндскаго дворянства ненавидимъ, и что онъ инако, какъ сильнымъ защищеніемъ Россіи не можетъ сего герцогства удержать, то и той пользы пользамъ Россіи подчинялъ. Впрочемъ былъ грубъ яко свидѣтельствуетъ единый его поступокъ что ѣздивъ на малое время къ границамъ Курляндіи и нашедъ мосты худы, отчего и карета его испортилась, призвавъ сенаторовъ, сказалъ что онъ ихъ вмѣсто мостовинъ велитъ, для исправленія

мостовъ, положить. Сіе первые правительства присутствующіе, къ которымъ Петръ Великой, толикое почтеніе имѣлъ принуждены были отъ любимца чужестранца вострепѣть безмолственно.—Толико уже упала твердость въ сердцахъ Россіянъ.

Правленіе Императрицы Анны было строгое а иногда и тираническое. За самыя малѣйшія дѣла сажали въ Тайную Канцелярію, и въ стѣнѣ сдѣланныя казармы Петербургской крѣпости недовольны были вмѣстить сихъ нещастныхъ; казни были частыя, яко Долгорукіе бывъ прежде за тщаніе ихъ ограничить власть монаршу сосланы, а потомъ за ту же вину изъ Сибири перевезены и переказнены въ Шлюсельбургѣ, и бывшій и не сосланъ Кн. Сергій Григорьевичъ Долгоруковъ, назначенный уже въ Польское посольство, за то что увѣдано было, что Долгоруковъ Князь Алексѣй Григорьевъ съ сыномъ и друтіе сочинили духовную, которой, якобы при смерти своей Петръ Второй признавалъ, что имѣлъ сообщеніе съ Княжною Екатериною Алексѣевною и оставлялъ ее беременну, и сего ради оказывалъ свое желаніе вознести ее на престолъ—духовную сію переписывалъ, но тогдаже силою своихъ представленій учинилъ сіе безумное сочиненіе, безчещущее Княжну Долгорукову, безъ всякія пользы уничтожить, также смертную казнь токмо за переписку претерпѣлъ;—и учиненъ былъ указъ дабы Долгорукихъ непроизводить. Было гонѣніе и на родъ Голицыныхъ. Кн. Дмитрій Михайловичъ, человѣкъ разумнѣйшій того вѣка, былъ сосланъ въ ссылку и напрасное его осужденіе довольно видно по самому Манифесту его сосланія; дѣти его Кн. Сергій Дмитріевичъ, дабы отдалить его отъ двора, сосланъ былъ въ Казань въ Губернаторы, а Кн. Алексѣй Дмитріевичъ бывшій тогда уже Штатскимъ Дѣйствительнымъ Совѣтникомъ, посланъ нижнимъ офицеромъ въ Кизляръ.

Кн. Петръ Михайл. Голицынъ, который и услуги Бирону показалъ, безъ всякаго суда изъ Камеръ-Геровъ посланъ былъ въ Нарымъ въ управители; а наконецъ Артемій Петровичъ Волынскій, Оберъ-Егеръ-мейстеръ,

по единой его ссорѣ и непріязни Бироновой, былъ съ принужденіемъ имъ воли самой Государыни, мучительными пытками пытанъ, а потомъ казненъ. Дѣло его толь мало доводило его до какаго наказанія, что мнѣ случилось слышать отъ самой нынѣ царствующей Императрицы что она прочетши съ прилежностью, запечатавъ, отдала въ Сенатъ, съ надписаніемъ, дабы наслѣдники ея прилежно прочитывали оное и остерегались бы учинить такое неправосудное безчеловѣчіе.

Но можно сказать съ единымъ стихотворцемъ.

На пышные верхи громъ чаще ударяетъ.

Хотя трепеталъ весь дворъ, хотя небыло ни единаго вельможи, который бы отъ злобы Бирона нождалъ себѣ несчастія; но народъ было порядочно управляемъ. Не былъ отягощенъ налогами, законы издавались ясны, а исполнялись въ точности, страшилися вельможи подать какую либо причину къ несчастію своему, а небывъ ими защищаемы, страшились и судьи что неправое сдѣлать, мздоимству коснуться. Былъ управленъ кабинетъ, гдѣ безъ подчиненія и безъ робости единъ другому каждый мысли свои изъяснялъ, и осмѣливался самой Государинѣ при докладахъ противурѣчить; ибо она не имѣла почти никогда пристрастія то или другое сдѣлать, но искала правды; и такъ покрайней мѣрѣ месть въ таковыхъ случаяхъ отогнана была; да можно сказать и не имѣла она льстецовъ изъ вельможей; ибо просто наслѣдуя законамъ дѣла надлежащимъ порядкомъ шли. Лѣта же ея и болѣзни ей неоставляли время—что другое предпріимать. Чины и милости всѣ по совѣту или лучше сказать поизволенію Бирона, Герцога Курляндскаго, истекали; имѣла она для своего удовольствія нѣсколько женщинъ, а именно: Княгиню Аграфену Александровну Щербатову, къ которой, какъ по веселому ея нраву, такъ и по другимъ причинамъ привязана была; Анну Ѳедоровну Юшкову и Мельгариту Ѳедоровну Манахину, которыхъ еще Императрица знала въ молодости своей, когда онѣ были при дворѣ простыми дѣвушками. Любила шутовъ и дураковъ и были при

ней Кн. Никита Ѳедоровичь Волконскій, Балакиревъ и Кн. Михайло Голицынъ, которые иногда и . . . . . шутками ее весилили. Се вящій знакъ деспотичества, что благороднѣйшихъ родовъ люди, въ толь подлую должность были опредѣлены. Но вмѣсто ее, всѣ вельможи дрожали передъ Бирономъ; единый взглядъ его благороднѣйшихъ и именитѣйшихъ людей въ трепетъ приводилъ; но толь былъ грубъ и неприступенъ, что ниже и мести мѣста давалъ; однако были нѣкоторые преданные, то есть Графъ Остерманъ, котораго онъ другомъ почиталъ и уважалъ его по дѣламъ, принимая отъ него совѣты, и Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, оберъ-Шталмейстеръ угождалъ ему лошадьми, яко умный человѣкъ льстилъ ему словами и яко веселый веселилъ иногда и Государыню своими шутками, и часто сдѣланныя имъ въ пьянствѣ продерзости, къ чему онъ склоненъ былъ, ему прощались; Петръ Ѳедоровичь Балкъ шутками своими веселилъ Государыню и льстилъ Герцогу, но ни въ какія дѣла впущенъ небылъ.

Сказалъ уже я выше, что Императрица Анна Ивановна любила приличное своему сану великолѣпіе и порядокъ, и тако дворъ, который еще никакаго учрежденія не имѣлъ, былъ учрежденъ, умножены стали придворные чины, сребро и злато на всѣхъ придворныхъ возблистало, и даже ливрея царская сребромъ была покровенна; установлена была придворная конюшенная канцелярія и экипажи придворные все могущее блистаніе того времени возымѣли. Италіанская опера была выписана, и спектакли начались, такъ какъ оркестра и камерная музыка. При дворѣ учинились порядочные и многолюдные собранія, балы, торжества и маскарады.

А все вышеписанное и показуетъ, какіе шаги, обстоятельствами правленія и примѣрами двора, злые нравы учинили. Жестокость правленія отняла всю смѣлость подданныхъ изъяснять свои мысли, и вельможи учинились не совѣтниками но дакальщиками Государевыми— и его любимцевъ, во всѣхъ такихъ дѣлахъ въ которыхъ имѣли причину опасаться противурѣчіемъ своимъ неудовольствіе приключить, любовь къ отечеству убавилась и

самство и желаніе награжденій возрасло. Великолѣпіе введенное у Двора понудило вольможъ, а подражая имъ и другихъ умножить свое великолѣпіе. Оно уже въ платьяхъ, столахъ и другихъ украшеніяхъ начинало изъ мѣры выходить; такъ что самою Императрицею Анною примѣчено было излишнее великолѣпіе, и изданнымъ указомъ запрещено было ношеніе золота и серебра на платьѣ, а токмо позволено было старое доносить, которыя платья и были запечатаваны.

Но тщетное приказаніе когда самъ дворъ, а паче тогда по причинѣ сыновей Герцога Курляндскаго, людей молодыхъ, въ роскошъ сей впалъ. Не токмо сей роскошъ видѣнъ былъ на торжественныхъ одѣяніяхъ придворныхъ и другихъ чиновъ людей; но даже мундиры гвардіи офицеровъ оной ощущали; а паче мундиры конной гвардіи, которые тогда были синіе съ красными обшлагами, выкладены петлями и по швамъ широкимъ золотымъ галуномъ. Многіе изъ знатныхъ людей стали имѣть открытые столы, яко Фельдмаршалъ Графъ Минихъ, Вицъ-Канцлеръ Графъ Остерманъ, хотя впрочемъ весьма умѣренно жилъ; Гаврила Ивановичь Головкинъ, Генералъ-Адмиралъ Графъ Николай Ѳедоровичь Головинъ и другіе. Число разныхъ винъ уже умножилось и прежде незнаемыя: шампанское, бургондское и капское стало привозиться и употребляться на столы.

Уже вмѣсто сдѣланныхъ изъ простаго дерева мебелей стали не иные употребляться, какъ англинскія, сдѣланныя изъ краснаго дерева мегагеня; домы увеличились, и вмѣсто малаго числа комнатъ уже по множеству стали имѣть, яко свидѣтельствуютъ сіе того времени построенныя зданія; стали домы сіи обивать штофными и другими обоями, почитая неблагопристойнымъ имѣть комнату безъ обои; зеркалъ, которыхъ сперва весьма мало было, уже во всѣ комнаты и большія стали употреблять. Екипажи тоже великолѣпіе возчувствовали, богатыя, позлащенныя кареты, съ точеными стеклами, обитыя бархатомъ, съ золотыми и серебрянными бахрамами; лучшія и дорогія лошади, богатыя тяжелыя и позлащенныя и посеребрянныя шоры, съ кутасами шолковыми, и съ

золотомъ или серебромъ, такоже богатыя ливреи стали употребляться. И паче таковой роскошъ былъ видѣнъ, ибо онъ по приказанію учиненъ, во время сватьбы Принцессы Анны Меклембургской, племянницы Императриціной за Принца Антона Ульриха Брауншвейскаго.

Всякій роскошъ приключаетъ удовольствіе и нѣкоторое спокойствіе, а потому и пріемлется всѣми съ охотою и помѣрѣ пріятности своей распространяется. А отъ сего, отъ великихъ принимая малые, повсюду началъ онъ являться. Вельможи проживаясь привязывались болѣе ко двору, яко къ источнику милостей, а нижніе по вельможамъ, для тойже причины.

Исчезла твердость, справедливость, благородство, умеренность, родство, дружба, пріятство, привязанность къ Божію и къ гражданскому закону и любовь къ отечеству; а мѣста сіи начинали занимать: презрѣніе божественныхъ и человѣческихъ должностей, зависть, честолюбіе, сребролюбіе, пышность, уклонность, раболѣпность и лесть, чѣмъ каждый мнилъ свое состояніе дѣлать и удовольствовать свои хотѣнія. Однако между множества людей оставалось еще великое число, которые небывъ толь близко у двора, сохраняли древнюю строгость нравовъ; и правосудіе, естли не по склонности, но покрайней мѣрѣ по страху казней исполняемое еще въ довольномъ равновѣсіи вѣкъ свой сохраняло. При таковыхъ обстоятельствахъ (по краткомъ правленіи Принцессы Анны, вмѣсто сына Іоанна Брауншвейскаго, именованнаго наслѣдникомъ Имперіи, умирающею Императрицею Анною) Принцесса Елисавета, дщерь Петра Великаго и Императрицы Екатерины взошла на Россійскій престолъ.

Умалчивая, какимъ образомъ было учинено возведеніе ея на всероссійскій престолъ гренадерскою ротою преображенскаго полку и многія другія обстоятельства, приступая къ показанію ея умоначертанія, яко служащему къ показанію причинъ развратности нравовъ. Сія Государыня изъ женскаго полу въ молодости своей была отмѣнной красоты, набожна, милосердна, сострадательна и щедра, отъ природы одарена довольнымъ разумомъ,

но никакого просвѣщенія не имѣла, такъ что меня увѣрялъ Дмитрій Васильевичь Волковъ, бывшій конференцъ Секретарь, что она не знала, что Великобританія есть островъ; съ природы веселаго нрава и жадно ищущая веселій; чувствовала свою красоту и страстна украшать ее разными украшеніями; лѣнива и недокучлива къ всякому требующему нѣкоего прилежанія дѣлу, такъ что за лѣностью ея нетокмо внутреннія дѣла Государственныя многія иногда лѣты безъ подписанія ея лежали; но даже и внѣшнія государственныя дѣла, яко трактаты по нѣскольку мѣсяцевъ, за лѣностью ея подписать имя у нея лежали; роскошна и любострастна, дающая многую повѣренность своимъ любимцамъ, но однако такова, что всегда надъ ними власть монаршу сохраняла.

Хотя она при шествіи своемъ принять всероссійскій престолъ, предъ образомъ Спаса Нерукотвореннаго обѣщалась, что естли взойдетъ на прародительскій престолъ, то во все царствованіе свое повелѣніемъ ея никто смертной казни преданъ небудетъ; однако принявъ престолъ, многихъ изъ вельможъ повелѣла судить! въ чемъ? въ томъ, что они къ царствующимъ тогда государямъ были привязаны, и что не почитая ее наслѣдницею престола, но опасаясь имя ея родителя и рожденіе ея, давали сходственные съ пользою тѣхъ государей, предосудительные ей совѣты, и иные были осуждены на смерть, приведены къ ешафоту, а хотя освобожденіе отъ казни получили, но были въ ссылки разосланы. Таковъ былъ отличной своимъ разумомъ Генералъ-Адмиралъ Графъ-Остерманъ который управленіемъ своимъ министерскихъ дѣлъ многія пользы Россіи пріобрѣлъ; таковъ былъ Фельдмаршалъ Графъ Минихъ, многажды побѣдитель надъ Турками и первый изъ европейскихъ вождей, который укротилъ гордость сего вражескаго христіанамъ народа. Сіи и нѣкоторые другіе были за усердіе ихъ къ Императрицѣ Аннѣ и Принцу Іоанну сосланы въ ссылку. Но одни-ли они усердны къ нимъ были и вѣрно имъ служили? Вся Россія 14 лѣтъ въ томъ уже преступленіи была, а окружающіе дворъ, послѣдуя изволеніямъ Императрицы Анны и весьма малое уваженіе къ Принцессѣ

Елисаветѣ имѣли; слѣдственно и всѣ справедливо должны были опасаться ея мщенія; хотя не казни, но ссылки. Сему единый примѣръ приложу. При восшествіи на престолъ былъ дежурнымъ Генералъ-Адъютантомъ Графъ Петръ Семеновичь Салтыковъ, человѣкъ злой и глупый, имѣлъ свѣдѣніе о намѣреніяхъ Принцессы Елисаветы, и когда вышеименованный дежурный Генералъ-Адъютантъ былъ арестованный приведенъ предъ вновь возшедшую Императрицу и палъ предъ ней на колѣни, тогда родственникъ сего Василій Ѳедоров. Салтыковъ ему сказалъ, что вотъ теперь ты стоишь на колѣняхъ передъ нею, а вчера и глядѣть бы не хотѣлъ и готовъ бы всякое ей зло сдѣлать. Пораженъ такими словами немогъ Графъ Петръ Семеновичъ ничего отвѣтствовать. Но милостивое снисхожденіе самой Государыни, запретившей врать Василію Ѳедоровичу, его ободрило. Въ такомъ страхѣ находился весь дворъ, а гдѣ есть страхъ, тутъ нѣсть твердости.

Первый бывшій не весьма любимымъ при дворѣ Принцессы Анны, Князь Никита Юрьевичь Трубецкій— вошелъ въ силу.

Человѣкъ умный, честолюбивый, пронырливый, злой и мстительной, бывъ пожалованъ въ Генералъ Прокуроры, льстя новой Императрицѣ и, можетъ быть, имѣлъ свои собственные виды, представлялъ о возобновленіи всѣхъ законовъ Петра Великаго. Почитающая память родителя своего Императрица Елисавета на сіе согласилась и всѣ узаконенія Императрицы Анны, которыя были учинены въ противность указамъ Петра Великаго, о кромѣ о правѣ перворожденія въ наслѣдствѣ, были уничтожены, между коими многіе весьма полезные обрѣтались. Льстя Государю, надлежало льстить и его любимцу, а сей былъ тогда Алексѣй Григорьевичь Разумовской, послѣ бывшій Графомъ, Сей человѣкъ изъ Черкасъ изъ казаковъ былъ ко двору Принцессы Елисаветы привезенъ въ пѣвчіе, учинился ея любовникомъ, былъ внутренно человѣкъ добрый, но недальнаго разсудку, склоненъ какъ и всѣ Черкасы къ пьянству, и такъ сей его страстью старались ему угождать: Степанъ

LIBRARY
UNIVERSITY OF ILLINOIS
AT URBANA-CHAMPAIGN

Ѳедоровичь Апраксинъ, человѣкъ такъ-же благодѣтельный и добраго расположенія сердца, но мало знающъ въ вещахъ, пронырливъ, роскошенъ, честолюбивъ а потому, хотя и небылъ пьяница, но неотрекался иногда въ излишность сію впадать; и привезенный изъ ссылки Графъ Алексѣй Петровичь Бестужевъ, бывшій при Императрицѣ Аннѣ Кабинетъ Министромъ и добрымъ пріятелемъ Бирону, за котораго онъ и въ ссылку былъ сосланъ, человѣкъ умный, чрезъ долгую привычку искусный, въ политическихъ дѣлахъ любитель государственной пользы; но пронырливъ золъ и мстителенъ, сластолюбивъ, роскошенъ и собственно имѣющій страсть къ пьянству. Сіи двое, пивъ съ нимъ вмѣстѣ и угождая сей его страсти—сочиншіе партію при дворѣ, противную Кн. Ю. Трубецкому.

Были еще другіе, носящіе милость на себѣ монаршу; сіи суть родственники императрицыны, по ея матери Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, и по бабкѣ ея Натальи Кириловнѣ, и оные, первые были Ефимовскіе, Скавронскіе и Гендриковы, о которыхъ о всѣхъ генерально можно сказать, что они были люди глупые и распутные; по умнѣе, или лучше сказать, поживѣе изъ нихъ изъ всѣхъ былъ, но и тотъ былъ недалекъ, Николай Наумовичь Чеглоковъ, за котораго ближняя свойственница Государынина, Марья Симоновна Гендрикова была выдана; и Михайло Ларіоновичь Воронцовъ, женатый на Аннѣ Карловнѣ Скавронской, двоюродной сестрѣ Императрицы, послѣ пожалованный графомъ и бывшій канцлеромъ, коего тихой обычай недозволялъ оказывать его разумъ; но по дѣламъ видно, что онъ его имѣлъ, а паче духъ твердости и честности во душѣ его обиталъ яко самыми опытами онъ имѣлъ случай показать. Вторые были Нарышкины, и хотя родъ сей и довольно многочисленъ, но ближнимъ родственникомъ своимъ щитала Императрица Александра Львовича Нарышкина, къ которому всегда отличное уваженіе показывала.

Потомъ были въ особливомъ уваженіи у двора тѣ, которые знали о намѣреніяхъ Императрицы взойти на

престолъ, и сіи были, окромѣ Михаила Ларіоновича Воронцова, князь Гессенъ Готбургскій и его супруга Княгиня Катерина Ивановна, и Василій Федоровичь Солтыковъ съ его женою.

Признательность Императрицы простиралась и на тѣхъ, которые у двора ея съ вѣрностью ей служили и сіи были два брата Александръ и Петръ Ивановичи Шуваловы, котораго втораго жена Мавра Егоровна и любимица Императрицина была, и о сей послѣдней четѣ буду имѣть случай впредь упомянуть; Скворцовъ, Лялинъ, Возжинскій и Чулковъ, изъ которыхъ нѣкоторые и изъ подлости были.

Всѣ сіи разныя награжденія получили, а недостаточные стали обогащены; и какъ не одно рожденіе, и по долголѣтнимъ службамъ полученные чины стали давать преимущество у двора, то и состоянія смѣшались, и что изъ подлости или изъ незнатныхъ дворянъ произшедшій; обогощенный по пышности дѣлалъ, того знатный, благородный или заслуженный но (не?) награжденный человѣкъ за стыдъ почиталъ не дѣлать. Когда смѣшались состоянія, когда чины начали изъ почтенія выходить, а достатки не стали ровняться; единые, отъ монаршей щедроты получая многое, могли много проживать, а другіе имѣя токмо рожденіе и службу и не большой достатокъ, съ ними восхотѣли равны быть, тогда естественно роскошъ и сластолюбіе сверху внизъ стало переходить и разорять нижнихъ; а какъ сластолюбіе никогда предѣловъ излишностямъ своимъ не полагаетъ, и самые вельможи стали взыскивать умножить оное въ долгахъ своихъ.

Дворъ, подражая или, лучше сказать, угождая Императрицѣ, въ злототканныя одежды облекался, вельможи изыскивали въ одѣяніи—все что есть богатѣе, въ столѣ—все что есть драгоцѣннѣе, въ питье—все что есть рѣже, въ услугѣ – возобновя древнюю многочисленность служителей, приложили къ оной пышности въ одѣяніи ихъ. Екипажи возблистали златомъ, дорогія лошади, не столь для нужды удобныя, какъ единственно для виду, учинились нужны для воженія позлащенныхъ

каретъ. Домы стали украшаться позолотою, шолковыми обоями во всѣхъ комнатахъ дорогими мебелями, зеркалами, и другими. Все сіе составляло удовольствіе самымъ хозяевамъ, вкусъ умножался, подражаніе роскошнѣйшимъ народамъ возрастало и человѣкъ дѣлался почтителенъ по мѣрѣ великолѣпности его житья и уборовъ.

Очевидный будучи свидѣтель роду житья и сластолюбія тогдашняго времени, я нѣкоторые примѣры потщуся представить. Графъ Алексѣй Петровичь Бестужевъ имѣлъ толь великій погребъ, что онъ знатный капиталъ составилъ когда послѣ смерти его былъ проданъ Графомъ Орловымъ; палатки, которыя у него становливались на его загородномъ дворѣ на каменномъ острову, имѣли шелковыя веревки. Степанъ Федоровичь Апраксинъ всегда имѣлъ великій столъ, гардеробъ его изъ многихъ сотъ разныхъ богатыхъ кавтановъ состоялъ, въ походѣ когда онъ командовалъ россійскою арміею противу Прусскаго короля, всѣ спокойствія, всѣ удовольствія, какія можно было имѣть въ цвѣтущемъ торговлею градѣ, съ самою роскошью, при звукѣ оружій и безпокойствѣ маршей, ему послѣдовали. Палатки его величиною городъ составляли, обозъ его болѣе нежели 500 лошадей отягчалъ, и для его собственнаго употребленія было съ нимъ 50 заводныхъ, богато убранныхъ лошадей. Графъ Петръ Борисовичь Шереметевъ, сперва Камеръ-Геръ, а потомъ Генералъ-Аншефъ и Генералъ-Адъютантъ, богатѣйшій тогда въ Россіи человѣкъ, какъ по родителѣ своемъ Графѣ Борисъ Петровичѣ Шереметевѣ, такъ и по супругѣ своей Графинѣ Варварѣ Алексѣевнѣ, урожденной Княжнѣ Черкаской, дочери и наслѣдницѣ Кн. Ан. Мих. Черкаскаго, человѣка такоже весьма богатова, человѣкъ весьма посредственный разумомъ своимъ, лѣнивъ, незнающъ въ дѣлахъ, и однимъ словомъ таскающій, а не носящій свое имя и гордящійся единымъ своимъ богатствомъ, все въ угодность монархинѣ со всѣмъ возможнымъ великолѣпіемъ жилъ. Одежды его наносили ему тягость отъ злата и сребра и блистаніемъ ослѣпляли очи, екипажи его, къ чему

онъ и охоты не имѣлъ, окромѣ что лучшаго вкуса были наидрагоцѣннѣйшіе, столъ его великолѣпенъ, услуга многочисленна, и житье его однимъ словомъ было таково, что не однажды случалось, что нечаянно пріѣхавшую къ нему Императрицу съ немалымъ числомъ придворныхъ, онъ въ вечернемъ кушаньи, якобы изготовляясь могъ угощать; а сіе ему достоинствомъ служило и онъ во всякомъ случаѣ у двора, не взирая на разныя перемѣны, въ разсужденіи его и особы былъ особливо уважаемъ. Графъ Ив. Гр. Чернышевъ, сперва камеръ-юнкеръ, а потомъ камеръ-геръ, человѣкъ не толь разумный, коль быстрый, увертливый и праворный и, словомъ, вмѣщающій въ себѣ всѣ нужныя качества придворнаго, многіе примѣры во всякомъ родѣ сластолюбія подалъ. Къ нещастію Россіи, онъ не малое время путешествовалъ въ чужіе краи; видѣлъ все что сластолюбіе, роскошъ, при другихъ европейскихъ дворахъ, наипріятнѣйшаго имѣютъ; онъ все сіе перенялъ, все сіе привезъ въ Россію, и всѣмъ симъ отечество свое снабдать тщился. Одѣянія его были особливаго богатства и вкуса, и ихъ толь много, что онъ единажды вдругъ 12 кавтановъ выписалъ. Столъ его со вкусомъ и изъ дорогихъ вещей содѣланный, обще вкусъ, обоняніе и видъ привлекалъ; екипажи его блистали златомъ и самая ливрея его пажей была шита серебромъ; вина у него были на столѣ наилучшія и наидорожайшія; и подлинно онъ самъ нѣкоторое пріимущество получалъ, яко человѣкъ, имѣющій вкусъ, особливо всегда былъ уважаемъ у двора, женился на богатой невѣстѣ Ефимовской, подлѣ государыни, и любимый ею, потомъ учинился другомъ фавориту Ив. Ив. Шувалову, чрезъ него прежде другихъ тогда въ почтеньи находящуюся ленту польскую бѣлаго орла получилъ, а симъ же защищеніемъ чрезъ сенатъ за малую цѣну, то есть, неболѣе 90,000 руб. получилъ мѣдные заводы, гдѣ слишкомъ на 100 м. готовой мѣди было, и которые чрезъ нѣсколько лѣтъ приведенные имъ въ разоренье, съ великимъ искомъ на нихъ за 700,000 продалъ обратно коронѣ.

Вкореняющаяся такая роскошъ проникла и въ такія состоянiи людей, которыябы по чинамъ и обстоятельствамъ своимъ не имѣли нужду ея употреблять. Князь Борисъ Сергѣевичь Галицинъ, сперва отбѣгающій отъ службы поручикъ или капитанъ, а потомъ отставной маіоръ, оную въ Москвѣ колико возможно оказывалъ; богатыя одѣянія его и жены его, ливрея, екипажи, столъ, вины, услуга и прочее, все было великолѣпно. Таковое роскошное житье привлекло ему нѣкоторый родъ почтенія, но изнуряло его состояніе, какъ и дѣйствительно онъ какъ отъ долговъ приватнымъ людямъ, такъ и отъ долговъ казнѣ разоренный умеръ, и жена его долгое время должна была страдать и претерпѣвать нужду въ платежѣ за безуміе своего мужа, для оплаты нажитыхъ долговъ.

Тако сластолюбіе повсюду вкоренялось, къ разоренію домовъ и къ поврежденію нравовъ. Но гдѣ оно наиболѣе оказало вредныхъ своихъ дѣйствій? и гдѣ оно, соединяся съ пышностью и сластолюбіемъ, можно сказать, оказало свою побѣду надъ добрыми нравами? Сіе было въ особѣ Графа Петра Ив. Шувалова. Имя сего мужа, памятное въ Россіи, не токмо всѣмъ вредомъ, который самъ онъ причинилъ, но и примѣрами, которые онъ оставилъ къ подражанію. Родъ Шуваловыхъ у насъ никогда въ великихъ чинахъ не бывалъ и отецъ сего Шувалова Иванъ Максимычь, въ молодости своей, у брата роднаго моего дѣда Кн. Юрья Ѳед. Щербатова былъ знакомцемъ. Вошедъ въ службу, долговременнымъ продолженіемъ оныя достигъ наконецъ до генералъ-маіорскаго чину, былъ губернаторомъ у города Архангельскаго, откудова отецъ мой его смѣнилъ, а оттуда былъ употребленъ въ губернаторы или въ Ригу или въ Ревель, гдѣ и умеръ. Онъ былъ человѣкъ умный и честный, имѣлъ двухъ сыновей—Александра и Петра Ивановичей, которымъ давъ приличное воспитаніе, опредѣлилъ ихъ на службу ко двору Цессаревны Елисаветы Петровны. Въ царствованіе Импер. Анны Ивановны старались наполнять дворъ сей цессаревны такими людьми, которые бы ни знатности рода, ни богатства

неимѣли, и тако сія достигли изъ пажей, даже до камеръ-юнкеровъ.

Петръ Ив. Шуваловъ былъ человѣкъ умный, быстрый, честолюбивый, корыстолюбивый, роскошный, былъ женатъ на Марфѣ Егоровнѣ Шепелевой, женщинѣ, исполненной многими пороками, а однако любимицѣ Императрицыной; онъ пользуясь напамятованіемъ прежней своей службы, когда бывъ при дворѣ ея яко цессаревны, раздѣлялъ ея утѣсненія и милостью Императрицы къ женѣ его, съ самаго начала принятія престола Имп. Елисаветы Петровны отличную сталъ имѣть силу; вскорѣ былъ пожалованъ въ камеръ-геры и разумомъ своимъ, удобнымъ и къ дѣламъ и къ лести, силу свою умножилъ; пожалованъ былъ въ Генералъ Порутчики и присутствовать въ Сенатъ. Тутъ соединяя все что хитрость придворная наитончайшаго имѣетъ, т. е. не токмо лесть, угожденіе монарху, подслуживаніе любовнику Разумовскому, дареніе всѣмъ подлымъ и развратнымъ женщинамъ, которыя были при Императрицѣ (и которыя единыя были сидѣльщицы у нея по ночамъ, иныя гладили ея ноги), къ пышному немного знаменующему краснорѣчію, проникнулъ онъ что доходы Государственные неимѣютъ порядочнаго положенія, а Императрица была роскошна и сластолюбива; тогда какъ Сенатъ, неимѣя свѣденія о суммахъ, гдѣ какія находятся, всегда жаловался на недостатокъ денегъ, сей всегда говорилъ, что ихъ довольно и находилъ нужныя суммы для удовольствія роскоши Императрицы. Дабы на умножающееся сластолюбіе имѣть довольно денегъ, тогда какъ другіе, взирая на недостатокъ народный, недерзали ничего накладывать, сей, имѣя въ виду свою пышность и собственныя пользы, увеличилъ тщаніями своими доходы съ винныхъ откуповъ, а для удовольствія своего корыстолюбія, самъ участникомъ оныхъ учинился. Монополіи старался вводить, и самъ взялъ откупъ табаку, рыбныя ловли на Бѣломъ и Ледяномъ морѣ и лѣса Олонецкіе, за все получая себѣ прибыль. При милосерднѣйшей Государынѣ, учредилъ родъ инквизиціи, изыскующій корчемство, и обагрилъ россійскія области кровію пытанныхъ

и сѣченныхъ кнутомъ и пустыни Сибирскія и рудники наполнилъ сосланными въ ссылку и на каторги; такъ что считаютъ до 15,000 человѣкъ, претерпѣвшихъ такое наказаніе. Взирая на торговлю, умножилъ пошлины на товары, безъ разбору, и тѣмъ пріумноженіемъ убытку по цѣнѣ оныхъ, при умноженіи сластолюбія, принужденно многихъ въ раззореніе повлекъ. Умножилъ цѣну на соль, а симъ самымъ приключилъ недостатокъ и болѣзни въ народѣ. Коснувшись до монеты возвышалъ и уменьшалъ ея цѣну, такъ что пятикопѣешники мѣдные привелъ ходить въ грошъ, а бѣдные подданные на капиталѣ мѣдныхъ денегъ хотя не вдругъ, по три пятыхъ капиталу своего потеряли; по его предложенію, дѣлана была монета медная по 8 руб. съ пуда, а потомъ передѣлавана по 16 р. съ пуда. Хотя ни одно изъ сихъ дѣйствій небыло учинено безъ тайныхъ прибытковъ себѣ, но еще дошедши до чину Генералъ-Фельдцейхмейстера, и бывъ подкрѣпляемъ родственникомъ своимъ Иваномъ Ив. Шуваловымъ, котораго ввелъ въ любовники къ любострастной Императрицѣ, тогда какъ повсюдова въ Европѣ умножали артилерію и Россія, имѣя тысячи пушекъ, моглабы токмо ихъ переливъ, снабдить армію и флотъ, онъ множество старыхъ пушекъ въ мѣдную монету передѣлалъ, приписуя себѣ въ честь, что якобы неизвѣстное и погибшее сокровище въ сокровище обрѣтающееся братилъ.—Немогши скрыть свои желанія корыстолюбія силою и властію своей а пользуясь узаконеніемъ Петра Великаго, чтобы заводы рудокопные отдавать въ приватныя руки, испросилъ себѣ знатные заводы и между протчими лучшій въ Государствѣ Гороблагодатскій, и сіе съ такою безсовѣстностію, что когда сей заводъ, могущій приносить прибыли многія сты тысячь руб. былъ оцѣненъ въ 90,000, то онъ неустыдился о дорогой оцѣнкѣ приносить жалобу Сенату, и получилъ его по новой перецѣнкѣ, гдѣ не справедливость и не польза Государская была соблюдаема, но страхъ его могущества, не съ большимъ за 40 т. руб.; заводъ, при которомъ было приписныхъ до 20 т. душъ, заводъ приносящій послѣ ему 200 т. руб. и который послѣ взятъ былъ

обратно короною за его долги, за 750 т. руб. Откупы, монополіи, мздоимство, торговля, самимъ заведенная и грабительствы государственныхъ имѣній немогли однако его жадность и сластолюбіе удовольствовать; учредилъ банкъ, повидимому, могущій бы полезнымъ быть подданнымъ, и оный состоялъ въ мѣдной монетѣ, занимая изъ котораго должно было платить по 2% и черезъ нѣсколько лѣтъ внести капиталъ серебромъ. Но кто симъ банкомъ воспользовался? Онъ самъ взявъ милліонъ, Готъ, взявшій у него на откупъ Олонецкія лѣса и взятыя деньги отдавшій ему. Армяне взявшіе въ монополію Астраханской торгъ, и большую часть взятыхъ денегъ отдавшіе ему; Князь Борисъ Сергѣевичь Голицынъ, который толь мало взятьемъ симъ пользовался, что увѣряютъ, якобы въ единое время изъ 20 т., имъ взятыхъ, токмо 4 тысячи въ пользу себѣ употребилъ.

Властолюбіе его равно какъ и корыстолюбіе предѣловъ не имѣло. Недовольствуясь, что онъ былъ Генералъ-Фельдцехмейстеръ, Генералъ-Адъютантъ и Сенаторъ, восхотѣлъ опричную себѣ армію сдѣлать, представленіе его такъ, какъ и все чиненное имъ, было принято, и онъ сочинилъ армію, состоящую изъ 30,000 пѣхоты, раздѣленную въ шесть легіоновъ, или полковъ, каждой по 5 т. человѣкъ, которые ни отъ кого кромѣ его независѣли. Является, что въ Россіи рокъ таковыхъ безнужныхъ затѣй есть скоро родиться и еще скорѣе упадать. Армія сія, сочиненная изъ лучшихъ людей Государства, пошла въ походъ противъ Прусскихъ войскъ, много потерпѣла, ничего не сдѣлала, часть ея превращена была въ состоящіе подъ его начальствомъ фузильерные полки, а потомъ и совсѣмъ исчезла.

Мало я незабылъ, исчисляя честолюбивыя затѣи сего чудовища, упомянуть о изобрѣтенныхъ имъ, или лучше сказать съ подражанія старинныхъ, и отброшенныхъ голбицъ, которыя Шуваловскими назывались и коихъ коническая камера чинила, что весьма далеко отдавали, а елипсической канлиберъ, что размѣтисто на близко картечами стрѣляли, и единороговъ, которые и нынѣ есть въ употребленіи, ради легости ихъ. Онъ вы-

думку свою всему предпочитая, гербы свои на сихъ новыхъ орудіяхъ изобразилъ, гналъ всѣхъ тѣхъ, которые дерзали, о неудобности ихъ, нынѣ доказанной, говорить, яко между прочимъ содержалъ подъ арестомъ Князь Павла Николаевича Щербатова, сказавшаго по пріѣздѣ своемъ изъ арміи, что ихъ дѣйствіе весьма близко, неможетъ быть инако дѣйствительно, какъ на совершенно гладкомъ мѣстѣ; что отдача назадъ голбицъ можетъ самимъ дѣйствующимъ имъ войскамъ вредъ нанести и разстроить ихъ порядокъ; что тягость ихъ неудобна ни къ воженію ни къ постановленію послѣ выстрѣла на прежнее мѣсто, и наконецъ, что достойно смѣху то, что ихъ толь секретными почитаютъ, и съ особливою присягою къ нимъ люди употреблены, которые даже отъ главныхъ начальниковъ, сокрываютъ сей мнимый секретъ, съ обидою оныхъ, коимъ ввѣрено начальство арміи, а немогутъ они знать ни секрета ни дѣйствія употребляемыхъ въ ней орудій; а самое сіе разстроиваетъ всю дисциплину въ войскѣ, что введенные въ сіе, таинство, якобы отличные люди отъ другихъ, не по достоинству, но по опричности своей, излишные чины получаютъ, и болѣе другихъ ихъ всемощнымъ начальникомъ уважаемы суть.—

Между многихъ таковыхъ развратныхъ его предпріятій, начаты были однако два по его предположеніямъ, то есть—генеральное межеванье и сочиненіе новаго уложенія. Но за неоспоримую истину должно сіе принять, что развратное сердце влечетъ за собою развратный разумъ, который во всѣхъ дѣлахъ того чувствителенъ бываетъ. Хотя неможно сказать, что намѣреніе генеральнаго межеванія неполезно было Государству и чтобы межевая инструкція несодержала въ себѣ много хорошихъ узаконеній; но многія въ ней находятся и такія которыя несходственно со справедливостью, но подальновидности его ли самаго, или его окружающихъ, были для собственныхъ ихъ пользъ учинены. А исполненіе еще хуже было. Порочнаго сердца человѣкъ выбиралъ порочныхъ людей, для исправленія разныхъ должностей; тѣ не напользу общественную, но

на свои прибытки взирая также порочныхъ людей ободряли, отчего множество тогдаже произошло злоупотребленій; и не пользою обществу сіе межеваніе учинилось, но учинилось вѣрнымъ способомъ къ нажитку опредѣленныхъ, къ грабежу народа. Сочиненіе уложенья нелучшій успѣхъ имѣло; ибо были къ сему толь полезному дѣлу Государства опредѣлены люди не тѣ, которые глубокою наукою состояніе Государства и древнихъ правъ, сообщенныхъ съ наукою логики и моральной философіи, а равно ихъ долговременнымъ исполненіемъ безпорочно своихъ должностей, могли удостоиться имени законодателей и благотворителей своего отечества. Но Емме человѣкъ ученый, но грубъ и безчеловѣченъ съ природы; Дивовъ, глупый, намѣтливый на законы человѣкъ, но мало смыслящій ихъ разумъ, а къ томуже корыстолюбивый; Ешковъ, добрый, немзоимщикъ и знающій по крайнѣй мѣрѣ не россійскіе законы человѣкъ, но ленивый, праздный и не твердый судья; Козловъ, умный а знающій законы человѣкъ, но токмо предъ тѣмъ вышелъ изъ подъ слѣдствія мздоимствамъ и воровствамъ. Глѣбовъ, угодникъ Гр. Шувалову, умный по наружности человѣкъ, но соединяющій въ себѣ всѣ пороки, которые самъ онъ Петръ Ивановичь имѣлъ. Такіе люди, таково и сочиненіе. Наполнили они свое сочиненіе множество пространными статьями, по которымъ каждый хотѣлъ или свои дѣла рѣшить, или начавши новыя воспользоваться разореніямъ другихъ. Наполнили его неслыханными жестокостями пытокъ и наказаній, такъ что когда по сочиненіи оное было, безъ чтенія Сенатомъ и другихъ Государственныхъ чиновъ, поднесено къ подписанію Государыни, и уже готова была сія добросердечная Государыня нечитая подписать, перебирая листы, вдругъ попала на главу пытокъ, взглянула на нее, ужаснулась тиранству и неподписавъ, велѣла передѣлывать. Такъ чудеснымъ образомъ, избавилась Россія отъ сего безчеловѣчнаго законодательства.

Но я слишкомъ отдалился отъ моей причины, колико она ни достойна любопытства, и токмо ее продолжилъ для показанія умоначертанія сего именитаго мужа, а

развратность вельможи влекла примѣромъ своимъ и развратность на нижнихъ людей. И подлинно, до его правленія, хотя были взятки, были неправосудія и былъ развратъ; но все съ опасеніемъ строгости законовъ, и народъ хотя малое что давая немогъ справедливо жаловаться, что разоренъ есть отъ судей. Но съ возвышеніемъ его, неправосудіе чинилось съ наглостью, законы стали презираться, и мздоимствы стали явныя. Ибо довольно было быть любиму и защищаему имъ, Гр. Шуваловымъ, иль его метресами, иль его любимцами Глѣбовымъ и Яковлевымъ, чтобы не страшася ничего, всякія неправосудія дѣлать и народъ взятками разорять. Самый Сенатъ, трепетавъ его власти, принужденъ былъ хотѣніямъ его повиноваться, и онъ первый же правосудіе изъ сего вышняго правительства изгналъ. Чрезъ исканіе Анны Борисовны Графини Апраксиной, дочери Кн. Бор. Васил. Голицына, при Княгинѣ Аленѣ Степановнѣ Куракиной, рѣшено было дѣло между Князя Голицына и Кн. Елены Васил. Урусовой, въ бѣглыхъ крестьянахъ, и хотя она была права, но рѣшеніемъ Сената приведена была въ разореніе; защищалъ онъ, собщася съ Гр. Александромъ Борис. Батурлинымъ, Князей Долгорукихъ, по дѣлу и деревняхъ Анны Яковлевны Шереметевой, дочери именитаго Кн. Якова Ѳед. Долгорукова, чтобы лишить неправо принадлежащей части Кн. Якова Александровича и сестру его Кн. Марью Алек. Долгорукихъ и тесть мой на сіе голосъ подалъ, то сказано ему было отъ вышеименованаго Батурлина, что естли онъ отъ сего дѣла неотступитъ, они найдутъ способъ толико его обнести у Государыни, что можетъ быть онъ свое упрямство и ссылкою заплатитъ.

Немогу и упустить, чтобы неупомянуть объ единомъ узаконеніи сего Гр. Петра Ив. Шувалова, учиненномъ для собственнаго его прибытку, и разрушающемъ супружественную связь, которая досего у насъ свято сохранялась. Между прочими вещами связующими супруговъ и, сходственно съ Божіимъ закономъ, подчиняющими женъ мужьямъ своимъ, было узаконеніе, что жена безъ воли мужа своего имѣнія продать и заложить немогла,

а мужъ всегда долженъ былъ позволеніе свое въ крѣпости подпискою означить. Гр. П. И. Шувалову нужда была купить одну деревню, непомню у какой Графини Головкиной, живущей особливо отъ мужа своего, а потому и немогущей его согласіе имѣть, предложилъ, чтобы сей знакъ покорства женъ уничтожить; по предложенію его яко все сильнаго мужа въ государствѣ былъ учиненъ указъ, онъ деревню купилъ и симъ подалъ поводъ, по своенравіямъ своимъ женамъ отъ мужей отходить, разорять ихъ дѣтей и отошедшимъ разоряться.

Довольно думаю описалъ я разные, клонящіяся по своимъ собственнымъ прибыткамъ предпріятіи Графа Шувалова, наводящія тогда же мнѣ огорченія нетокмо, по самому злу, чинившемуся тогда, но и по подаваемому примѣру, о которомъ я пророчествовалъ, что онъ множество подражателей себѣ найдетъ. Яко и дѣйствительно воспослѣдовало. К. В. *) показаніемъ, что онъ умножаетъ доходы, хотя то часто со стенаніемъ народа, въ такую силу вошелъ, что владычествуетъ надъ закономъ и Сенатомъ. К. П. **) нетокмо всю армію по военной Коллегіи подъ властью своею имѣетъ, но и особливую опричную себѣ дивизію изъ большей части арміи сочинилъ, и нерегулярныя всѣ войска въ опричину себѣ прибралъ, стараясь во всѣхъ дѣлахъ толико превзойти Графа Шувалова, колико онъ другихъ превосходитъ.

Мнѣ должно теперь помянуть о его нравахъ и роскоши. Безпрестанно въ замыслахъ и безпрестанно въ дѣлахъ, не могъ онъ имѣть открытаго дому и роскошь свою великолѣпнымъ затѣямъ показывать. Но былъ сластолюбивъ и роскошенъ въ приватномъ своемъ житьѣ. Домъ его убранъ колико возможно лучше по тогдашнему состоянію; столъ его маленькій наполненъ былъ всѣмъ тѣмъ, что есть драгоцѣннѣйшее и вкуснѣйшее; десертъ его былъ по тогдашнему наивеликолѣп-

---

*) Князь Вяземскій.
**) Князь Потемкинъ.

нѣйшій; ибо тогда какъ многіе изъ жившихъ вѣкъ вкусу ананасовъ не знали, а объ аланѣ и неслыхивали, онъ ихъ въ обильствѣ имѣлъ и первый изъ приватныхъ завелъ ананасовую большую оранжерею. Вины, употребляемые имъ, нетокмо были лучшіе, но недовольствуяся тѣми, которые обыкновенно привозятся и употребляются, дѣлалъ дома вино ананасовое. Екипажъ его былъ блестящъ златомъ, и онъ первый цукъ англійскихъ, тогда весьма дорогихъ, лошадей имѣлъ. Платье его также соотвѣтствовало пышности, злато, серебро, кружевы, шитье на немъ блистали и онъ первый по Графѣ Алексѣе Григ. Разумовскомъ имѣлъ бриліантовыя пуговицы, звѣзду, ордена и еполетъ, съ тою только разностію, что его бриліантовые уборы богатѣе были. Въ удовольствіе своего любострастія всегда имѣлъ многихъ метресъ, которымъ нежалѣя деньги сыпалъ, а дабы тѣло его могло согласоваться съ такою роскошью, принималъ ежедневно горячія лекарства, которыя и смерть его приключили. Однимъ словомъ, хотя онъ тогда имѣлъ болѣе 400,000 рублей доходу, но на его роскошъ, любострастіе и дары окружающимъ Императрицу недоставало, и онъ умеръ имѣя болѣе милліону на себѣ казеннаго долгу.

Примѣры таковые не могли нерозлиться на весь народъ и повсюду роскошь и сластолюбіе умножились. Дамы стали великолѣпно убираться и стыдились неанглійскія мебели имѣть; столы учинились великолѣпны, и повары, которые сперва не за перваго человѣка въ домѣ считались стали великія деньги въ жалованье получать. Такъ что Фуксъ, бывшій поваръ Императрицынъ и служившій ей въ Цесаревнахъ, хотя имѣлъ бригадирскій чинъ, но жалованья получалъ по 800 руб. въ годъ, а уже тогда и приватные стали давать рублей по 500, окромѣ содержанія.

Лимоны и померанцы немогли быть дороги въ петербургѣ, куда они кораблями привозятся, но въ Москвѣ они были толь рѣдки, что развѣ для больного или для особливо великаго стола ихъ покупали, учинились и въ Москвѣ въ изобильствѣ. Вины дорогіе и до того

незнаемые не токмо въ знатныхъ домахъ вошли въ употребленіе; но даже и нискіе люди ихъ употреблять начали, и за щегольство считали ихъ разныхъ сортовъ на столъ подавать, даже что многіе подъ тарелки въ званные столы клали записки разнымъ винамъ, дабы каждый могъ попросить какое кому угодно. Пиво англійское, до того и совсѣмъ не бывшее въ употребленіи, но введенное въ употребленіе Граф. Анною Карловною Воронцовой, которая его любила, стало не только въ знатныхъ столахъ ежедневно употребляться; но даже подлые люди, оставя употребленіе русскаго пива, онымъ стали опиваться. Свѣчи, которыя большею частью долго употреблялись сальныя, а гдѣ въ знатныхъ домахъ и то передъ господами, употребляли вощаныя, но и тѣ изъ желтаго воску, стали вездѣ, да и во множествѣ, употребляться бѣлыя восковыя. Роскошь въ одеждахъ всѣ предѣлы превзошелъ, парчевыя, бархатныя съ золотомъ и серебромъ и шелками, ибо уже галуны за подлое почитали, и тѣ въ толикомъ множествѣ, что часто гардеробъ составлялъ, почти равный капиталъ съ прочимъ достаткомъ, какого придворнаго или щеголя, а и умѣренныхъ людей онаго всегда великое число было.

Да можно-ли было сему иначе быть, когда самъ Государь прилагалъ все свое тщаніе, къ украшенію своея особы, когда онъ за правило себѣ имѣлъ каждый день новое платье надѣвать, а иногда по два и по три на день, и стыжусь сказать число, но увѣряютъ, что нѣсколько десятковъ тысячъ разныхъ платьевъ послѣ нея осталось.

Мундировъ тогда, кто имѣлъ токмо достатокъ, кромѣ должности своей ненашивали и даже запрещено было въ оныхъ танцовать при дворѣ.

Экипажи были умѣреннаго съ прочимъ великолѣпія, уже русскаго дѣла карета въ презрѣніи была, и надлежало имѣть съ заплатою нѣсколькихъ тысячь рублевъ французскую, и съ точеными стеклами, чтобы шоры и лошади оной соотвѣтствовали и прочее. Однако при всемъ семъ еще очень мало было сервизовъ серебрян-

ныхъ, да и тѣ большая часть жалованныя государемъ. Степанъ Ѳедоровичь Апраксинъ, человѣкъ пышной и роскошной, помнится мнѣ, до конца жизни своей, на фаянсѣ ѣдалъ, довольствуясь имѣть чаши серебрянныя, и я слыхалъ отъ Ивана Лукьяновича Талызина, что онъ первый изъ собственныхъ своихъ денегъ сдѣлалъ себѣ сервизъ серебрянный.—

При сластолюбивомъ и роскошномъ Государѣ неудивительно, что роскошь имѣла такіе успѣхи; но достойно удивленія, что при набожной Государынѣ, касательно до нравовъ, во многомъ божественному закону противуборствія были учинены.—Сіе есть въ разсужденіи храненія святости брака, таинства по исповѣданіи нашея вѣры.

Толь есть истинно, что единый порокъ и единой проступокъ влечетъ за собою другіе. Мы можемъ положить сіе время началомъ, въ которое жены начали покидать своихъ мужей; не знаю я обстоятельствъ перваго, страннаго разводу; но въ самомъ дѣлѣ онъ былъ таковъ. Иванъ Бутурлинъ, а чей сынъ незнаю, имѣлъ жену Анну Семеновну; съ ней слюбился Степанъ Ѳедоровичь Ушаковъ и она отошедъ отъ мужа своего, вышла за своего любовника и, публично содѣявъ любодѣйственный и противный церкви сей бракъ, жили. Потомъ Анна Борисовна Графиня Апраксина, рожденная Княжна Галицына, бывшая же въ супружествіе за Графомъ Петромъ Алексѣевичемъ Апраксинымъ, отъ него отошла. Я не вхожу въ причины, чего ради, она оставила своего мужа, который подлинно былъ человѣкъ распутнаго житья; но знаю, что разводъ сей нецерковнымъ, но гражданскимъ порядкомъ былъ суженъ. Мужъ ея, якобы за намѣреніе учинить ей какую обиду въ Нѣмецкомъ позорищѣ, былъ посаженъ подъ стражу, и долго содержался, и наконецъ велѣно ей было дать ея указную часть изъ мужня имѣнія, при живомъ мужѣ; а именоваться ей по прежнему Княжною Голицыной. И такъ отложа имя мужа своего, приведши его до посажденія подъ стражу, наслѣдница части его имѣнія учинилась потому токмо праву, что отецъ ея кн. Бор. Вас.

имѣлъ нѣкоторый случай у двора, а потомъ по разводѣ своемъ она сдѣлалась другомъ Княгини Елены Степановны Куракиной, любовницы Графа Шувалова.

Примѣръ такихъ разводовъ вскорѣ многими другими женами былъ послѣдуемъ, и я токмо двухъ въ царствованіе Имп. Елисаветы Петровны именовалъ, а послѣ ихъ можно сотнями считать.

Еще Петръ Великій, видя, что законъ нашъ запрещаетъ Князь Никитъ Ивановичу Репнину вступить въ четвертый бракъ, позволилъ ему имѣть метресу и дѣтей его, подъ именемъ Репнинскихъ, благородными призналъ. Такоже Кн. Ив. Юрьевичъ Трубецкой, бывъ плѣненъ шведами имѣлъ любовницу, сказываютъ благородную женщину, въ Стокголмѣ, которую онъ увѣрилъ, что онъ вдовъ, а отъ нея имѣлъ сына, котораго именовали Бецкимъ, и сей еще при Петрѣ Великомъ почтенъ былъ благороднымъ, и уже былъ въ офицерскихъ чинахъ. Такому примѣру послѣдуя, при царствованіи Императрицы Елисаветы, в... Кн. Вас. Влад. Долгорукова, Рукинъ, на равнѣ съ дворянами былъ производимъ. Алексѣй Даниловичь Татищевъ, нескрывая холопку свою, отнявшую у мужа жену, въ метресахъ содержалъ, и дѣти его дворянство получили. А сему подражая, толико сихъ в... дворянъ умножилось, что повсюдова толпами ихъ видно. Лицыны, Ращовы, и прочіе, которые или дворянство получаютъ, либо послучаю, или за деньги до знатныхъ чиновъ доходятъ, что кажется хотятъ истребить честь законнаго рожденія и не закрытно содержа метрессъ, являются знатные люди насмѣхаться и святостью закона, и моральнымъ правиламъ, и благопристойности. И тако можно сказать, что и сіи злы, толь обыкновенныя въ нынѣшнее время отрыгнули корень свой въ сіе царствованіе.

Такое было расположеніе нравовъ при концѣ сея Императрицы, и она, скончавшись, оставила престолъ свой племяннику своему, сыну старшей сестры Анны Петровны, бывшей за Герцогомъ Голштинскимъ, Петру Ѳедоровичу, государю, одаренному добрымъ сердцемъ, естли можетъ оно быть въ человѣкѣ, неимѣющемъ ни

разума, ни нравовъ; ибо впрочемъ онъ не токмо имѣлъ разумъ весьма слабый, но яко и помѣшанный, погруженный во всѣ пороки, въ сластолюбіе, роскошъ, пьянство и любострастіе. Сей взошедшій на всероссійскій престолъ, къ поврежденнымъ нравамъ бывъ самъ съ излихвой поврежденъ, равно по природному своему расположенію, такъ что и во все время царствованія Императрицы Елисаветы, старались наиболѣе его нравы испортить, не могъ исправленія имъ сдѣлать.

Сей Государь имѣлъ при себѣ главнаго своего любимца—Льва Александ. Нарышкина, человѣка довольно умнаго, но такова ума, который ни къ какому дѣлу стремленія не имѣетъ, трусливъ, жаденъ къ честямъ и корысти, удобенъ ко всякому роскошу, шутливъ, и словомъ по обращеніямъ своимъ и по охотѣ шутить болѣе удобенъ быть придворнымъ шутомъ нежели вельможею. Сей былъ помощникъ всѣхъ его страстей.—

Взошедши сей Государь на всероссійскій престолъ, безъ основательнаго разума и безъ знанія во всякихъ дѣлахъ восхотѣлъ поднять вольнымъ обхожденіемъ воинскій чинъ. Всѣ офицеры его Галстинскіе, которыхъ онъ малый корпусъ имѣлъ и офицеры гвардіи часто имѣли честь быть при его столѣ, куда всегда и дамы приглашались. Какіе сіи были столы?—

Тутъ вздорные разговоры съ неумѣреннымъ питьемъ были смѣшаны; тутъ послѣ стола поставленный пуншъ и положенныя трубки, продолженія пьянства и дымъ отъ куренія табаку представляли болѣе какой то трактиръ, нежели домъ Государской; коротко одѣтый и громко кричащій офицеръ выигрывалъ надъ прямо знающимъ свою должность. Похвала Прусскому Королю, тогда токмо преставшему быть нашимъ непріятелемъ, и униженіе храбрости россійскихъ войскъ, состовляли достоинство пріобрѣсти любленіе Государево; и графъ Захаръ Григорьевичь Чернышевъ, при бывшей пробѣ Россійской и Прусской, взятой въ плѣнъ артилеріи, за то что старался доказать и доказалъ, что Россійская артилерія лучше услужена, неполучилъ за сіе Андреевской ленты, которыя тогда щедро были раздаваемы.

Имѣлъ Государь любовницу, дурную и глупую Графиню Елисавету Романовну Воронцову; но ею, взошедъ на престолъ, онъ доволенъ не былъ; а вскорѣ всѣ хорошія женщины подъ вожделеніе его были подвергнуты; увѣряютъ, что Александръ Ивановичь Глѣбовъ, тогда бывшій Генералъ-Прокуроръ и имъ пожалованный купно и въ Генералъ-Кригсъ-Комисары, подвелъ падчерицу свою Чеглокову, бывшую послѣ въ супружествѣ за Александромъ Ник. Загряскимъ, и уже помянутая мною выше Княгиня Елена Степановна Куракина была привожена къ нему на ночь Львомъ Александ. Нарышкинымъ, и я самъ отъ него слышалъ, что безстыдство ея было таково, что когда по ночеваніи ночи, онъ ее отвозилъ домой по утру рано, и хотѣлъ для сохраненія чести ея, а болѣе, чтобы неучинялось извѣстно сіе Граф. Елисаветѣ Романовнѣ, закрывши гардины ѣхать, она напротивъ того, открывая гардины, хотѣла всѣмъ показать, что она съ Государемъ ночь переспала.

Примѣчательна для Россіи сія ночь, какъ разсказывалъ мнѣ Дмитрій Васильевичь Волковъ, тогда бывшій его секретаремъ. Петръ Третій, дабы сокрыть отъ Граф. Елис. Романовны, что онъ въ сію ночь будетъ веселиться съ новопривозною, сказалъ при ней Волкову, что онъ имѣетъ съ нимъ сію ночь препроводить въ исполненіи извѣстнаго имъ важнаго дѣла въ разсужденіи благоустройства Государства. Ночь пришла, Государь пошелъ веселиться съ Княгинею Куракиною, сказавъ Волкову, чтобы онъ къ завтрему какое знатное узаконеніе написалъ, и былъ запертъ въ пустую комнату съ датскою собакою. Волковъ, не зная ни причины, ни намѣренія Государскаго, не зналъ о чемъ начать писать, а писать надобно. Но какъ онъ былъ человѣкъ, догадливый, то вспомнилъ нерѣдкія вытверженія Государю, отъ Графа Романа Ларіоновича Воронцова о вольности дворянства; сѣдши написалъ манифестъ о семъ. — По утру его изъ заключенія выпустили, и манифестъ былъ Государемъ апробованъ и обнародованъ.

Нетокмо Государь угождая своему любострастію, тако

благородныхъ женшинъ употреблялъ, но и весь дворъ въ такое пришелъ состояніе, что каждый почти имѣлъ незакрытую свою любовницу; а жены не скрываясь ни отъ мужа, ни родственниковъ, любовниковъ себѣ искали. Исчислю-ли я къ стыду тѣхъ женъ, которыя не стыдились впадать въ такія любострастія? съ презрѣніемъ стыда и благопристойности, иже сочиняетъ единую изъ главнѣйшихъ добродѣтелей женъ. Нѣтъ да сокроются отъ потомства имена ихъ а роды ихъ, да не обезчещутся напамятованіемъ преступленій ихъ матерей и бабокъ; и тако довольствуясь описать какой былъ развратъ, подробно о любострастіяхъ ихъ, ни о именахъ ихъ ве помяну; ибо въ самомъ дѣлѣ съ угрызеніемъ сердца моего принуждаю себя и тутъ гдѣ необходимо должно поминать, именуя таковыхъ по причинѣ сочиненія сего, опредѣленнаго сокрыться въ моей фамиліи.

И тако развратъ въ женскихъ нравахъ, угожденіе государю, всякаго роду роскошь, и пьянство составляло отличительныя и умоначертанія двора, а оттуда они уже нѣкоторые разлилися и на другія состоянія людей, въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны, а другія разливаться начали, когда супруга сего Петра Третьяго, рожденная Принцесса Ангальтъ - Цербская Екатерина Алексѣевна, взошла съ низверженіемъ его, на россійскій престолъ. Не рожденная отъ крови нашихъ государей, жена свергнувшая своего мужа возмущеніемъ и вооруженною рукою, въ награду за столь добродѣтельное дѣло корону и скиптръ россійской получила, купно и съ именованіемъ благочестивыя государыни, яко въ церквахъ о нашихъ государяхъ моленіе производится.

Не можно сказать, чтобы она не была качествами достойна править толь великой Имперіей, естли женщина возможетъ поднять сіе иго, и естли однихъ качествъ довольно для сего вышняго сану. Одарена довольной красотою, умна, обходительна, великодушна и сострадательна по системѣ, славолюбива, трудолюбива по славолюбію, бережлива, предъ-пріятельна и нѣкое чтеніе имѣющая. Впрочемъ мораль ея состоитъ на основаніи

новыхъ философовъ, то есть неутвержденная на твердомъ камени закона Божія, а потому какъ на колеблющихся свѣтскихъ главностяхъ есть основана, съ ними обще колебанію подвержена. Напротивъ-же того ея пороки суть:—любострастна и совсѣмъ ввѣряющаяся своимъ любимцамъ; исполнена пышности во всѣхъ вещахъ, самолюбива до безконечности и немогущая себя принудить къ такимъ дѣламъ, которыя ей могутъ скуку наводить; принимая все на себя, не имѣетъ попеченія о исполненіи, а наконецъ толь перемѣнчива, что рѣдко и одинъ мѣсяцъ одинакая у ней система въ разсужденіи правленія бываетъ.

Со всѣмъ тѣмъ вошедши на престолъ и неучиня жестокова мщенія всѣмъ тѣмъ, которые до того ей досождали, имѣла при себѣ любимца своего, который и воспомоществовалъ ей взойти на престолъ, человѣка взросшаго въ трактирахъ и въ неблагопристойныхъ домахъ, ничего не учившагося и ведущаго до того развратную молодаго человѣка жизнь; но сердца и души доброй.

Сей, вошедши на вышнюю степень, до какой подданный можетъ достигнуть, среди кулашныхъ боевъ, борьбы, игры въ карты, охоты и другихъ шумныхъ забавъ, почерпнулъ и утвердилъ въ сердцѣ своемъ нѣкоторые полезные для государства правила, равно какъ и братья его. Оные состояли никому немстить, отгонять льстецовъ, оставить каждому человѣку и мѣсту непрерывное исполненіе ихъ должностей, нельстить государю, выискивать людей достойныхъ и не производить какъ токмо по заслугамъ, и наконецъ отбѣгать отъ роскоши, которыя правила сей Григорій Григорьевичъ (Орловъ), послѣ бывшій графомъ и наконецъ княземъ, до смерти своей сохранялъ. Находя, что карточная азартная игра можетъ другихъ привести въ раззорѣніе, играть въ нее пересталъ; хотя его явные были непріятели Графы Никита и Петръ Ивановичи Панины, никогда ни малѣйшаго имъ зла не сдѣлалъ; а напротивъ того въ многихъ случаяхъ имъ дѣлалъ благодѣянія и защищалъ ихъ отъ гнѣву Государыни.

Изрубившему измѣническимъ образомъ брата его

Алексѣя Григорьевича не только простилъ, но и милости сдѣлалъ [1]); множество льстецовъ, которые тщились обуздать его самолюбіе, никогда успѣху неимѣли, а напротиву того болѣе грубостію можно было снискать его любовь, нежели лестью, никогда въ управленіи непринадлежащаго ему мѣста невходилъ, а естлибы и случилось ему за ково попросить, никогда не сердился, ежели ему въ томъ отказывали, никогда не льстилъ своей Государынѣ, къ которой неложное усердіе имѣлъ и говорилъ ей съ нѣкоторою грубостью всѣ истины, но всегда на милосердіе подвигалъ ея сердце, чему и самъ я многожды самовидцемъ бывалъ; старался и любилъ выиски-

---

[1]) Алексѣй и Ѳедоръ Григорьевичи Орловы славились своей силой Въ Петербургѣ только одинъ человѣкъ, кичился сильнѣе ихъ: это былъ Шванвичь, (отецъ того Шванвича, который присталъ къ Пугачеву и сочинялъ для него нѣмецкіе указы). Онъ могъ сладить съ каждымъ изъ нихъ порознь— но вдвоемъ Орловы брали надъ нимъ верхъ. Разумѣется они часто сталкивались другъ съ другомъ;—когда случалось что Шванвичу попадалъ одинъ изъ Орловыхъ то онъ билъ Орлова, когда попадались оба брати, –то они били Шванвича. Чтобы избѣжать такихъ напрасныхъ дракъ они заключили между собой условіе, по которому одинъ Орловъ долженъ быть уступать Шванвичу и гдѣ бы ни попался ему повиноваться безпрекословно, двоеже Орловыхъ берутъ верхъ надъ Шванвичемъ и онъ долженъ покоряться имъ такъ же безпрекословно. Шванвичъ встрѣтилъ однажды Ѳедора Орлова въ Трактирѣ и въ силу условія овладѣлъ бильярдомъ, виномъ и бывшими съ Орловымъ женщинами. Онъ однакожъ недолго пользовался своей добычей, вскорѣ пришелъ въ трактиръ къ брату Алексѣй Орловъ и Шванвичь долженъ былъ въ свою очередь уступить бильярдъ, вино и женщинъ. Опьянѣлый Шванвичь хотѣлъ было противиться, но Орловы выталкали его изъ трактира. Взбѣшенный этимъ, онъ спрятался за воротами и сталъ ждать своихъ противниковъ. Когда Алексѣй Орловъ вышелъ Шванвичь разрубилъ ему палашемъ щеку и ушелъ. Орловъ упалъ;—ударъ нанесенной нетвердой рукой не былъ смертеленъ,—и Орловъ отдѣлался продолжительною болѣзнью и шрамомъ на щекѣ. Это было незадолго до 1762 г. Орловы возвысились и могли бы погубить Шванвича,—но они не захотѣли мстить ему; онъ былъ назначенъ Кронштадтскимъ комендантомъ и стараніями Орлова смягченъ былъ приговоръ надъ его сыномъ, судившемся за участіе въ Пугачевскимъ бунтѣ.

вать людей достойныхъ, поелику понятіе его могло постигать, но не токмо такихъ, которые по единому ихъ достоинству облагодѣтельствовалъ, но ни же ближнихъ своихъ любимцевъ, не любилъ инако производить какъ по мѣрѣ ихъ заслугъ, и первый знакъ его благоволенія былъ заставлять съ усердіемъ служить отечеству и въ опаснѣйшія мѣста употреблять яко учинилъ съ Всеволодомъ Алексѣевичемъ Всеволожскимъ, котораго въ пущую въ Москвѣ язву съ собою взялъ и тамъ употребилъ его къ дѣлу; хотя съ молоду развратенъ и роскошенъ, былъ, но послѣ никакой роскоши въ домѣ его невидно было; а именно домъ его отличнаго въ убранствѣ ничего не имѣлъ, столъ его не равнялся съ столами, какіе сластолюбы имѣютъ; екипажи его, хотя былъ и охотникъ до лошадей и до бѣгуновъ, ничего чрезвычайнаго не имѣли и наконецъ, какъ сначала такъ и до конца, никогда ни съ золотомъ, ни съ серебромъ платья не нашивалъ, но всѣ его хорошія качества были затмѣны его любострастіемъ; онъ презрѣлъ что должно ему къ своему Государю и къ двору государскому, учинилъ изъ двора государева домъ разпутства; не было почти ни одной фрейлины у двора, которая неподвергнута бы была его исканіямъ и коль много было довольно слабыхъ, чтобы на оныя преклониться, и сіе терпимо было Государыней, и наконецъ 13 лѣтнюю двоюродную сестру свою Катерину Николаевну Зиновьеву изнасильничалъ, и хотя послѣ на ней женился, но не прикрылъ тѣмъ порокъ свой, ибо уже всенародно оказалъ свое дѣяніе и въ самой женитьбѣ нарушилъ всѣ священные и гражданскіе законы.

Однако во время его случая, дѣла довольно порядочно шли, и Государыня, подражая простотѣ своего любимца, снисходила къ своимъ подданнымъ, небыло многихъ раздаяній, но было исполненіе должностей и пріятство Государево вмѣсто награжденій служило.— Люди обходами не были обижаемы и самолюбіе Государево истинами любимца укращаемо часто было.

Однако понеже добродѣтели нетоль есть удобны къ подражанію, сколь пороки, мало послѣдовали достойнымъ похвалы его поступкамъ; но женщины видя его

и братій его любострастіе, гордились и старались ихъ любовницами учиниться, и разрушенную уже приличную стыдливость при Петрѣ Третьемъ, долгою привычкою во время случая Орловыхъ, совсѣмъ ее погасили; тѣмъ наипаче, что сей былъ способъ получить и милость отъ Государыни.

Не паденіе, но отлученіе его отъ мѣста любовника, подало случай другимъ его мѣсто у любострастныя Императрицы занять, и можно сказать, что каждый любовникъ, хотя уже и коротко ихъ время было, какимъ нибудь порокомъ за взятые миліоны одолжилъ Россію (о кромѣ Васильчикова, который ни худа ни добра несдѣлалъ) Зоричь ввелъ въ обычай не помѣрно великую игру; Потемкинъ властолюбіе, пышность, подобострастіе ко всѣмъ своимъ хотѣніямъ, обжорливость и слѣдственно роскошъ въ столѣ, лесть, сребролюбіе, захватчивость и можно сказать всѣ другіе, знаемые въ свѣтѣ пороки, которыми или самъ преисполненъ или преисполняетъ окружающихъ, и тако далѣ въ Имперіи. Заводовскій ввелъ въ чины подлыхъ малороссіянъ; Корсаковъ преумножилъ безстыдство любострастія въ женахъ; Ланской жестокосердіе поставилъ быть въ чести; Ермоловъ неуспѣлъ сдѣлать ничего, а Мамоновъ вводитъ деспотичество въ раздаяніе чиновъ и пристрастіе къ своимъ родственникамъ.

Сама Императрица, яко самолюбивая женщина, нетолько примѣрами своими, но и самымъ ободреніемъ пороковъ является—желаетъ ихъ силу умножить; она славолюбива и пышна, то любитъ лесть и подобострастіе; изъ окружающихъ ее Бецкой, человѣкъ малаго разума, но довольно пронырливъ, чтобъ ее обмануть; зная ея склонность къ славолюбію, многія учрежденія сдѣлалъ, яко сиропитательные домы, дѣвичій монастырь, на новомъ основаніи Кадетской Сухопутный Корпусъ и Академію Художествъ, Ссудную и сиротскую казну, поступая въ томъ яко александрійскій архитекторъ, построющій Фару, на коемъ зданіи на алебастрѣ имя Птоломея царя изобразилъ, давшаго деньги на строеніе, а подъ алебастромъ на мраморѣ свое изваялъ, дабы, когда отъ долготы временъ алебастеръ отпадетъ, единое его имя видно было. Такъ

и Бецкой, хотя показывалъ видъ, что все для славы Императрициной дѣлаетъ, но нетокмо во всѣхъ проэктахъ, на разныхъ языкахъ напечатанныхъ, имя его яко перваго основателя является, но ниже оставилъ Монархинѣ и той власти, чтобъ избрать правителей сихъ мѣстъ, а самъ повсюду начальникомъ и деспотомъ былъ до паденія его кредиту. Дабы закрыть сіе всѣ способы были имъ употреблены: ей льстить, повсюду похвалы гремѣли ей, въ рѣчахъ, въ сочиненіяхъ и даже въ представляемыхъ балетахъ на театрѣ, такъ что я самъ единожды слышалъ при представленіи въ Кадетскомъ корпусѣ балета Чесменскаго боя, что она сказала мнѣ: Il me loue tant, qu'enfin il me gâtera. Щастлива бы была естлибы движенія душевныя послѣдовали симъ рѣчамъ но нѣсть!

Когда сіе изрѣкла душа ея пышностью и лестью упивалась. Неменьше Иванъ Перфильевичъ Елагинъ употреблялъ стараній приватно и всенародно ей льстить. Бывъ директоръ Театру, разныя сочиненія въ честь ея слагаемы были, балеты танцами возвышали ея дѣла, иногда слова возвѣщали пришествіе Россійскаго флота въ Морею, иногда бой Чесменскій былъ похваляемъ, иногда войска съ Россіею плясали.

Также Кн. А. А. Вяземскій Генер. Прокуроръ, человѣкъ неблистательнаго ума, но глубокаго разсужденія, имѣвшій въ рукахъ своихъ доходы государственные, искуснѣйшій способъ для лщенія употребилъ. Притворился быть глупымъ, представлялъ совершенное благоустройство Государства подъ властію ея, и говоря, что онъ, бывъ глупъ, все едиными ея наставленіями и бывъ побуждаемъ духомъ ея дѣлаетъ, и иногда премудрость ея нетокмо ровнялъ, но и превышалъ надъ Божіей, а симъ самымъ учинился властитель надъ нею. Безбородко ея секретарь, нынѣ уже Графъ, членъ иностранной Коллегіи, Гофмейстеръ, Генералъ Почтъ Директоръ и все въ разсужденіи правительства, за правило имѣетъ никогда противу ея неговорить, но похваляя исполнять всѣ ея велѣнія и за сіе непомѣрныя награжденія получилъ.

Дошедшая до такой степени лесть при дворѣ, и отъ людей въ дѣла употребленныхъ, начали другими образа-

ми льстить. Построитъ-ли кто домъ, на данныя отъ нея отчасти деньги или на наворованныя, зоветъ ее на новоселье гдѣ на люминаціи пишетъ: Твоя отъ твоихъ тебѣ приносимая; или подписываетъ на домѣ: щедротами Великія Екатерины, забывая приполнить, но разореніемъ Россіи; или давая праздники ей, дѣлаютъ сады, нечаянныя представленія, декораціи, вездѣ лесть и подобострастіе изъявляющія.

Къ коликому разврату нравовъ женскихъ и всей стыдливости—примѣръ ея множества имѣнія любовниковъ, единъ другому часто наслѣдующихъ, а равно почетныхъ и корыстями снабженныхъ, обнародывая черезъ сіе причину ихъ щастія, подалъ другимъ женщинамъ. Видя храмъ сему пороку сооруженный въ сердцѣ Императрицы, едвали за порокъ себѣ щитаютъ ей подражать; но паче мною почитаетъ каждая себѣ въ добродѣтель, что еще столько любовниковъ неперемѣнила.

Хотя при поздыхъ лѣтахъ ея возрасту, хотя сѣдины покрываютъ уже ея голову и время нерушимыми чертами означило старость на челѣ ея, но еще не уменьшается въ ней любострастіе. Уже чувствуетъ она, что тѣхъ пріятностей, каковыя младость имѣетъ, любовники въ ней находить не могутъ, и что ни награжденія, ни сила, ни корысть, не можетъ замѣнить въ нихъ того дѣйствія, которое младость можетъ надъ любовникомъ произвести.

Стараясь закрывать ущербъ, лѣтами приключенный, отъ простоты своего одѣянія отстала и хотя въ молодости и не любила златотканныхъ одѣяній, хотя осуждала Императрицу Елисавету Петровну, что довольно великій оставила гардеробъ, чтобъ цѣлое воинство одѣть, сама стала ко изобрѣтенію приличныхъ платьевъ и богатому ихъ украшенію, страсть свою оказывать; а симъ не токмо женамъ но и мущинамъ подала случай къ таковому же роскошу. Я помню, что, вошедъ ко двору въ 1768 году, одинъ былъ у всего двора шитой золотомъ красной суконной кафтанъ, у Василья Ильича Бибикова; въ 1769 году въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ Императрица разгнѣвалась на Графа Ивана Григорьевича Чернышева, что онъ въ день рожденія ея въ шитомъ кавтанѣ въ Царское село прі-

ѣхалъ, а въ 1777 году, когда я отсталъ отъ двора, то уже всѣ и въ простые дни златотканныя съ шитьемъ одѣянія носили и почти уже стыдились по одному борту имѣть шитье.

Не можно сказать, чтобы Императрица была прихотлива въ кушаньѣ, но можно сказать, что еще слишкомъ умѣренна; но бывшій ея любовникъ, а оставшись всемогущимъ ея другомъ Кн. Гр. Алек. Потемкинъ, не токмо прихотливъ въ ѣдѣ, но даже и обжорливъ; неосторожность Оберъ-Гофъ Маршала Кн. Ник. Мих. Голицына приготовить ему какого-то любимаго блюда—повергла его подлому ругательству отъ Потемкина и принудила идти въ отставку, то послѣ сего каждый разсудитъ; наслѣдники Кн. Голицына Григорій Никитичъ Орловъ и Кн. Ѳед. Серг. Борятинской неупотребляютъ-ли теперь все свое тщаніе дабы удовольствовать сего всемогущаго въ Государствѣ обжору и подлинно столъ Государевъ гораздо великолѣпнѣе и лучше нынѣ сталъ; а также дабы угодить сему другу монаршу повсюду стали стараться умножать великолѣпіе въ столахъ, (хотя долею оно довольно было), и отъ вышнихъ до нижнихъ болѣзнь сія роскоши и желаніе лучшими вещами насытиться распространилась.

Общимъ образомъ сказать, что жены болѣе имѣютъ склонности къ самовластію, нежели мужчины; о сей же съ справедливостью можно увѣрить, что она наипаче въ семъ случаѣ есть изъ женъ жена. Ничто ей не можетъ быть досаднѣе, какъ то, когда докладывая ей по какимъ дѣламъ, въ сопротивленіе воли ея, законы поставляютъ, и тотчасъ отвѣтъ отъ нее вылѣтаетъ; къ развѣ я немогу, невзирая на законы сего учинить. Но ненашли никаго, ктобы осмѣлился отвѣтствовать ей, что можетъ яко деспотъ, но съ поврежденіемъ своей славы и повѣренности народной. Дѣла многія свидѣтельствуютъ ея самовластіе: 1. Возвращеніе Марьи Павловнѣ Нарышкиной отъ Талызина деревень, утвержденныхъ купчими и самымъ владѣніемъ. 2. Дѣло дѣтей Кн. Бориса Вас. Голицына о прадѣда ихъ Стрешневскихъ деревняхъ, беззаконно описанныхъ; Сенатомъ-же сіе беззаконіе признано и докладомъ испрашивано было позво-

леніе ихъ законнымъ наслѣдникамъ возвратить и подпись на докладѣ: быть по сему являлся сдѣлать справедливое удовлетвореніе онымъ, но послѣ изъ комнаты было истолковано, что быть по сему знаменовало: быть въ описи. Акимъ Ив. Апухтинъ докладывалъ ей по Военной Коллегіи объ отставкѣ одного Генералъ-Маіора, получилъ повелѣніе отставить безъ чина; но какъ онъ зачалъ представлять, что законы точно повелѣваютъ Генералъ-Маіорамъ давать чины при отставкѣ; получилъ въ отвѣтъ, что она превыше законовъ и дать ему не хочетъ сего награжденія. Таковые примѣры видимые въ самомъ Государѣ непобуждаютъ-ли и вельможъ къ подобному же самовластію и къ несправедливостямъ, и стенящая отъ таковыхъ наглостей Россія ежедневные знаки представляетъ, коль есть заразителенъ примѣръ Государской.—

Такое расположеніе мыслей и паче въ особѣ преданной своимъ любимцамъ, естественно влечетъ за собой пристрастіе и неправосудіе; многіе могъ бы я примѣры представить одному и другому; но довольно ежели я скажу, что не любя Сахарова, яко человѣка дурныхъ нравовъ (который однако, долгое время бывъ камердинеромъ ея, пользовался ея довѣренностью, хотя не лучше былъ), дѣло его безъ разсмотрѣнія было отдано въ архивъ, якобы дурные нравы должно было дѣломъ по деревнямъ наказать, въ каковомъ случаѣ и развратный человѣкъ можетъ имѣть справедливость, и тутъ не нравы и расположеніе судятся, но что кому принадлежитъ исключительно до всего другаго. И дѣло Вахмейстера о беззаконно описанныхъ у дѣда его Лифляндскихъ имѣніяхъ, признанное справедливымъ всѣми департаментами сената, рѣшеніе получило, что оныя таки отданы Генералу Брауну, за которыхъ и остаться. Графъ Романъ Ларіоновичь Воронцовъ, во все время своей жизни признанный мздоимцемъ, былъ опредѣленъ въ намѣстники въ Владиміръ и не преставалъ обыкновенныя свои мздоимства производить; несокрыты оныя были отъ Государя, который токмо двоезнаменующимъ знакомъ, присылкою большаго кошелька его укорилъ. Но какъ онъ

уже умеръ и раззореніе народа дошло до крайности, тогда повелѣно слѣдовать его и губернаторской поступокъ; хотя и 7 лѣтъ раззоренье народное продолжалось, а слѣдствіе повелѣно учинить токмо за два года. Таковые примѣры, часто случающіеся, не подаютъ-ли подданнымъ побужденія подобнымъ поступкамъ для пользъ своихъ подражать? Случилось мнѣ читать въ одной книгѣ ясный примѣръ, что тщетно будетъ стараться начертить вѣрный кругъ, когда центръ невѣренъ и колеблющъ, никогда черта круга вѣрно несойдется; и слова Св. Писанія ясно же означающія должность носильниковъ: учителю, исправься самъ.

Можно-ли подумать, чтобы Государь, чинящій великія раздаянія, Государь, къ коему стекаются большей частью, сокровища всего государства, могъ быть корыстолюбивъ? Однако сіе есть; ибо инако я немогу назвать введеніе толь всѣми политическими писателями охуляемаго обычая чины за деньги продавать; а сему есть множество примѣровъ: развратный нравами и корыстолюбивый откупщикъ Лукинъ, давъ 8 тысячь двору, изъ наворованыхъ денегъ и подаря его въ народное училище, чинъ капитанскій получилъ; и Прокофій Демидовъ, привоженный подъ висилицу за пашквили, бывшій подъ слѣдствіемъ за битье въ домѣ своемъ секретаря Юстицъ-Коллегіи, дѣлавшій безпрестанно наглости и проказы, противныя всякому благоучрежденнему правленію, за то, что съ обидою дѣтей своихъ давалъ деньги въ сиропитательный домъ, чинъ генералъ-маіорскій получилъ, а за даніе 5 тысясь въ пользу народныхъ школъ, учинено ему всенародно объявленное черезъ газеты благодареніе, якобы Государь не могъ полезныхъ учрежденій завести безъ приниманія денегъ отъ развратныхъ людей, и якобы деньгами могли ему искупиться развратные нравы. Примѣръ сей еще другихъ заразительнѣе учинился. Чины стали всѣ продажны, должности недостойнѣйшимъ стали даваться и кто болѣе за нихъ заплатитъ, а и тѣ, платя, на народѣ взятками стали сіе восмѣщать.

Купцы, воровствомъ короны обогатившіеся, большіе

чины получали, яко Логиновъ, бывшій откупщикъ, не токмо воръ по откупамъ, но и приличившійся въ воровствѣ комиссаріатской суммы, чины штатскіе получилъ; Ѳалѣевъ, въ подрядахъ съ Государемъ взимая вездѣ тройную цѣну не токмо самъ штатскіе чины и дворянство получилъ, но и всѣхъ своихъ прислужниковъ въ штабъ-офицеры и въ офицеры произвелъ.

Торговля впала въ презрѣніе, недостойные вошли во дворяне, воры и злонравные награждены, развратность ободрена, и все подъ очами и знаніемъ Государя; то можно-ли послѣ сего правосудія и безкорыстности отъ нижнихъ судей требовать?

Все царствованіе Самодержицы означено дѣяніями, относящимися къ ея славолюбію. Множество учиненныхъ его заведеній, являющихся для пользы народной заведенныхъ, въ самомъ дѣлѣ несуть, какъ токмо знаки ея славолюбія, ибо естлибы дѣйствительно имѣли пользу государственную въ виду, то учиня заведенія, прилагали бы старанія и о успѣхѣ ихъ, недовольствуясь заведеніемъ и увѣреніемъ, что въ потомствѣ она яко основательница оныхъ, вѣчно будетъ почитаться, о успѣхѣ не радили, и видя злоупотребленія ихъ не пресѣкали.

Свидѣтельствуетъ сіе заведеніе сиропитательнаго дому; дѣвичьяго монастыря для воспитанія благородныхъ дѣвицъ, переправленіе кадетскаго корпуса и пр., изъ которыхъ въ первомъ множество малолѣтнихъ померло, а и по нынѣ черезъ 20 слишкомъ лѣтъ, мало или почти никого ремесленниковъ не вышло; во второмъ ни ученыхъ ни благонравныхъ дѣвицъ не вышло, какъ толико, поелику природа ихъ симъ снабдила; и воспитаніе болѣе состояло играть комедіи, нежели сердце, нравы и разумъ исправлять; изъ третьяго вышли съ малымъ знаніемъ и съ совершеннымъ отвращеніемъ всякаго повиновенія. Зачатыя войны еще сіе свидѣтельствуютъ; по пристрастію возвели на Польскій престолъ Понятовскаго, хотѣли ему противъ вольностей Польскихъ прибавить самовластія; взяли въ защищеніе десидентовъ, и вмѣсто, чтобы стараться сихъ, утѣснен-

ныхъ за законъ, въ Россію къ единовременнымъ своимъ призывать, ослабить тѣмъ Польшу и усилить Россію,—чрезъ сіе подали причину къ Турецкой войнѣ, счастливой въ дѣйствіяхъ, но болѣе Россіи стоющей, нежели какая прежде бывшая война, послали флотъ въ Грецію, который божескимъ защищеніемъ побѣду одержалъ; но мысль въ сей посылкѣ была единое славолюбіе. Раздѣлили Польшу а тѣмъ усилили Австрійскій и Брандербурской домы и потеряли у Россіи сильное дѣйствіе ея надъ Польшею, пріобрѣли или лучше сказать похитили Крымъ, страну по разности своего климата служащую границею Россіанамъ. Составили учрежденія, которыя нестыдятся законами называть, и содѣланныя намѣстничества наполня безъ разбору людьми, съ разрушеніемъ всего перваго, ко вреду общества, къ умноженію ябедъ и раззоренья народнаго, да и за тѣми надзиранія неимѣютъ, исправляютъ-ли точно, по даннымъ наставленіямъ. Испекли законы, правами дворянскими и городовыми названные, которые болѣе лишеніе нежели даніе правъ въ себѣ вмѣщаютъ и всеобщее дѣлаютъ отягощеніе народу. Таковое необузданное славолюбіе такъ же побуждаетъ стремиться къ созиданію неисчетнаго числа и повсюду великихъ зданій, земледѣльцы многою работаю стали отъ ихъ земли корыстію отвлекаемы, доходы государственные едва ли достаютъ на такія строенія, которыя и построившись въ тягость онымъ своимъ содержаніемъ будутъ; и приватные подражая сей охотѣ, основанной на славолюбіи, чтобъ, чрезъ многія вѣка пребывающія зданія, имя свое сохранить, безумно кинулись въ такія строенія и украшенія ихъ.

Единые отъ избытка, для спокойствія и удовольствія своего въ созиданіи домовъ, огородовыхъ бесѣдахъ многія тысячи полагаютъ; другой изъ пышности, а третій наконецъ, послѣдуя вредному примѣру, тоже сверхъ достатку своего дѣлаетъ и чтобы неотстать отъ другихъ, а всѣ обще находя себѣ спокойствіе и удовольствіе мало по малу, въ раззоренье сей роскошью приходятъ, тяготятъ себя и государство и часто недостатокъ сво-

ихъ доходовъ лихоимствомъ и другими охулительными способами наполняютъ.

Совѣсть моя свидѣтельствуетъ мнѣ, что всѣ коль ни есть черны мои повѣствіи; но они суть непристрастны и единая истина и развратъ, въ который впали всѣ отечества моего подданные, отъ коего оно стонетъ, принудило меня оныя на бумагу преложить; и тако подовольному описанію нравовъ сея Императрицы, довольно можно расположеніе души и сердца ея видѣть. Дружба чистая никогда невселялась въ сердцѣ ея и она готова лучшаго своего друга и слугу предать въ угодность любовника своего. Не имѣетъ она материнскихъ чувствъ къ сыну своему, и объ всѣхъ за правило себѣ имѣетъ ласкать безмѣрно и уважать человѣка, пока въ немъ нужда состоитъ, а потомъ по пословицѣ своей, выжатой лимонъ кидать. Примѣру сему суть: Анна Алексѣевна Матюшкина, всегда и во время гоненія ея бывшая къ ней привязана, наконецъ отброшена стала; Графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ, спомоществующій ей, когда она была Великою Княгинею, во всѣхъ ея намѣреніяхъ и претерпѣвшій за нее несчастіе, при концѣ жизни своей, всей ея повѣренности лишился и послѣ смерти его она его бранила; Графъ Никита Ивановичь Панинъ, спомоществующій взойти ей на престолъ, при старости отнятія всѣхъ должностей своихъ видѣлъ и, можетъ быть, сіе кончину его приключило; Николай Ивановичь Чечеринъ, служившій ей совсѣмъ возможнымъ усердіемъ и носившій ея милость, толико наконецъ отъ нее гнанъ былъ, что безвременно животъ свой окончилъ; Князь Александръ Михайловичь Голицынъ, Фельдмаршалъ, безмолвный исполнитель всѣхъ ея велѣній, безъ сожалѣнія отъ нея умеръ, ибо хотя и извѣстна была еще по утру о его смерти, но тотъ день весела на концертъ вышла и давъ время своему веселію, отходя спросила любовника своего Ланскаго, каковъ Кн. Александръ Михайловичь, и получа извѣстіе о смерти его, сдѣлала видъ тогда заплакать, а сіе и показуетъ колико фальшивое имѣетъ сердце. Графиня Прасковья Александровна, долгое время ея лю-

бимица и другъ, наконецъ была отъ двора отогната и съ печали умерла. По сему да судитъ каждый, могутъ-ли частныя чувствованія дружбы возгнѣздиться по такимъ примѣрамъ въ подданныхъ.

Представивъ сію печальную картину, кажется что уже не настоитъ нужды сказывать: имѣетъ-ли она вѣру къ закону Божію; ибо еслибъ сіе имѣла, то-бы самый законъ Божій могъ исправить ея сердцѣ и направить стопы ея на путь истины. Но несть, упоенна безразсмысленнымъ чтеніемъ новыхъ писателей, законъ христіанскій хотя довольно набожной быть притворяется ни за что почитаетъ. Коль ни скрываетъ своихъ мыслей, но оное многажды въ бесѣдахъ ея открываются; а дѣянія иначе доказуютъ, многія книги Вольтеровы, разрушающія законъ, по ея велѣнію были переведены, яко: Кандидъ, Принцесса вавилонская и прочія, и Белизеръ Мармонтелевъ, неполагающій никакой разности между добродѣтели язычниковъ и добродѣтели христіанской, не токмо обществомъ, по ея велѣніямъ былъ переведенъ, но и сама участницею перевода онаго была; и терпѣніе, или лучше сказать, позволеніе противныхъ закону браковъ, яко Князей Орлова и Голицына на двоюродныхъ ихъ сестрахъ, и Генерала Баура на его падчерицѣ, наиболѣе сіе доказуютъ. И тако можно сказать, что въ царствованіе ея, и сія нерушимая подпора совѣсти и добродѣтели разрушена стала.—

Таковыми степенями достигла Россія до разрушенія всѣхъ добрыхъ нравовъ, о каковомъ при самомъ началѣ я помянулъ. Плачевное состояніе, о коемъ токмо должно просить Бога, чтобъ лучшимъ царствованіемъ сіе зло истреблено было. А до сего дойдтить инако не можетъ, какъ тогда, когда мы будемъ имѣть Государя искренно привязаннаго къ закону Божію, строгаго наблюдателя правосудія, начавши съ себя умѣреннаго въ пышности царскаго престола, награждающаго добродѣтель и ненавидящаго пороки, показующаго примѣръ трудолюбія и снисхожденія на совѣты умныхъ людей, тверда въ предпріятіяхъ, но безъ упрямства, мягкосерда

и постоянно въ дружбѣ, показующаго собой примѣръ своимъ домашнимъ согласіемъ съ своею супругою, и гонящаго любострастіе, щедра безъ расточительности для своихъ подданныхъ и искавшаго награждать добродѣтели, качества и заслуги безъ взякаго пристрастія, умѣющаго раздѣлить труды; что принадлежитъ какимъ учрежденнымъ правительствамъ и что Государю на себя взять, и наконецъ могущаго имѣть довольно великодушія и любви къ отечеству, чтобы составить и предать основательныя права Государству, и довольно тверда, чтобы ихъ исполнить.—

Тогда изгнанная добродѣтель, оставя пустыни, утвердитъ средь градовъ и при самомъ дворѣ престолъ свой, правосудіе не покривитъ свои вѣски ни для мзды ни для сильнаго, мздоимство и робость отъ вельможъ изгонятся, любовь отечества возгнѣздится въ сердца гражданскія, и будутъ не пышностью житья и не богатствомъ хвалиться, но безпристрастіемъ, заслугами и безкорыстностью. Не будутъ помышлять, кто при дворѣ великъ и кто упадаетъ, но имѣя въ предметѣ законы и добродѣтель будутъ почитать ихъ, яко компасомъ, могущимъ довести ихъ и до чиновъ и до достатка.

Дворяне будутъ въ разныхъ должностяхъ съ приличною ревностью званію ихъ; купцы перестанутъ стараться быть офицерами и дворянами, каждый сократится въ свое состояніе, и торговля, уменьшеніемъ ввоза сластолюбіе побуждающихъ чужеземныхъ товаровъ, а отвозомъ россійскихъ произведеній, процвѣтетъ; искуствы и ремеслы умножатся, дабы внутри Россіи содѣлать нужное къ пышности и великолѣпію нѣкоего числа людей.

I D 13-a

ГЕРМАНІЯ

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Г. ГЕЙНЕ

(НАПИСАНА ВЪ 1844 Г.)

ПЕРЕВОДЪ ЗАѢЗЖАГО

ПРОСМОТРѢННЫЙ И. С. ТУРГЕНЕВЫМЪ

И ИСПРАВЛЕННЫЙ ПО ЕГО ЗАМѢЧАНІЯМЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.

1906

Позволяемъ себѣ рекомендовать русскимъ читателямъ предлежащій переводъ „Путешествія въ Германію“, одного изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній геніальнаго Гейнриха Гейне.

Распространяться о достоинствахъ этой поэмы—нечего: кому же она неизвѣстна и кто не знаетъ, что именно теперь Гейне едва ли не самый популярный чужеземный поэтъ у насъ въ Россіи?—Пересадить этотъ яркій, душистый,—иногда слишкомъ душистый цвѣтокъ на родимую почву—было задачей не легкой; но, на сколько мы можемъ судить, переводчикъ исполнилъ ее и добросовѣстно и счастливо, что не всегда совпадаетъ, замѣтимъ кстати.

Мы не сомнѣваемся, что трудъ нашего соотечественника будетъ встрѣченъ единодушнымъ одобреніемъ всѣхъ любителей истинной поэзіи, юмора и ума.

Иванъ Тургеневъ

Парижъ.
Декабрь 1874.

Предисловіе автора *).

Поэма „Германія“ написана въ январѣ 1844 г., въ Парижѣ, и подъ вліяніемъ тамошняго свободнаго воздуха нѣкоторыя строфы вышли слишкомъ рѣзки и оскорбятъ, можетъ быть, не одно щекотливое ухо... Утѣшаюсь мыслію, что и болѣе великіе авторы повинны такимъ же грѣхамъ. Не говорю объ Аристофанѣ,—тотъ былъ вѣдь завзятый язычникъ, да и аѳинская публика, хоть и классически образованная,—не отличалась примѣрною нравственностью. Скорѣе могу сослаться на Сервантеса и Мольера, такъ какъ первый писалъ для благороднаго дворянства обѣихъ Кастилій, а другой для великаго короля и его версальскаго двора. Но мы живемъ въ крайне мѣщанскій вѣкъ и я предвижу съ сожалѣніемъ, что красавицы береговъ Шпрее и даже Альстера будутъ морщиться, читая мою поэму. Еще съ большимъ прискорбіемъ слышу уже крики патріотическихъ фарисеевъ, идущихъ теперь рука объ руку съ цензурою.... „Какъ“, вопятъ они, „ты оскорбляешь даже наши національные цвѣта, измѣнникъ отечества, другъ французовъ, которымъ ты готовъ отдать нашъ вольный Рейнъ!“ Успокой-

*) Съ нѣкоторыми сокращеніями противъ подлинника.

тесь, я готовъ чтить и уважать ваше знамя, если оно будетъ того достойно, переставъ быть пустой или рабской игрушкой. Водрузите его на вершинѣ германской мысли, сдѣлайте его хоругвію всего свободнаго человѣчества, и я охотно отдамъ за него лучшую кровь моего сердца. Мое отечество люблю я такъ же горячо, какъ и вы. Ради этой-то любви выжилъ я тринадцать долгихъ годовъ въ изгнаніи; ради нея-то возвращаюсь туда снова и—можетъ быть навсегда,—безъ хныканья однако и жалкихъ гримасъ *). Я другъ французамъ столько же, какъ и другъ всѣмъ людямъ, когда они разумны и добры; потому что я не такъ золъ и глупъ самъ, чтобы желать, чтобъ германцы и французы рѣзались между собою для выгоды кого бы то ни было и на радость юнкеровъ и поповъ всего міра Успокойтесь! Я не отдамъ Рейны французамъ уже по той простой причинѣ, что Рейнъ принадлежитъ мнѣ по неотъемлемому праву рожденія; я свободнаго Рейна еще болѣе свободный сынъ; на его берегахъ стояла моя колыбель, и я не вижу, почему Рейнъ долженъ бы принадлежать кому-нибудь иному, какъ не роднымъ своимъ дѣтямъ. Эльзасъ и Лотарингію, конечно, не могу я закрѣпостить за Германіей такъ легко, какъ вы это дѣлаете, потому что жители этихъ областей душой привязаны къ Франціи ради правъ пріобрѣтенныхъ ими благодаря французской революціи, ради равноправности и свободныхъ

*) Гейне, какъ извѣстно, прожилъ съ 1830 г. до самой своей смерти почти безвыѣздно въ Парижѣ, будучи принужденъ оставить свое отечество, благодаря преслѣдованіямъ правительства.

учрежденій, столь любезныхъ гражданамъ, но помимо которыхъ желудки все-таки требуютъ коечего и иного. Поэтому эльзасцы и лотарингцы снова примкнутъ къ Германіи, какъ скоро вы довершите то, что начато французами; если мы станемъ выше ихъ на *дѣлѣ*, какъ стоимъ выше въ области *мысли*; если, дойдя до крайнихъ выводовъ, разрушимъ крѣпостничество въ послѣднемъ его убѣжищѣ въ небѣ; если живущаго на землѣ, въ человѣчествѣ Бога изведемъ изъ его униженія, если мы, бѣдный, лишенный доли счастья народъ, осмѣянный геній и опозоренную красоту возстановимъ въ подобающемъ имъ величіи, какъ тому учили, какъ о томъ воспѣвали всѣ наши великіе учителя и поэты, и какъ того хотимъ мы, вѣрные ихъ ученики,—тогда не только Эльзасъ и Лотарингія, но вся Франція будетъ наша; да, вся Европа, весь міръ—сдѣлаются германскими! Объ этомъ призваніи, объ этомъ всемірномъ владычествѣ Германіи я нерѣдко мечтаю, бродя подъ сѣнью родныхъ дубовъ. Это мой патріотизмъ!...

Гейнрихъ Гейне.

Гамбургъ.
17 сентября 1844 г.

Глава I.

Печальной ноябрьской порою, когда
День кратче, мрачнѣй становился
И вѣтеръ рвалъ листья послѣдніе, – я
Къ предѣламъ роднымъ возвратился.

И только на землю отчизны ступилъ,
Какъ сердце сильнѣе забилось,
И помнится даже невольной слезой
Нежданно лицо оросилось.

Когда же коснулся ушей моихъ звукъ
Вновь рѣчи германской, родимой,
Растаяло сердце въ груди моей вдругъ
Отъ сладости неизъяснимой.

То дѣвочка съ арфою пѣла, хотя
Фальшиво и слишкомъ высоко,
Но съ истиннымъ чувствомъ,—зато и былъ я
Игрой ея тронутъ глубоко.

Про счастіе пѣла любви, про тоску
Разлуки и радость свиданья
Тамъ, въ лучшей, иной сторонѣ,—на верху,
Гдѣ нѣтъ ни разлукъ, ни страданья.

Ту старую пѣсню о сладости жертвъ,
Небесную *эйяпопею* *),
Которой морочатъ ребенка-народъ,
Чтобъ гнулъ онъ покорнѣе шею.

Я знаю ту пѣсню, я знаю и кто
Ея сочинители были,—
Тянули тайкомъ они сами вино,
А паству водою поили.

Нѣтъ, пѣсню другую, получше, новѣй
Спѣть, други, хочу вамъ теперь я;
Мы будемъ счастливѣй, мы будемъ умнѣй,
Отбросивъ гнилыя повѣрья.

Лѣнивому брюху мы ѣсть не дадимъ,
Что добыли дѣльныя руки,
И царство небесное здѣсь создадимъ
Себѣ мы безъ слезъ и безъ муки.

У щедрой кормилицы нашей—земли
Для всѣхъ насъ довольно и хлѣба,
И миртовъ зеленыхъ, и розъ, и любви,
Къ чему торопиться на небо?

А впрочемъ, готовъ я туда полетѣть,
Лишь только бы крыльевъ дождаться;
И будемъ мы тамъ аллилуія пѣть
И въ райскихъ сластяхъ прохлаждаться.

Другую и лучшую пѣсню теперь
Споемте мы весело, дружно,

---

*) „Баюшки-баю“, по-гречески.

Псалмовъ покаяннныхъ не надобно намъ,
Отходнаго звона не нужно.

Въ объятія дѣву Европу пріялъ
Свободы божественной Геній,
Уста ихъ слилися, и млѣютъ они
Въ восторгѣ желанныхъ мгновеній.

Законенъ союзъ ихъ, хотя не пришлось
Имъ звать ни попа, ни причета;
Да здравствуютъ вѣчно невѣста, женихъ
И все ихъ потомство безъ счета!

Такъ грянемъ веселую пѣсню, друзья,
Достойную брачнаго пира.
Въ груди моей свѣтлая всходитъ звѣзда,
Предвѣстница счастья и мира.

Свѣтила надежды живительный лучъ
Огнемъ разливается въ жилахъ,
Я вдругъ богатырски сталъ свѣжъ и могучъ,
Я дубы ломать былъ бы въ силахъ!

Едва я на землю отчизны ступилъ,
Лишь обнялъ я матерь родную,
Какъ древній Антей, я въ себѣ ощутилъ
И мощь, и отвагу былую.

Глава II.

Пока выводила чувствительно такъ
Арфистка рулады и трели,
Досмотрщики прусскіе мой чемоданъ
До ниточки весь осмотрѣли.

Всѣ вещи и платье мое, и бѣлье
Безбожно изрыли и смяли,
Вещей драгоцѣнныхъ и кружевъ они,
Да книгъ запрещенныхъ искали.

Глупцы! Не найдете вы тамъ ничего,
Отъ васъ что хочу я, то скрою;
Моя контрабанда — въ моей головѣ,
Вожу ее всюду съ собою.

Мои кружева, хоть и тоньше они
Всѣхъ кружевъ на свѣтѣ не рвутся,
И если случится мнѣ ихъ развернуть,
Повѣрьте,—вамъ колки придутся *).

Ношу въ головѣ самоцвѣтныхъ камней
И рѣдкихъ алмазовъ я много;
Убранства, сокровища храма они
Великаго, новаго бога.

---

*) Въ подлинникѣ тутъ игра словъ, такъ какъ „Spitzen“ — означаетъ кружева и колючки.

И цѣлыя кипы есть книгъ у меня,
Таможни глазамъ незамѣтныхъ.
Полна, признаюсь вамъ, моя голова
Вся книгъ нецензурныхъ, запретныхъ

Повѣрьте, что въ адской читальнѣ чертей
Опаснѣе книгъ не бывало,
Что бойкое Гофмана *) даже перо
Подобныхъ вещей не писало.

Тутъ рядомъ стоявшій со мной пассажиръ
Замѣтилъ насчетъ цольферейна,
Полезна какъ эта великая цѣпь
Для странъ всѣхъ и Эльбы и Рейна.

„Да-съ, молвилъ, тѣмъ важенъ таможный союзъ,
Что онъ воедино связуетъ
Разбитую родину; онъ лишь одинъ
Германіи цѣлость даруетъ.

„Единство придастъ ей, хотя такъ сказать
Въ значеньи одномъ матерьяльномъ.
Цензура, напротивъ, та можетъ намъ дать
Единство въ значеньи моральномъ.

„Ахъ, сударь! раздробность великое зло,
Что можеть быть этого хуже!
Германіи нашей—спасенье одно:
Единство снутри и снаружи“.

---

*) Гофманъ фонъ-Фаллерслебенъ, стихотворецъ далеко не изъ опасныхъ.

Глава III.

Въ соборѣ старинномъ средь Ахена Карлъ
Великій въ гробу почиваетъ, —
Не Карлъ это Мейеръ; нѣтъ, въ Штутгартѣ тотъ
Здорово себѣ поживаетъ.

Въ могилѣ и съ Карломъ Великимъ лежать
Не сладко; на свѣтѣ бы этомъ
Хотѣлось мнѣ лучше хоть въ Штутгартѣ жить,
Хотя бы малѣйшимъ поэтомъ.

Здѣсь въ Ахенѣ скука такая, что васъ
Собаки всѣ просятъ: хоть ножкой
Пырните насъ, баринъ хорошій, авось
Насъ это разсѣетъ немножко.

Въ проклятомъ гнѣздѣ этомъ праздно бродя,
Въ тоскѣ я часъ цѣлый шатался.
Тамъ прусскихъ опять я увидѣлъ солдатъ,
Почти прежній видъ въ нихъ остался.

Какъ прежде все сѣрую носятъ шинель
И къ ней воротникъ тотъ же красный:
Французская кровь это,—Кернеръ пѣвалъ,
Бывало, боецъ этотъ страстный.

Педантскіе тѣ же пріемы и видъ,
И всѣ угловаты движенья;
На лицахъ отсутствіе мысли,—во всемъ
Надутое лишь самомнѣнье.

Шагаютъ такъ прямо, не гнутся ни чуть,
Какъ будто въ себя проглотили
Ту палку, тотъ фухтель сержантскій они,
Которымъ ихъ встарь колотили.

Да, собственно фухтель еще не исчезъ,
Онъ спрятанъ внутри у солдата,
Хоть ласково „братцомъ“ зовется теперь,
Кто звался „скотиной“ когда-то.

А нынѣшній усъ? Да вѣдь это все тожъ,
Что прежде косой называлось:
Усъ подъ носомъ нынче—все та же коса,
Что встарь за спиною болталась!

Мнѣ также понравился очень нарядъ
У конныхъ; шишакъ ихъ блестящій
И острый стальной наконечникъ на немъ,
Воинственно кверху торчащій.

Все это уноситъ васъ въ рыцарскій вѣкъ,
Романтики въ вѣкъ поэтичный,
Что намъ воскрешала „Мадамъ Монфоконъ“ *),
Тикъ, Уландъ, Фуке такъ отлично.

Сближаетъ и съ нравами среднихъ вѣковъ,
Когда такъ въ сердцахъ обожали

---

*) „Іоанна фонъ-Монфоконъ“—драма, восхищавшая нѣкогда приверженцевъ романтизма.

Пажи своихъ дамъ, и цвѣтными себѣ
Гербами зады украшали.

Съ эпохой походовъ крестовыхъ, рѣзней
Безъ счета владыкъ и вассаловъ,
Когда еще вѣра такъ пышно цвѣла
И не было вовсе журналовъ.

Да, очень мнѣ нравится этотъ шишакъ,
Съ своимъ наконечникомъ, шпицомъ;
Премудрый король нашъ блеснулъ такъ остро
Своимъ высочайшимъ въ немъ *вицомъ*!

Но только боюсь я, что если гроза
Нежданно ударитъ надъ нами,
Чтобъ молніи этотъ шишакъ не привлекъ,
Не плакались послѣ бы сами!

И если придется идти на войну
Въ такомъ головномъ украшеньи,
Не слишкомъ ли будетъ оно тяжело,
Въ немъ ловко-ль бѣжать со сраженья?

На вывѣскѣ здѣсь на почтовомъ дворѣ
Опять я ту птицу увидѣлъ,
Что смотритъ такъ злобно всегда на меня,
Что съ молоду я ненавидѣлъ.

О, гадкая птица! Постой-же, тебя,
Когда-нибудь ужъ изловлю я,
И черныя перья тебѣ ощиплю
И когти твои обрублю я.

Какъ чучело будешь, торча на шестѣ,
Сидѣть ты на выси свободной,

И рейнскихъ я вольныхъ стрѣлковъ созову
Для этой потѣхи народной.

Кто мнѣ эту птицу на землю сшибетъ,
Корона тому, честь и слава!
И тушъ потрубимъ мы стрѣлку-молодцу,
И выкрикнемъ громкое браво!

Глава IV.

До Кельна доѣхавъ къ полночи почти,
Чуть Рейна заслышалъ журчанье,
Чуть воздухъ пахнулъ мнѣ родной стороны,
Какъ тотчасъ почуялъ вліянье

Его на желудокъ. Поѣвъ вѣтчины
Съ яичницей очень соленой,—
Чтобъ жажду залить, я спросилъ и вина
Рейнвейна. Въ бутыллѣ зеленой

Вино золотое такъ мило блеститъ
И руку къ себѣ такъ и манитъ;
А если ты выпьешь стаканчикъ, другой,
Такъ сладко тебя отуманитъ,

Согрѣетъ и тѣло и душу, и въ носъ
Пріятно покалывать станетъ.
На мѣстѣ тогда не сидится никакъ,
Изъ комнаты вонъ такъ и тянетъ.

Сурово глядѣли кругомъ на меня
Старинныя сѣрыя зданья,
Какъ будто хотѣли повѣдать они
Мнѣ Кельна святого преданья.

Да, нѣкогда здѣсь основало свое
Монашество темное царство,
Что Ульрихъ фонъ-Гуттенъ намъ такъ описалъ,
Духовныхъ корысть и коварство.

Здѣсь средневѣковый плясали канканъ,
Монахи, монахини славно,
А злобный Гохстратенъ*) строчилъ между тѣмъ
Доносъ за доносомъ исправно.

Огонь инквизиціи много пожралъ
Невинныхъ здѣсь жертвъ, и звонили
При этомъ усердно съ высокихъ церквей
И *кириэлейсонъ* вопили.

Здѣсь дикая злоба, вражда-изъ за вѣръ
Рождала кровавыя схватки;
И въ нынѣшнихъ кельнцахъ замашекъ такихъ
Найдутся, пожалуй, остатки.

Но вотъ предо мною чернѣетъ вдали,
При мѣсячномъ тускломъ сіяньи,
Какъ призракъ громадный, собора глава
Въ неясномъ своемъ очертаньи.

Бастиліей мысли былъ долженъ служить
Твердыня-соборъ и въ народѣ
На радость папистовъ въ конецъ заглушить
Стремленье ко всякой свободѣ.

---

*) У. фонъ-Гуттенъ — поборникъ протестантства. Гохстратенъ — сторонникъ папизма въ первой половинѣ XVI столѣтія.

Вдругъ Лютеръ явился, и грозное: „стой!“
Онъ крикнулъ,—и чудо свершилось:
Постройка собора враждебнаго намъ
Негаданно тутъ прекратилась.

И это отлично, что стала на вѣкъ
Постройка заклятаго зданья,
Въ томъ наша и сила, и вѣрный то знакъ
Германіи нашей призванья

Къ протесту всегдашнему; тщетны съ тѣхъ поръ
Всѣ ваши подписки и сборы
И хлопоты членовъ-строителей; вамъ
Никакъ не достроить собора.

Пусть въ пользу постройки великій Францъ Листъ
Въ концертахъ гремитъ и сверкаетъ,
Пусть даже и самъ нашъ ораторъ-король
Свое краснорѣчье являетъ.

Собора не кончить, повѣрьте, никакъ,
Хотя нагруженный камнями
Огромный корабль для постройки его
Въ Кельнъ швабы отправили сами.

Не кончить постройки собора во вѣкъ,
Хоть крикомъ меня оглушаютъ
Вороны и совы, что въ башняхъ церквей
Охотно издревле витаютъ.

Да, времячко даже уже настаетъ,
Что вмѣсто его окончанья
Едва ли конюшнею быть не рѣшатъ
Священному этому зданью.

„А что же прикажете сдѣлать тогда
Съ великою нашей святыней,
Съ мощами царей трехъ восточныхъ? Всегда
Кельнъ славился ими какъ нынѣ“.—

Толкуютъ мнѣ кельнцы. А я имъ на то:
„Да въ чемъ же, скажите, сомнѣнье?
Въ нашъ вѣкъ, славу Богу, мощамъ можно дать
Другое совсѣмъ помѣщенье.

„Свалите ихъ въ Мюнстрѣ, въ тѣ клѣти, что тамъ
Висятъ ужъ такъ долго публично
На башнѣ Ламберти *); повѣрьте, царямъ
Всѣмъ тремъ будетъ тамъ преотлично.

„И если не хватитъ въ нихъ кости какой,
Возьмите другого скелета,
Взамѣну восточнаго, — западный царь,
Любой пригодится на это“.

---

*) Тамъ хранятся до сихъ поръ кости сожженныхъ въ 1535 г. предводителя анабаптистовъ, Іоанна Лейденскаго, и двухъ его сообщниковъ.

Глава V.

Когда же до рейнскаго моста дошелъ,
Минуя прибрежныя зданья,
Я Рейнъ тутъ увидѣлъ; сверкая катилъ
Онъ волны при лунномъ сіяньи.

„Здорово-ль, о, старецъ! Мой батюшка Рейнъ!
Забылъ ты чай вовсе о сынѣ?
А онъ-то какъ часто тебя вспоминалъ,
Въ изгнаньи своемъ, на чужбинѣ!“

Къ рѣкѣ говорилъ я, и вдругъ въ глубинѣ
Послышались странные тоны,
Какъ будто бы старческій кашель, за нимъ
Ворчанье и тихіе стоны.

„Здорово, молодчикъ! Мнѣ любо, что ты
Еще старика уважаешь;
Долгонько гулялъ ты, а мнѣ безъ тебя
Жилось-то какъ плохо, не знаешь.

„Былъ въ Бибрихѣ долженъ я камни глотать:
Не ѣлъ ничего ихъ я хуже!
Но Никласа Беккера *), право, стихи
Желудку пришлись еще туже.

*) *Никласъ Беккеръ*—авторъ извѣстнаго стихотворенія «Rheinlied», направленнаго противъ „Рейнскихъ Пѣсенъ„

„Какъ юную дѣву меня онъ воспѣлъ
На утреннемъ жизни разсвѣтѣ,
Которой невинности будто никто
Еще не похитилъ на свѣтѣ.

„Заслышу-ли эту я глупую пѣснь,
Сѣдой бородой удавиться
Хотѣлъ бы; иначе готовъ, такъ сказать,
Въ самомъ бы себѣ утопиться!

„Что я не дѣвица невинная, нѣтъ,
Давно то французы узнали;
Французы такъ часто мнѣ въ струи свои
Побѣдныя воды вливали.

„О, глупая пѣсня! О, глупый поэтъ!
Къ чему былъ мнѣ гимнъ его нуженъ?
Выходитъ, что я политически имъ
Подъ старость совсѣмъ оконфуженъ:

„За тѣмъ, что вернися французы опять,
Я долженъ краснѣть передъ ними,
Я, небо усердно молившій не разъ,
Чтобъ берегъ мой занятъ былъ ими.

„Мнѣ были любезны и милы всегда
Веселые эти французы.
Все такъ ли безпечны и живы они,
Все тѣ-ли же носятъ рейтузы?

„Хотѣлось бы свидѣться съ ними опять,
Да глупая пѣсня помѣха,

Альфреда де-Мюссе и другихъ подобныхъ притязаній французскаго шовинизма на берега Рейна.

За тѣмъ, что боюся и сплетенъ людскихъ,
И злобныхъ намековъ, и смѣха.

„Пожалуй, еще и Альфредъ де-Мюссе,
Мальчишка, нагрянетъ къ намъ въ гости
И будетъ читать мнѣ, стуча въ барабанъ,
Свои онъ стишонки со злости!“

Такъ жалобно плакался бѣдный старикъ,
Почти обливаясь слезами
И гнѣваясь сильно. Старался унять
Я лаской его и словами.

О, батюшка милый! Не бойся, сказалъ
Я, злобныхъ насмѣшекъ французовъ,
Они совершено другіе теперь:
Не носятъ и прежнихъ рейтузовъ.

„Не бѣлы, а красны теперь ихъ штаны,
Да къ нимъ ужъ другія пришили
И пуговки даже; въ раздумьи совсѣмъ
Они и носы опустили.

„И стали филисофы злые они,
Имъ милы Кантъ, Фихте и Гегель,
Пьютъ пиво, какъ нѣмцы, и курятъ табакъ,
Охотники даже до кегель.

„Филистрами стали, не хуже, чѣмъ мы,
И всѣ вольтерьянцы пропали
Давно между ними; какое, они
Теперь генкстенбергцами стали!

Альфредъ де-Мюссе, хоть все тотъ же шалунъ,
Все прежній мальчишка несносный;

Но только не бойся, привяжемъ ему
Языкъ мы его вредоносный.

„Но если бы этотъ насмѣшникъ посмѣлъ
Еще въ чемъ-нибудь провиниться,
И мы пораскажемъ, какъ часто ему
У дамъ приходилось срамиться.

„И такъ успокойся ты, батюшка Рейнъ,
Забудь про негодника злого;
Ты пѣсню другую услышишь теперь.
Прощай, мы увидимся снова!“

Глава VI.

У Паганини водился всегда
Свой Spiritus familiaris,
То въ видѣ собаки, то въ видѣ людскомъ:
Онъ звался тогда Георгомъ Гаррисъ *).

Герой Аустерлица имѣлъ своего
Зловѣщаго краснаго гнома.
Что демонъ Сократу совѣты внушалъ,—
Преданье кому незнакомо?

Подобное нѣчто случалось со мной:
Работой когда увлекался
И ночью сидѣлъ я одинъ у стола,—
Невѣдомый *нѣкто* являлся.

Приземистъ, окутанъ плащомъ, и подъ нимъ
Какъ будто все что-то скрываетъ,
Что, лишь распахнется пола, какъ топоръ,
Готовый для казни, сверкаетъ.

---

*) *Георгъ Гаррисъ*—гановерскій уроженецъ, беллетристъ, написавшій нѣсколько комедій; но болѣе извѣстный тѣмъ, что былъ долгое время спутникомъ *Паганини* и завѣдывалъ его кассою.

Безмолвно, недвижно, я чую, стоитъ
Мой гость у меня за плечами,
И мнѣ не мѣшаетъ, но зорко слѣдитъ
За мною, какъ звѣзды, глазами.

Не мало годовъ миновало съ тѣхъ поръ,
Какъ наши прервались свиданья,
И вотъ онъ нежданно явился опять
Мнѣ въ Кельнѣ при лунномъ сіяньи.

По улицамъ соннымъ я шелъ одинокъ,
Въ раздумьи, полночью глухою,
Все было безлюдно и тихо вокругъ.
Гляжу я—и вдругъ онъ за мною.

Лишь стану въ пути я,—какъ станетъ и онъ;
Пойду я,—и снова упорный
Все слѣдомъ за мною идетъ. Такъ дошли
До площади съ нимъ мы соборной.

Не выдержалъ я и, къ нему обратясь,
Вскричалъ: „Что ты ходишь за мною,
Какъ тѣнь безотвязно, въ полночной тиши
Пустынною этой порою?

„Ты вѣчно являешься мнѣ въ тѣ часы,
Когда на душѣ пламенѣютъ
Завѣтныя чувства, когда въ головѣ,
Какъ молніи, помыслы рѣютъ.

„Ты кто и откуда явился, скажи,
Пришелецъ, невѣдомый міру?
И кроешь подъ длиннымъ плащемъ для чего
Блестящую грозно сѣкиру?“

Но онъ, не смущаясь, спокойно въ отвѣтъ
Промолвилъ, какъ нехотя будто:
„Къ чему же ты такъ горячишься? За чѣмъ
Со мной говоришь такъ надуто?

„Не выходецъ я изъ подземныхъ могилъ,
Не пугало я гробовое;
Риторики, фразъ ужъ куда не люблю,
Созданье я очень простое.

„Всегда отъ природы практиченъ и тихъ,
И попусту словъ не теряю;
Но знай, что задумалъ ты въ тайнѣ души—
На дѣлѣ я то совершаю.

„Ты мой повелитель, а я твой слуга,
Покорный во всемъ, молчаливый,
И твой приговоръ я исполню всегда.
Будь онъ—не вполнѣ справедливый.

„Предъ консуломъ римскимъ съ сѣкирой всегда
Шелъ ликторъ,—закона грозою;
Ты ликтора также имѣешь, но онъ—
Лишь слѣдомъ идетъ за тобою.

„Такъ, ты мой владыка, а я ликторъ твой
И воли твоей исполненье
На дѣлѣ и въ жизни; пойми же, поэтъ,
Я мысли твоей воплощенье!“

Глава VII.

Вернувшись домой, я такъ сладко заснулъ,
Какъ добрымъ уложенный духомъ.
Въ перинахъ нѣмецкихъ пріятно соснуть,
Набиты когда онѣ пухомъ.

Объ этихъ перинахъ я часто мечталъ,
Когда не смыкалися очи,
Когда я на жесткихъ матрацахъ лежалъ
Изгнанья въ безсонныя ночи.

Дарятъ намъ такіе чудесные сны
Пуховыя наши перины;
Свободою полной въ нихъ дышетъ душа,
Во снѣ—мы судьбы властелины.

Во снѣ залетимъ мы богъ ни вѣсть куда,
Тутъ только вполнѣ мы счастливы.
И какъ величавъ нашъ полночный полетъ,
Какъ нѣмцы во снѣ горделивы!

Не рѣдко мы смѣлымъ полетомъ самихъ
Безсмертныхъ боговъ устрашали;
Не рѣдко размахами крыльевъ своихъ
Съ небесъ мы и звѣзды сшибали.

Русь, Франція мощны на твердой землѣ,
Британіи—море покорно,
А нѣмцы—въ пространствахъ воздушныхъ царятъ.
Здѣсь первенство наше безспорно.

Здѣсь мы не раздроблены, здѣсь мы сильны
И въ стройное царство сложились;
Другіе народы мнѣ жалки,—они
На плоской землѣ разселились.

Заснулъ я, и снилось, что снова иду
По улицамъ, будто, безлюднымъ
Стариннаго Кельна въ ночной тишинѣ,
При лунномъ сіяніи чудномъ.

И будто бы слѣдомъ мой спутникъ опять,
Столь чуждый и вмѣстѣ знакомый;
Усталъ я, но все подаюся впередъ,
Невѣдомой силой влекомый,

Идемъ мы все далѣ, и сердце мое
Какъ будто зіяя открылось –
Изъ раны глубокой въ груди у меня
Кровь капля за каплей катилась.

Я въ алую кровь мою пальцы мокалъ
И ею на домахъ нерѣдко,
Минуя ихъ двери, въ прогулкѣ ночной
Кровавую ставилъ отмѣтку.

И странно, едва лишь любой изъ домовъ
Такъ кровью моей отмѣчался,—
Какъ гдѣ-то далеко, печально звеня,
Отходный звонокъ раздавался.

Погасла межъ тѣмъ золотая луна
И своды небесъ потемнѣли;
Какъ черные кони, по нимъ облака,
Гонимыя вѣтромъ, летѣли.

Мы съ спутникомъ страннымъ все далѣ идемъ—
И снова на площадь пришли мы.
Растворены, видимъ, широко врата
Собора, и ими вошли мы.

Подъ сводами зданья громаднаго смерть
И мракъ и безмолвье царило;
Лампады едва лишь мерцали кой-гдѣ,
Чтобъ свѣта отсутствіе было

Виднѣе. Иду между темныхъ колоннъ
И слышу лишь гулъ за собою
Шаговъ неотступнаго спутника, все
Онъ слѣдуетъ мѣрно за мною.

И вотъ наконецъ мы до мѣста дошли,
Гдѣ яркимъ все блескомъ горѣло
Свѣчей, позолоты, камней дорогихъ:
Была трехъ царей то капелла.

И что же? Восточные эти цари,
Которые въ ракахъ лежали
Такъ долго недвижны,—оживши теперь,
На крышахъ гробницъ возсѣдали.

На ветхихъ костяхъ фантастичный нарядъ:
Парчей золотою одѣты,
Подъ царской короной, со скиптромъ въ рукахъ,
Сидѣли сухіе скелеты.

Какъ чучела въ пышныхъ уборахъ своихъ
Изсохшіе члены вращали,
И тлѣнья и ладана смѣсью они,
Признаться, противно воняли.

Одинъ къ удивленью являть даже сталъ
Свое въ краснорѣчьи умѣнье;
Предлинно, прескучно онъ мнѣ толковалъ,
За чѣмъ моего ждетъ почтенья.

Во-первыхъ—за тѣмъ, что мертвецъ; во-вторыхъ –
Что въ жизни царемъ онъ считался,
А въ-третьихъ еще—что слыветъ онъ святымъ.
Всѣмъ тѣмъ я не тронутъ остался.

Взялъ смѣхъ меня, право, и я отвѣчалъ:
„Не силенъ ты братъ въ убѣжденьяхъ;
Какъ вижу, прошедшему времени ты
Во всѣхъ подлежишь отношеньяхъ.

„Прочь, прочь убирайтесь; въ могилѣ сырой
Костямъ вашимъ мѣсто валяться.
Сокровища этой часовни еще
На пользу живыхъ пригодятся.

„Здѣсь конница станетъ грядущихъ временъ,
Что будетъ отраднѣй, свѣтлѣе,
А ваши истлѣвшіе остовы мы
Повыбросимъ вонъ не жалѣя“.

Сказавъ, обернулся къ тому я, кто шелъ
За мною. И въ то же мгновенье
Топоръ его страшнымъ отливомъ блеснулъ,
И понялъ мое онъ велѣнье.

И разомъ приблизясь къ троимъ мертвецамъ,
Къ предмету почтенья и страха
Людскихъ суевѣрій, онъ остовы ихъ
Сѣкирой разрушилъ съ размаха.

Ударъ безпощадно разящей руки
По сводамъ, какъ громъ, прокатился,
Забила горячимъ ключемъ моя кровь
Изъ сердца—и я пробудился.

Глава VIII.

Отъ Кельна до Гагена стоитъ проѣздъ
Пять талеровъ съ третью въ дормезѣ;
Но были ужъ заняты всѣ въ немъ мѣста
И сѣлъ я въ открытомъ бейшезѣ.

Сырое, осеннее утро, туманъ,
Карета въ грязи утопаетъ
И тащится тихо; но сердце мое
Отъ радости такъ и играетъ.

Я чую здѣсь воздухъ родной стороны,
Я счастливъ быть долженъ, вдыхая
Его, и хоть грязь здѣсь густа и липка,
Да грязь-то вѣдь это—родная!

Такъ ласково кони махали хвостомъ,
Какъ будто со мною вѣкъ знались;
Плодомъ золотымъ Аталанты мнѣ ихъ
Навозные комья казались.

Проѣхали Мюльгеймъ; хорошъ городокъ,
Такъ милъ, такъ отраденъ онъ нервамъ
Своей чистотою. Я былъ еще въ немъ
Весной, въ восемсотъ тридцать первомъ.

Тогда все цвѣло и смѣялось кругомъ,
На солнышкѣ птички такъ пѣли
Отрадно, а люди, надѣясь тайкомъ,
Довѣрчиво, бодро смотрѣли.

Они помышляли: вотъ скоро отсель
Прогонимъ дворянъ мы въ затылокъ,
И кубокъ прощальный мы имъ поднесемъ
Изъ длинныхъ желѣзныхъ бутылокъ.

А вмѣсто ихъ радость-свобода придетъ,
Съ хоругвью трехцвѣтной; настанетъ
Счастливое время, изгнанникъ-герой
Изъ гроба чудесно возстанетъ.

Ни чуть не бывало: дворяне все тутъ;
Они ни о чемъ не тужили;
А многіе, были что худы какъ тѣнь,
Себѣ и брюшко отростили.

Они поживаютъ отлично теперь,
Какъ праздные псы разжирѣли,
Народнымъ винцомъ угощаются такъ,
Что даже носы покраснѣли.

Богиня свободы же очень больна,
И ногу себѣ изломила;
Трехцвѣтное знамя ея и со стѣнъ
Парижа виситъ такъ уныло.

Изъ гроба хоть точно вставалъ Бонапартъ,
Но черви его источили
Британскіе, такъ что въ могилу опять
Французы его уложили.

Я самъ очевиднымъ свидѣтелемъ былъ,
Какъ пышно везли его тѣло;
Статуи побѣдъ, колесница и гробъ
Все золотомъ такъ и горѣло.

Везли его вдоль Елисейскихъ Полей,
Вратами Звѣзды, въ непогоду,
Сквозь дождикъ и снѣгъ; но поѣздъ окруженъ
Былъ густо толпами народу.

На холодѣ рѣзкими звуками такъ
Валторны и флейты сипѣли,
Орлы со штандартовъ измокшихъ на насъ
Угрюмо, насупясь глядѣли.

И люди, вперяя потерянный взоръ,
На шествіе въ недоумѣньи
Смотрѣли; предъ ними воскресло опять
Имперіи славной видѣнье.

Изъ глазъ моихъ слезы невольно текли,
Болѣзненно грудь колыхалась,
Когда громоносное: „Vive l'Empereur!“
Средь общей тиши раздавалось.

Глава IX.

Безъ четверти въ восемь оставивши Кельнъ,
Мы въ Гагенѣ въ три очутились,
И здѣсь для трапезы обѣденной мы
На часикъ—другой пріютились.

Ужъ столъ былъ накрытъ. Тутъ почувствовалъ я,
Что мы уже въ сердцѣ владѣній
Германскихъ,—по строгому выбору блюдъ
И сладости ихъ испареній.

Съ зеленой капустой каштаны, какъ я
Издѣтства ѣдалъ ихъ не мало,
И въ маслѣ топленомъ родная треска,
Какъ въ домѣ отцовскомъ бывало.

Отечество свято для всякой души,
Честно, благородно рожденной.
Я также яичницу очень люблю
Съ поджаренной сельдью копченой.

Какъ вкусно сосиски шипѣли въ жиру!
Дрозды какъ младенцы лежали
Въ постелькахъ изъ яблочной пѣны, и мнѣ
Какъ будто: „Здорово!“ шептали,

„Здорово, голубчикъ, ты гдѣ погулялъ?
Ты долго гостилъ за границей,
И вѣрно тамъ въ тѣсной ты дружбѣ живалъ
Съ заморскою разною птицей“.

Индюшка, красуясь на блюдѣ большомъ,
Стояла тутъ рядышкомъ тоже:
Она можетъ статься любила меня,
Какъ были мы оба моложе.

Теперь же, бѣдняжка, значительно такъ,
Задумчиво, грустно глядѣла:
Имѣла знать нѣжную душу она,
Но только –прежосткое тѣло!

Подъ листомъ лавровымъ была подана
Еще голова намъ свиная:
Въ Германіи лавромъ свиней украшать
Издавна привычка большая.

Глава X.

За Гагеномъ вскорѣ застигла насъ ночь,
И тутъ какъ-то странно продрогъ я:
Желудокъ озябъ. Только въ Унну прибывъ
Въ трактирѣ согрѣть его могъ я.

Красивая дѣвочка встрѣтила насъ
И пуншемъ тотчасъ угостила.
Льномъ мягкимъ вились у нея волоса,
И глазки свѣтились премило.

Акцентъ шепелявый вестфальскій звучалъ
Мнѣ въ ухо такъ нѣжно, пріятно;
Клубившійся пуншъ мнѣ напомнилъ о дняхъ,
Умчавшихся въ даль безвозвратно.

Вестфальцы мнѣ милы; въ Геттингенѣ я
Такъ дружески съ ними сходился,
За пуншемъ, бывало, къ нимъ падалъ на грудь
И съ ними-жъ подъ столъ я катился.

Я добрыхъ вестфальцевъ душою любилъ
Всегда. Нѣтъ въ нихъ тѣни жеманства,
Во всемъ прямодушны, открыты они,
Далеки притворства и чванства.

Бывало, сойдясь на мензурѣ, какъ львы
Ни шагу назадъ не давали
И терцы и кварты такъ честно свои
Другъ другу съ плеча отпускали.

Да, бьются здорово, здорово и пьютъ;
Когда же па *брудершафтъ* чокнутъ,
То даже у этихъ могучихъ дубовъ
Глаза отъ сочувствія мокнутъ.

Храни тебя небо, дебелый народъ,
Умножь твои хлѣбы и травы,
Но паче избавь отъ великихъ людей,
Геройскихъ дѣяній и славы.

Сынамъ твоимъ бравымъ и честнымъ подай
Всегда благосклонный экзаменъ;
А дочкамъ—скорѣй жениховъ посылай,
Веди подъ вѣнецъ ихъ и—*аменъ*!

Глава XI.

Вотъ лѣсъ Тевтобургскій, что Тацитомъ намъ
Описанъ такъ вѣрно и живо;
Вотъ тѣ знаменитыя топи, гдѣ Варъ
Съ войсками погибъ несчастливо.

Отвагу здѣсь мощную онъ испыталъ
Херусскаго храбраго князя...
Побѣду германскій народъ одержалъ
Вотъ въ этой классической грязи.

Когда бы нашъ доблестный Германъ не взялъ
Здѣсь верхъ надъ отчизны врагами,
Германіи не было-бъ вовсе теперь,—
Мы были бы римляне сами.

Въ Германіи римское было бы все:
Обычай, языкъ, одѣянье;
Весталки водились бы въ Мюнхенѣ, шваѳъ—
Квирита носилъ бы названье.

Гаруспексомъ былъ бы у насъ Генгстенбергъ,
Судьбу по бычачьимъ кишкамъ
Онъ ловко пророчилъ-бы; птичій полетъ
Неандръ толковалъ бы намъ самъ.

Бирхъ-Пфейферъ съ утра выпивала-бъ стаканъ
Усердно большой терпентина,
Какъ римскія дамы; у нихъ оттого
Пріятнѣе пахла урина.

И не былъ бы Раумеръ нѣмецкая дрянь,
Онъ былъ бы латинскій *Дрянацій*;
Безъ риѳмъ измышлялъ бы стихи Фрейлигратъ,
Какъ въ древности Флаккусъ Горацій.

А грубый-то нищенка, батюшка Янъ,
Тотъ былъ бы не Янъ—*Грубіанусъ*
Me Hercule! Масманъ нашъ зналъ бы латынь
И звался-бы Маркъ Туллій *Масманусъ*.

Со львами, съ медвѣдями правды друзья
Дрались бы, подобно атлетамъ
Въ арепахъ открытыхъ, чѣмъ изъ-за угла
Ругаться по мелкимъ газетамъ.

Царилъ бы надъ нами одинъ лишь Неронъ,
Смѣстивъ тридцать шесть королишекъ;
Вскрывали бы въ ваннахъ мы жилы себѣ
За всякій въ свободѣ излишекъ.

Точь въ точь какъ Сенека погубленъ бы былъ
Нашъ Шеллингъ, такимъ же эдиктомъ;
Корнеліусу говорили бы мы:
„Cacatum non est pictum!“

Но слова Всевышнему! Германъ побилъ,
За Альпы враги отступили,
Съ орлами своими Варъ жалко погибъ,
И нѣмцы все нѣмцы—какъ были!

Такіе-жъ мы нѣмцы, какъ были и встарь,
Все также въ латыни мы слабы,
Не asinus—Esel зовется оселъ,
И швабами—добрые швабы.

Попрежнему Раумеръ нѣмецкая дрянь,
Не дастъ ему крестъ превосходства;
Въ стихахъ Фрейлиграта съ Гораціемъ все
Не видно малѣйшаго сходства.

И Масманъ, по счастью, въ латыни все плохъ,
Бирхъ-Пфейферъ однѣ пишетъ драмы,
Не тянетъ она натощакъ терпентинъ,
Какъ римскія модныя дамы.

О, Германъ великій! Спасибо тебѣ,
Что нѣмецъ все нѣмцомъ остался;
Въ Детмольдѣ и ставятъ тебѣ монументъ,
Я самъ на него подписался.

Глава XII.

Средь лѣсу и ночью ползетъ дилижансъ;
Вдругъ хрястнуло что-то ужасно,—
Сломалось у насъ колесо пополамъ;
Не слишкомъ-то это прекрасно.

Слѣзаетъ тутъ съ козелъ долой почтальонъ,
Бѣжитъ на село; остается
Покорный слуга вашъ въ лѣсу одинокъ.
Вокругъ него вой раздается.

То воетъ голодная стая волковъ,
Зубами отъ злости щелкаютъ.
Какъ уголья блещутъ кругомъ огоньки:
Глаза это волчьи сверкаютъ.

Наслышались много они обо мнѣ
И, значитъ, устроили вѣрно
Съ такимъ освѣщеньемъ почетный пріемъ
И этотъ концертъ ихъ прескверный.

Мнѣ въ честь серенада!—Не зналъ я еще
Столь нѣжную волчью натуру
И, сдѣлавъ рукою ораторскій знакъ,
Въ приличную сталъ позитуру.

„Со-волки!“ сказалъ: „Я безмѣрно счастливъ,
Что столько меня окружаютъ
Друзей благородныхъ и всѣмъ такимъ
Мнѣ чувства свои выражаютъ.

„Да, память объ этой пріятной ночи
Я буду хранить неизмѣнно;
Столь лестная встрѣча останется мнѣ
До смерти самой незабвенна.

„Повѣрьте, глубоко признателенъ я
За знаки такого довѣрья;
И въ счастьи, и въ горѣ на васъ, господа,
Готовъ положиться теперь я.

„Со-волки! Надѣюсь, что вы никогда
Нелѣпымъ не вѣрили вракамъ
Обманщиковъ низкихъ, что ходятъ твердя,
Другъ будто бы сталъ я собакамъ.

„Что будто намѣренъ къ овцамъ поступить
Въ гофраты я; слухъ этотъ вздорный
Не стоитъ отвѣта, и спорить о немъ
Мнѣ было-бъ обидой позорной.

„Хоть теплую шубу овечью носить,
Признаться, люблю я зимою;
Но честью клянусь вамъ, что благо овецъ
Считаю я вещью пустою.

„Не другъ я собакамъ, не другъ я овцамъ,
Поймите вы, милые, толкомъ;
Всегда буду вѣренъ вамъ тѣломъ, душой,
Вѣкъ истымъ останусь я волкомъ.

„Охотно готовъ я по-волчьи и выть,
Какъ жить приведется съ волками.
Прощайте покамѣстъ; будь въ помощь вамъ Богъ
Да плохи не будьте же сами!“

Такую-то рѣчь я экспромптомъ сказалъ,
Иного не видя спасенья;
Кольбъ *) тиснулъ въ газетѣ ее, исказивъ
Безъ всякаго къ правдѣ почтенья.

---

*) Бывшій въ 40-хъ годахъ издатель «Аугсбургской Газеты».

Глава XIII.

Надъ Падерборномъ ужъ солнце взошло,
Но какъ-то печально глядѣло;
Свѣтить да свѣтить вѣкъ свой глупой землѣ
Куда не веселое дѣло!

Лучомъ освѣтивъ половину одну,
Едва лишь другой достигаетъ,
Какъ въ первой уже за свѣтиломъ во слѣдъ
Опять темнота наступаетъ.

Надъ камнемъ напрасно трудится Сизифъ,
Бездонная бочка Данаидъ
Не будетъ полна, и свѣтило вотще
Дневное нашъ шаръ обѣгаетъ!

Рѣдѣютъ туманы и первымъ лучомъ
Блеснувшей зари освѣщенъ—
Вотъ крестъ съ изваяньемъ того, кто на немъ
Неправедно былъ пригвожденъ.

Прискорбно стѣсняется сердце мое
При видѣ твоемъ, Назарей!
Мечтатель, безумецъ божественный, все
Забывшій для блага людей!

Совѣтъ фарисейскій коварно, безбожно
На гибель тебя осудилъ.
Зачѣмъ же такъ смѣло, такъ неосторожно
Ты равенству, братству училъ?

Не былъ по несчастью во время твое
Извѣстенъ печатный станокъ,
Особою книжкой ученье свое
Пустить бы вѣрнѣе ты могъ.

Цензура, приличіе нравовъ любя,
Смарала бы много въ ней мѣстъ,
Какъ нѣжная мать охраняя тебя, —
И ты не попалъ бы на крестъ!

Какъ жаль, что съ талантомъ твоимъ и умомъ
Не взялъ ты для рѣчи нагорной
Хоть текста другого, чтобъ легче потомъ
Сойтись съ синагогой упорной.

Сплеча бичевалъ ты обманъ и порокъ,
За что и прослылъ вольнодумцемъ;
Былъ преданъ, поруганъ и распять въ урокъ
Подобнымъ грядущимъ безумцамъ!

Глава XIV.

Сырая погода, окрестность бѣдна,
Плетемся мы грязью насилу,
Но въ сердцѣ моемъ и звучитъ, и поетъ:
„О, солнышко, ты уличило!“

То пѣсни старинной знакомый припѣвъ,
Что въ дѣтствѣ мнѣ няня пѣвала.
Какъ сладкое эхо въ душѣ отдалось:
„Уликой ты, солнышко, стало!“

Въ той пѣснѣ поется, что жилъ-былъ злодѣй—
Убійца, - невинныхъ счастливѣй;
Но разъ увидали—въ дремучемъ лѣсу
Висѣлъ онъ, качаясь, на ивѣ.

Судилищемъ тайнымъ наказанъ злодѣй,
Его осужденіе было
Прибито къ той ивѣ, на коей висѣлъ:
„О, солнышко, ты уличило!“

Свѣтъ-солнышко судьямъ злодѣя открылъ,
Убійцу привелъ къ осужденью,
Оттилья взывала въ предсмертный свой часъ:
„О, солнышко, будь мнѣ отмщенье!“

Мнѣ старую няню напомнилъ припѣвъ
И съ нею—всѣ дѣтства картины,
И вижу такъ живо я старческій ликъ,
Волосъ сѣдину и морщины.

Она родилася въ Вестфальской странѣ,
Близъ Мюнстра, и много преданій,
Разсказовъ старинныхъ я съ дѣтскихъ годовъ
Отъ доброй наслышался няни.

Какъ сердце стучало мое, какъ начнетъ
Про царскую дочь зачастую,
Что въ полѣ пустынномъ сидѣла одна
Да косу чесала златую.

Она стерегла на чужбинѣ гусей.
Когда-жъ ввечеру проходила
Назадъ въ городскія ворота, она
Глаза поднимала уныло

За тѣмъ, что надъ сводомъ у этихъ воротъ
Печально съ гвоздя опускалась
Той лошади снятая съ плечъ голова,
Что съ родины съ нею примчалась.

Дѣвица, вздыхая: „О—охъ! Что висишь,
О, Фаллада, ты!“ восклицала.
Въ отвѣтъ голова ей съ высокихъ воротъ:
„О—охъ! Ты зачѣмъ убѣжала?“

И царская дочь воздохнувши опять:
„О—охъ! Еслибъ матушка знала!“
Въ отвѣтъ голова ей съ высокихъ воротъ:
„О—охъ! Въ ней бы сердце упало!“

Не двигался съ мѣста, не смѣлъ я дохнуть,
Когда о любимомъ народомъ,
Понизивъ вдругъ голосъ, начнетъ говорить,
О Фридрихѣ-Краснобородомъ

Старушка. Она увѣряла меня,
Что живъ императоръ понынѣ;
Но только сокрылся онъ съ войскомъ въ горѣ,
Въ лѣсистой, безвѣстной пустынѣ.

Гдѣ скрытъ онъ—Кифгейзеръ зовется гора,
Пещеру она заключаетъ.
И тамъ подъ землею есть множество залъ,
Лампадный ихъ свѣтъ озаряетъ.

И первая зала—конюшня; коней
Тамъ многія сотни; рядами
Стоятъ они въ сбруѣ своей боевой
Подъ длинными всѣ чапраками.

Осѣдланы, взнузданы къ бою совсѣмъ
И къ масти подобраны ровно.
Однако стоятъ неподвижно они,
Изъ бронзы какъ вылиты словно.

И воиновъ тысячи въ залѣ второй;
Въ стальныя закованы латы,
Недвижно лежатъ на соломѣ и тѣ—
Всѣ сномъ богатырскимъ объяты.

Лежатъ, не шелохнутся сколько вѣковъ
Готовые къ бою солдаты.
И все молодцы, всѣ одинъ къ одному:
Воинственны, мощны, брадаты!

А третья палата—оружьемъ полна.
Высокой тамъ сложены кучей:
Сѣкиры, пищали, мечи, булавы—
Доспѣхи для длани могучей.

Хоть пушекъ немного, но есть: и средь нихъ
Трехцвѣтное высится знамя
На древкѣ серебряномъ, черно-желто
И красно, какъ яркое пламя.

Въ четвертой же залѣ самъ Фридрихъ живетъ.
Рядами вѣка пронеслися,
А онъ все на каменномъ стулѣ сидитъ,
На каменный столъ опершися.

Красна, какъ огонь, у него борода,
Сквозь столъ до земли проростаетъ.
И временемъ хмуритъ онъ брови свои
И временемъ глазомъ моргаетъ.

Онъ спитъ или крѣпкою думой объятъ,
Навѣрно рѣшить кто возьмется?
Когда же ударитъ указанный часъ,
Тутъ бодро онъ вдругъ встрепенется

И, знамя схвативши, воскликнетъ: Вставать
И на конь живѣе, ребяты!“
И разомъ, какъ буря, воспрянутъ они,
Проспавшися вдоволь солдаты.

И мигомъ садятся на борзыхъ коней,
Что громко и ржутъ и топочутъ.
Во слѣдъ императору ѣдутъ они,
И трубы призывно грохочутъ

На славу—и скачутъ и бьются они,
Ихъ сила большая, ихъ много.
И требуетъ Фридрихъ виновныхъ на судъ,
Онъ будетъ наказывать строго

То сборище низкихъ злодѣевъ-убійцъ,
Что чудную нашу сгубило
Германію-дѣву въ кудряхъ золотыхъ...
„О, солнышко, ты уличило!“

Иного, что, скрывшися въ замкѣ своемъ,
Себѣ уже чаялъ спасенья,—
Притянутъ къ суду, и злодѣй не уйдетъ
Отъ каръ Барбароссова мщенья.

Любли я преданья сѣдой старины,
Разсказы мнѣ нянины милы,
Мое суевѣрное сердце твердитъ:
„О, солнышко, ты уличило!“

Глава XV.

Тяжелыя тучи, все небо покрывъ,
Дождь мелкій и частый намъ сѣютъ;
Холодными иглами будто сѣчетъ,
Лошадки пыхтятъ и потѣютъ.

Знакомую пѣсню трубитъ почтальонъ
Въ свой рѣзкій рожокъ поминутно:
„Три всадника ѣхали вонъ изъ воротъ!“
Мнѣ на сердцѣ грустно и мутно.

Клонило ко сну, и я точно заснулъ,
И чудный мнѣ сонъ тутъ приснился,
Что будто въ волшебной Кифгейзеръ-горѣ
У Фридриха я очутился.

На каменномъ стулѣ ужъ онъ не сидѣлъ,
Рукой подпершись какъ статуя,
И важнаго вида того не имѣлъ,
Какъ мыслятъ невѣрно толкуя.

Бродилъ, ковыляя, по заламъ старикъ
Въ бесѣдѣ со мной задушевной
И хвасталъ сокровищемъ тайнымъ своимъ
И разною рѣдкостью древней.

Придя въ оружейную, сталъ объяснять,
Какъ дѣйствовать ловче сѣкирой,
И ржавчину счистилъ съ двухъ-трехъ палашей
Своей въ горностаяхъ порфирой.

Павлиньею метелку взявъ, пыль обметать
Онъ началъ съ доспѣховъ старинныхъ,
Со шлемовъ тяжелыхъ, съ кирасъ и щитовъ,
И съ бердышей острыхъ и длинныхъ.

Трехцвѣтное знамя тряхнувши, сказалъ
Съ усмѣшкой: „Отличное дѣло,
Что въ древкѣ еще червоточины нѣтъ,
Что поле шелковое цѣло!“

Когда же потомъ мы въ ту залу пришли,
Гдѣ рядомъ солдаты лежали,
„Намъ быть осторожнѣе должно теперь,
Чтобъ насъ молодцы не слыхали,

Шепнулъ онъ, сегодня срокъ платы опять:
Вѣдь я выдаю по дукату
Въ столѣтіе разъ изъ сокровищъ моихъ.
Здѣсь каждому воину-брату!“

И вотъ между спящихъ рядовъ проходя,
Онъ каждому счетомъ солдату,
Кряхтя нагибаясь, въ карманъ опускалъ
За службу условную плату.

Въ палатѣ-жъ по стойламъ, гдѣ кони стоятъ,
Отъ радости онъ улыбался,
И, руки себѣ потирая, добрякъ
Отлично довольнымъ казался.

Потомъ онъ заботливо сталъ ихъ считать,
Вдоль конскаго идучи строю,
На каждаго съ лаской глядѣлъ онъ коня
И царской ихъ гладилъ рукою.

Счелъ разъ и другой ихъ, — и вдругъ пріунылъ,
Какъ чѣмъ-то смущенный невольно:
„Солдатъ и оружья довольно, сказалъ,
„Коней-то еще недовольно.

„Давно ремонтеровъ я выслалъ своихъ,
Давно съ нетерпѣньемъ ихъ жду я;
Когда же лошадокъ накупять вполнѣ,
Тутъ только ребятъ разбужу я.

„И выѣдемъ всѣ изъ Кифгейзера мы,
И праведный судъ сотворю я,
И вѣрный народъ мой избавлю отъ бѣдъ,
Что столько ихъ терпитъ горюя!“

Такъ мнѣ императоръ; а я: „Ахъ, мой свѣтъ!
Да что-же ты дѣлаешь съ нами?
Коли не хватаетъ еще лошадей –
Пополни ты ихъ хоть ослами!“

Но, тонко прищурясь, державный старикъ
Съ насмѣшливой молвилъ улыбкой:
„Къ чему горячиться! Въ великихъ дѣлахъ
Нельзя поступать слишкомъ шибко.

„Что нынче не сбудется, завтра придетъ,
Минутой ничто не вершится;
У насъ, „chi va piano, va sano“, дружокъ,
Пословица въ Римѣ твердится!“

Глава XVI.

Толчки дилижанса прервали мой сонъ,
Но скоро, объятый дремою,
Въ Кифгейзеръ волшебный невольно опять
Унесся я сонной мечтою.

И снилось мнѣ снова, что съ Фридрихомъ тамъ
Средъ старыхъ готическихъ залъ я.
Онъ рѣчь заводилъ и о томъ и о семъ,
Просилъ, чтобъ ему разсказалъ я,

Что новаго въ свѣтѣ творится съ тѣхъ поръ,
Какъ онъ изъ числа уже вышелъ
Живущихъ; еще съ семилѣтней войны
О томъ ничего онъ не слышалъ.

Желалъ съ нетерпѣньемъ скорѣе узнать,
О томъ съ Мендельсономъ что сталось;
Со старою Каршинъ, съ мадамъ Дюбарри,
Что такъ красотой прославлялась.

„Ахъ, Боже! вскричалъ я. Да какъ ты отсталъ!
Давно Мендельсонъ нашъ въ могилѣ
Съ женою Ревеккой и съ сыномъ своимъ
Абрамомъ; давно они сгнили!

„Абрамъ съ своей Леей сынишку родилъ,
Феликса,—весь свѣтъ его знаетъ;
Въ подлунной гремитъ онъ, за тѣмъ что у насъ
Капеллой большой управляетъ.

„И Каршинъ *) старуха давно умерла,
И дочь ея Кленке примѣрно.
Вотъ внучка жива-ли, Эльмина Шези,—
Признаться, не знаю навѣрно.

„Пока жилъ Людовикъ, мадамъ Дюбарри
Роскошно кутя поживала,
На старости-жъ лѣтъ обнищала она
И вѣкъ гильотиной скончала.

„Людовикъ пятнадцатый умеръ еще
Не слишкомъ въ преклонныя лѣта.
Шестнадцатый, — тотъ гильотиной казненъ,
За нимъ и Мари-Антуанетта.

„Смертельный ударъ королева снесла
Съ спокойною, царскою миной.
Рвалась и кричала мадамъ Дюбарри,
Но кончила всежъ гильотиной“.

Какъ вкопанный сталъ императоръ, и мнѣ
Тревожно: „Да что ты за слово
Твердишь мнѣ сто разъ: гильотина! Оно
Звучитъ мнѣ и дико и ново!“

---

*) Забытая теперь поэтесса (1722—1791 г.), очень извѣстная въ берлинскихъ кружкахъ того времени. Дочь и внука ея — обѣ писательницы — болѣе близкаго времени.

„У насъ гильотиной слыветъ, государь,
Сказалъ я, машина такая,
Что головы людямъ снимаетъ долой,
Мгновенно ихъ жизнь прекращая.

„Отъ жизни ко смерти приводитъ людей
Различнаго пола и званья.
Ее изобрѣлъ господинъ Гильотенъ —
По немъ и дано ей названье.

„Васъ крѣпко привяжутъ ремнями къ доскѣ,
Нагнутъ и межъ брусьевъ двухъ живо
Вамъ голову втиснуть. Тутъ острый топоръ,
Что блещетъ на солнцѣ игриво,

Высоко вися надъ столбами, за шнуръ
Потянутъ,—и мига не длится,
Какъ, прочь отскочивши отъ плечъ, голова,
Мигая, въ корзинку валится“.

Тутъ Фридрихъ мнѣ съ гнѣвомъ: „Машину твою
Противную знать не хочу я.
Довольно сказалъ ты! Вводить у себя
Строжайше ее запрещу я.

„Дерзнуть короля, королеву связать!
Безъ всякаго къ нимъ уваженья!
Да гдѣ-же приличіе, гдѣ-жъ этикетъ?
Къ священнымъ особамъ почтенье?

„И самъ ты, молодчикъ, откуда и кто,
Что дерзко со мной обращаться
Такъ смѣешь? Постой-ка—я крылья тебѣ
Подрѣжу, дай только добраться!

„Вся кровь приливаетъ мнѣ къ горлу, когда
Я слышу твое объясненье.
Одно, нечестивецъ, дыханье твое
Величества есть оскорбленье!“

Увидя такой императора гнѣвъ
И выходку этого роду,
И я ободрился и мыслямъ своимъ
Завѣтнымъ далъ тоже свободу.

„О, Фридрихъ! вскричалъ я, ты миѳъ вѣдь пустой,
Одной лишь мечты привидѣнье!
Ложись-ка ты спать, безъ тебя мы скорѣй
Устроимъ свое избавленье.

„Неловко пришлось бы, засыпали-бъ насъ
Насмѣшками всѣ либералы,
Когда-бъ императоръ явился у насъ,
Въ понятьяхъ такой запоздалый!

„Не кстати бы было и знамя твое,
Фанатики старые сбили
Давно ему цѣну и съ буршества въ насъ
Къ нему уваженье убили.

„Такъ было бы лучше, когда бы на свѣтъ
Совсѣмъ не являлся ты снова,
За тѣмъ, что не надо намъ, правду сказать,
Владыки теперь никакого!“

Глава XVII.

Такъ рѣзко во снѣ съ императоромъ я,
Но только во снѣ побранился.
Дѣйствительно, спорить съ нимъ такъ на яву
Конечно бы я не рѣшился.

Да только во снѣ, въ идеальномъ лишь снѣ
У нѣмца является сила
Безъ лжи говорить государямъ про то,
Что вѣрное сердце таило.

Проснувшись, увидѣлъ, что ѣдемъ въ лѣсу,
Что насъ густота окружаетъ
Лѣсная, и этой реальности видъ
Мечтанья мои разгоняетъ.

Развѣсистый дубъ головой такъ умно
Кивалъ мнѣ, какъ тайный ораторъ;
Береза совѣты шептала, и я
Вскричалъ вдругъ: „Прости, императоръ!

„Прости, о, любезный мой Фридрихъ, мое
Невольное слово; умнѣе
Ты всѣхъ насъ стократно. Къ намъ только скорѣй,
Явись императоръ скорѣе!

„И если по вкусу тебѣ не пришлась
Новѣйшихъ временъ гильотина,—
Казни ты, какъ прежде, дворянъ топоромъ,
Веревкою простолюдина.

„Но изрѣдка, впрочемъ, души и господъ
Для вящшаго ихъ назиданья,
Простому-жъ народу головки сбивай:
Равны всѣ вѣдь божьи созданья!

„Кровавое пятаго Карла опять
Вездѣ обнови уложенье,
И снова и цехи, и гильдьи введи,
И разныя въ нихъ раздѣленья.

„Священное римское царство возставь
Немедленно, въ первое лѣто-жъ,
И намъ, умоляю, скорѣй возврати
Всю средневѣковую ветошь.

„Да, средніе вѣки готовъ я терпѣть,
Весь гнетъ устарѣлыхъ преданій, –
Избавь ты насъ только отъ язвы другой,
Отъ этихъ двуполыхъ созданій,

„Отъ этихъ героевъ, что гадятъ вездѣ,
Все портятъ, куда ни пришли бы,
Отъ смѣси страстишекъ и спѣси пустой
Людей, что ни мясо, ни рыба.

„Канатныхъ отъ насъ прогони плясуновъ,
Театры закрой не жалѣя,
Гдѣ лишь надъ прошедшимъ глумятся. Скорѣй,
Явись къ намъ, о, Фридрихъ, скорѣе!“

Глава XVIII.

Отличная въ Минденѣ крѣпость; въ ней все
Такъ грозно, воинственно, плотно;
Я съ крѣпостью прусской однако всегда
Сближаюсь не слишкомъ охотно.

Мы прибыли въ Минденъ ужъ къ ночи почти,
И доски такъ глухо стонали
Подъемнаго моста, глубокіе рвы
Какъ черною пастью зѣвали.

Высокія башни глядѣли на насъ
Невесело такъ и сурово.
Большія ворота раскрылись гремя
И съ громомъ захлопнулись снова.

Мнѣ стало такъ грустно тогда на душѣ,
Какъ было въ ту ночь Одиссею,
Когда хитроумный сей мужъ въ западню
Попалъ къ Полиѳему-злодѣю.

При въѣздѣ къ каретѣ сержантъ подошелъ,
Съ вопросомъ: кто вы и откуда?
„Я докторъ *Никто* и могучимъ земли
Я бѣльма снимаю не худо!“ *)

---

*) Извѣстно, что Улиссъ выкололъ Полиѳему его единственный глазъ; Гейне—берется только снимать бѣльма великанамъ.

Въ гостиницѣ стало еще мнѣ тошнѣй,
Пропалъ аппетитъ; тотчасъ легъ я
Въ постель; но душила перина, и сномъ
Никакъ позабыться не могъ я.

Подъ пологомъ краснымъ изъ толстой камки,
Постель, пуховыя перины;
Вверху почернѣвшій навѣсъ и съ него
Висящая кисть до средины.

Проклятая кисть! Что терзала меня,
Всю ночь мнѣ заснуть не давая,
Какъ мечъ Дамоклесовъ висѣла она,
Паденьемъ мнѣ все угрожая.

То видъ принимала, казалось, змѣи,
Которая злобно шипѣла:
„Попался, дружочекъ, ты въ крѣпость теперь,
Истлѣетъ твое здѣсь и тѣло!“

„О, Боже! твердилъ я. Зачѣмъ какъ на грѣхъ
Увязъ я въ гнѣздѣ этомъ мерзкомъ!
Когда бы скорѣе у милой жены
Въ предмѣстьи мнѣ быть Пуассоньерскомъ!“

И все мнѣ казалось, что чья-то рука
Какъ будто мнѣ по лбу черкала,
Какъ будто-бы цензоръ указкой чертилъ
Холодной, и мысль исчезала.

И будто-бы въ саванахъ бѣлыхъ толпы
Жандармовъ, тѣснясь у постели,
Какъ пугала адскія, злобно смѣясь,
Мнѣ въ уши цѣпями гремѣли.

Казалось мнѣ, духи-жандармы еще
Куда-то меня увлекали,
Терзали мнѣ члены, и вотъ, наконецъ,
Къ гранитной скалѣ приковали.

И кисть злополучная тутъ-же опять;
Но видѣлъ ее ужъ теперь я
Подъ видомъ огромнаго, злого орла,
Клювъ острый и чорныя перья —

Точь въ точь какъ у прусскаго. Въ тѣло мое
Онъ жадно когтями впивался,
И печень клевалъ мнѣ, и плотью моей
Какъ лакомымъ яствомъ питался.

Въ бреду я стоналъ до утра. Но пѣтухъ
Запѣлъ, и видѣнье пропало.
Я, потомъ облитый, проснулся, и кисть
Опять изъ орла кистью стала.

И съ экстрой почтовой я вновь поскакалъ,
Понесся вновь вольною птицей;
Но мысли тяжелыя я разогналъ
Лишь за Бюкебургской границей.

Глава XIX.

О, бѣдный Дантонъ! Въ заблужденьи большомъ
Ты былъ: со страною родною
Мы можемъ уйти отъ враговъ; на ногахъ
Унесть ее можно съ собою.

Земли Бюкебургской къ моимъ сапогамъ
Ей-ей половина пристала;
Нѣтъ, глинистой почвы и грязи такой
На свѣтѣ еще не бывало!

Прибывъ въ Бюкебургъ, я весь городъ прошелъ,
Чтобъ видѣть мой, такъ сказать, *штамбургъ* *),
Гдѣ дѣдъ мой родился; а бабки моей
Отечествомъ городъ былъ Гамбургъ.

Въ Гановеръ къ обѣду пріѣхали мы.
Грязь счистить велѣвши лакею
Съ сапогъ, я столицу пошелъ изучать—
Я странствовать съ пользой умѣю.

Ахъ Боже! Какъ чисто, какъ прибрано все,
Какъ улицы всѣ здѣсь опрятны,

*) Der Stammburg – родовой замокъ. Гейне, по дѣду съ материнской стороны, былъ дворянинъ.

И зданій прекрасныхъ какое число—
Такъ высятся важны, пріятны!

Понравилась площадь особенно мнѣ.
Вокругъ—по манерѣ новѣйшей
Тамъ зданья, и тамъ же дворецъ короля;
Наружности онъ богатѣйшей—

Дворецъ то-есть. Съ той и другой стороны
У входа поставлены будки.
Солдаты—всѣ въ красномъ—нахмурясь глядятъ,
И видно, что имъ не до шутки.

Тутъ мой проводникъ объяснилъ мнѣ: „Вотъ здѣсь
Эрнстъ-Августъ король проживаетъ;
Въ душѣ истый тори, но бодрый старикъ,
Ничѣмъ никогда не хвораетъ.

„Живетъ въ безопасности полной король
Въ своихъ королевскихъ хоромахъ;
Но лучше чѣмъ войскомъ большимъ окружонъ
Онъ трусостью нашихъ знакомыхъ.

„И все же па скуку онъ вѣчно брюзжитъ,
На гнетъ королевскаго званья.
Томится ужасно; Гановеръ ему—
Тоскливѣе ссылки, изгнанья.

„О лондонской жизни мечтаетъ онъ все.
Хотѣлъ бы и тронъ свой покинуть.
Порой, говоритъ, одолѣетъ такъ сплинъ,
Что просто хоть петлю накинуть.

„На дняхъ у камина—я видѣлъ—стоялъ
Печально согнувшись. Отъ скуки
Онъ самъ высочайшей рукою варилъ
Клистиръ для больной своей суки.

Глава XX.

Изъ Гарбурга въ Гамбургъ доѣхалъ я въ часъ.
Былъ вечеръ. Мнѣ звѣзды привѣтно
Мигали съ небесъ. Вѣтерокъ теплый дулъ
Такъ мягко, почти незамѣтно.

Я къ матушкѣ милой скорѣе. Она
Отъ радости чуть устояла,
Вплеснувши руками. „О, Боже! Сынокъ!
„Ахъ, счастье какое! вскричала.

„Сыночекъ голубчикъ! Тринадцать годовъ
Съ тѣхъ поръ миновало примѣрно,
Какъ мы не видались. Ты голоденъ другъ,
Ты хочешь покушать навѣрно?

„Есть рыба у насъ, есть и жареный гусь,
И чудные есть апельсины“.
„Такъ дай мнѣ и рыбы, и гуся, мама,
Да чудныхъ дай мнѣ апельсиновъ.

И вотъ я за ужинъ усердно присѣлъ.
Старушка счастливой казалась;
Но съ тонкими, нѣжно глядя мнѣ въ глаза,
Вопросами все подбиралась.

„Дружочекъ! Хозяйка-ли женка твоя?
Радитъ-ли о миломъ сыночкѣ
Моемъ на чужбинѣ? И чинитъ сама-ль
Рубашки ему и чулочки?“

„Пришлася по вкусу мнѣ рыбка, мама,
Но рыбой легко подавиться;
Такъ будетъ умнѣе теперь помолчать,
За рыбой болтать не годится“.

Но рыбу доѣлъ я; явился тутъ гусь—
И мать разсказать ей просила
О томъ и о семъ; а сама между тѣмъ
Все тонкій допросецъ творила.

„Дружочекъ! Скажи мнѣ, тебѣ-бы теперь
Съ кѣмъ было-бы жить веселѣе?
Французы и нѣмцы, кого ты изъ двухъ
Народовъ находишь милѣе?“

„Нѣмецкіе гуси отличны, мама,
И вкусъ превосходный имѣютъ.
Но лучше начинку и соусы къ нимъ
Французы готовить умѣютъ“.

Покончилъ и гуся; и вотъ наконецъ
За свой апельсинъ принялся я.
Что онъ оказался и сладокъ, и спѣлъ,—
Нежданность была мнѣ большая.

Она же опять за разспросы свои
Взялася тутъ съ видомъ счастливымъ
И все подбиралась претонко она
Къ вопросамъ весьма щекотливымъ.

„Сыночекъ! Скажи мнѣ, въ политикѣ ты,
Какихъ сталъ теперь убѣжденій?
И партіи держишься больше какой,
Какихъ, откровенно, ты мнѣній?“

„Ахъ, милая маменька! Самъ апельсинъ
Отлично хорошъ. Увѣряю,
Люблю апельсины; но выжавши сокъ,
Я корку всегда оставляю.

Глава XXI.

Изъ груды развалинъ и пепла встаетъ
Нашъ Гамбургъ, о, градъ знаменитый!
Едва вполовину отстроенъ - глядитъ
Какъ пудель онъ полуобритый!*)

И какъ измѣнился! Какъ много теперь
И мѣстъ дорогихъ не найду я...
Гдѣ домъ незабвенный, въ которомъ вкусилъ
Сласть перваго я поцѣлуя?

И погребъ, гдѣ весело устрицъ глоталъ
Съ друзьями во дни я былые?
Печатня, куда въ первый разъ отдавалъ
Картины мои путевыя?

А Дрекваль любезный? Напрасно ищу
Я Дрекваль: огонь все разрушилъ.
Гдѣ тотъ павильончикъ отрадный, гдѣ я
По праздникамъ лакомства кушалъ?

---

*) Извѣстно, что Гамбургъ пострадалъ въ 1842 г. отъ сильнаго пожара.

А ратуша, гдѣ велемудрый сенатъ
И наше гражданство царило?
Жестокое пламя пожрало ее—
Оно и святынь не щадило!

И гамбургцы все еще въ страхѣ большомъ,
Съ плаксивою, жалкою миной,
Старались свой ужасъ и мнѣ передать
Пожара живою картиной.

„Горѣло вдругъ разомъ во многихъ мѣстахъ,
Вверхъ пламя клубилося съ блескомъ,
Огромныя зданья, церквей купола,
Не выдержавъ, падали съ трескомъ.

„Погибла и биржа, гдѣ предки еще
О важныхъ дѣлахъ толковали,
Гдѣ столько столѣтій такъ честно они,
Какъ только могли торговали.

„Но банкъ, золотая торговли душа,
Гдѣ всѣ наши счеты велися,
И книги важнѣйшія взносовъ и ссудъ,
Тѣ, Господу слава, спаслися!

„Ходили за сборомъ по всѣмъ городамъ
И въ страны Богъ ни-вѣсть какія,
Едва-ли не къ дикимъ,—за то и дала
Подписка милльоны большіе.

„А касса пособій? Вотъ можно сказать,
Что въ руки святыя попала!
Что правая въ ней загребала рука,—
То лѣвая ввѣкъ не узнала.

„Къ намъ деньги отвсюду рѣкою текли,
Отвсюду намъ въ даръ присылали
Съѣстные припасы, одежду бѣлье;
Мы съ радостью все принимали,

„Ничѣмъ не гнушаясь. Участіе мы
Большое нашли, слава Богу!
А прусскій Король, тотъ хотѣлъ къ намъ прислать
И войско свое на подмогу!

„Потери вещественной стоимость вся
Однако еще оцѣнима;
Но ужасъ моральный, но трепетъ души—
Вотъ что уже невозмѣстимо!“

Тутъ имъ въ утѣшенье я слово сказалъ:
„Все это поправное дѣло;
Получше вѣдь Гамбурга Троя была,
А все-таки Троя сгорѣла!

„Отстройте-ка заново ваши дома,
Составьте законы умнѣе,
Снабдитесь водою, и лучшихъ вы трубъ
Купите, грошей не жалѣя.

„Кладите кайенскаго перцу въ свой супъ
Не слишкомъ ужъ щедрой рукою,
Да карповъ не ѣшьте; вы жирно ихъ такъ
Варите всегда съ чешуею.

Вотъ мясо индюшекъ не вредно для васъ;
Но чтобы васъ небо хранило
Отъ птицы коварной, что яйца свои
Въ парикъ бургомистра сложила!

Что это за птица, гдѣ клохчетъ она,
Теперь пояснять не годится;
При мысли о ней въ животѣ у меня
И пища уже не варится.

Глава XXII.

Печальнѣе зданій здѣсь люди глядятъ.
Такъ грустны ихъ длинныя мины,
Такъ горемъ убиты, что сами они
Ходящія словно руины.

Всѣ тощіе стали тощѣе еще,
Жирнѣй толстяки раздобрѣли,
Состарились дѣти, зато старики
Какъ дѣти опять поглупѣли.

Телята, что матокъ сосали еще,
Рогатыми стали быками;
Гусята иные, что были въ пушку,
Носастыми стали гусями.

На лысину Гудель надѣла парикъ,
Подкрасила брови и губы,
И думаетъ всѣхъ удивить красотой,
Бѣлѣйшіе вставивши зубы.

Всѣхъ меньше состарился мой продавецъ
Бумажный; все тѣжъ его рѣчи,
И желтыя кудри вокругъ головы,
Точь въ точь у Ивана Предтечи.

Н. Н. вдалекѣ прошмыгнулъ; его духъ
Пожару добычей достался,
Какъ мнѣ говорили; у Бибера онъ
Однако на страхѣ считался.

И стараго цензора встрѣтилъ опять.
Въ ряду онъ гусиномъ шатался;
Въ туманѣ, согбенный, какъ будто убитъ
Душевной тоскою казался.

Мы подали руку другъ другу; слеза
Въ глазахъ старика заблистала.
Какъ встрѣчей со мной былъ доволенъ добрякъ!
И тронулъ меня тѣмъ не мало.

Но вживѣ не всѣхъ стародавнихъ нашелъ
Знакомцевъ я. Волею Божей
Увы, даже самъ *Гумпелино**), мой другъ
Безцѣнный, отправился тоже.

Окончилъ великій сей мужъ бытіе
Земныхъ треволненій скорѣе
И вѣрно теперь уже съ сонмомъ паритъ
Блаженныхъ духовъ въ эмпиреѣ!

Но гдѣжъ Адонисъ кривоногій? Его
Напрасно искалъ я повсюду.
По улицамъ дешево такъ продавалъ
Онъ чашки, ночную посуду.

---

*) Одно изъ лицъ, созданныхъ юморомъ автора, основой для котораго служилъ нѣкто изъ еврейскихъ его родственниковъ.

Остался-ли маленькій Мейеръ въ живыхъ —
Вамъ точно сказать не умѣю;
Забылъ я Корнета о немъ разспросить,
И очень о томъ сожалѣю.

И Сарраса, пуделя вѣрнаго, нѣтъ!
Что отдалъ бы безъ сожалѣнья
За Сарраса Кампе*) десятокъ писакъ,—
Въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнья.

Извѣстно, что въ Гамбурѣ вмѣстѣ живутъ
Съ крещеными также евреи.
О первыхъ нельзя не солгавши сказать,
Чтобъ были послѣднихъ честнѣе.

Однако и сальныхъ свѣчей не ѣдятъ,
Напротивъ—обѣдаютъ славно;
До срока послѣдняго всѣ платежи
По векселю вносятъ исправно.

Еврейское племя, живущее здѣсь,
На двѣ раздѣляется части:
На старыхъ и новыхъ. Ходить старики
Въ свою синагогу до страсти

Охочи. А новые ходятъ во храмъ,
Свинину ѣдятъ, демократы,
Въ законѣ слабеньки. Зато старики—
Въ чесоткѣ, но аристократы.

---

*) Саррасъ—любимая собака извѣстнаго гамбургскаго книгопродавца Кампе, издателя сочиненій Гейне.

Люблю я и старыхъ, и новыхъ равно;
Но если сказать мое мнѣнье
По истиной правдѣ,—салакушкѣ всежъ
Копченой отдамъ предпочтенье.

Глава XXIII.

Могуществомъ, славой былъ Гамбургъ всегда
Республикъ иныхъ поскромнѣе;
Но устрицъ, какъ въ лавкѣ у Лоренца, вы
Нигдѣ не найдете вкуснѣе.

Отправились съ Кампе туда вечеркомъ—
Я дружбу веду съ нимъ большую—
Намъ устрицъ хотѣлось поѣсть и распить
Рейнвена бутылку—другую.

Пріятное общество встрѣтили тамъ,
Былъ радъ всѣхъ опять увидать я.
Изъ старыхъ тамъ былъ, напримѣръ, *Шофпье*,
И разные новые братья.

Былъ Вилле, чьи щеки альбомомъ всегда
Для партій студентскихъ служили,
Куда эспадрономъ свои имена
Противники четко вносили.

И Фуксъ также былъ тамъ, атей записной,
И личный противникъ Егòвы.
Онъ въ Гегеля вѣритъ, да развѣ еще
Немножко въ Венеру Кановы.

За ужиномъ Кампе хозяиномъ былъ,
Въ такомъ настроеньи чудесномъ:
Казался моложе лѣтъ двадцать, глаза
Сіяли блаженствомъ небеснымъ.

Я кушалъ и пилъ съ аппетитомъ большимъ
И думалъ: нѣтъ въ мірѣ другого
Подобнаго Кампе издателя; мнѣ
Не выискать друга такого!

Съ другимъ бы издателемъ съ голоду я,
Быть можетъ, давно околѣлъ бы;
А этотъ и кормитъ, и поитъ меня,
Разстаться съ нимъ ввѣкъ не хотѣлъ бы.

Хвала Вседержителю! Имя свое
Онъ дивно прославилъ, создавши
Сокъ лозъ благородныхъ для смертныхъ и мнѣ
Издателемъ Кампе пославши

Хвала Вседержителю! Слава Ему,
Что устрицъ размножилъ онъ въ морѣ,
А на сушѣ рейнскія лозы взрастилъ,—
Забвенье отрадное въ горѣ.

Хвала, что приправою сочною далъ
Лимоны онъ къ устрицамъ тоже.
Подай только силу все это сварить
Мнѣ за ночь сегодня, о, Боже!

Рейнвейнъ умягчаетъ мнѣ душу всегда,
Прочь всякое гонитъ сомнѣнье,
И будитъ онъ даже въ груди у меня
Невольное къ людямъ влеченье.

Изъ душныхъ покоевъ наружу зоветъ
Во мракъ, пошататься вкругъ зданій;
Душа ищетъ жадно подруги-души
И миленькихъ жаждетъ созданій.

Въ такія минуты я таю совсѣмъ,
Готовъ цѣловаться съ врагами:
Всѣ кошки мнѣ кажутся сѣры тогда,
А женщины всѣ красотами.

Пошелъ я гулять, и, на Дребанъ *) придя,
Вдругъ вижу при лунномъ сіяньи
Высокое, дивныхъ красотъ существо
Все въ бѣломъ, какъ снѣгъ, одѣяньи.

Красавицы образъ здоровьемъ дышалъ,
Какъ холмы—двѣ груди полнѣли,
Синѣли глаза бирюзой у нея,
Какъ розаны щеки алѣли.

Ротъ—спѣлая вишня—перловыхъ зубовъ
Два ряда скрывалъ очертанье:
Покроя античнаго носъ, но слегка
Краснѣлось его окончанье.

Изъ бѣлой крахмаленой ткани чепецъ,
Красуясь надъ русой косою,
Зубчатой, колончатой формой своей
Казался короной градскою.

Туника бѣлѣйшая въ складкахъ густыхъ
По икры ея ниспадала,

---

*) Гамбургская улица нелестной репутаціи.

До икръ, что равнялись объемомъ своимъ
Дорійскимъ колоннамъ безмала.

Развитіе тонкости свѣтской въ чертахъ
Изящныхъ ея выражалось,
Но задомъ громаднымъ уже существо
Нездѣшнее въ ней проявлялось.

Ко мнѣ подступивши: «Здорово дружокъ!
Сказала, мой милый, здорово!
Тебя не видать здѣсь тринадцать годовъ,
А всеже ты нрава такого,

„Какъ прежде. Я вижу ты ищешь еще
Существъ тѣхъ, съ которыми вмѣстѣ
Ты чашу забвенья не разъ осушалъ
До утра въ отрадномъ семъ мѣстѣ.

„Ты ищешь тѣхъ милыхъ созданій, что здѣсь
Съ тобой наслажденья вкушали;
Но ихъ не найдешь ты: увы! уже ихъ
Несытыя пасти пожрали

„Стоглавой той гидры, что губитъ всегда
Безжалостно все, что прекрасно,
Игриво и юно; ее умолять
О милости было-бъ напрасно...»

„Кто ты, неземная! вскричалъ я. Скажи,
Не дивное-ль ты сповидѣнье
Моихъ улетѣвшихъ годовъ? Проводить
Могу ли просить позволенья?“

Она же, улыбкой уста озаривъ,
„Ошибся ты, другъ, отвѣчала,

Моральное, высшее я существо,
Не дѣва, какихъ здѣсь не мало.

„Не бабочка я легкокрылая; нѣтъ,
Съ цвѣтка на цвѣтокъ не порхаю.
Мнѣ имя богиня Гаммонія; знай,
Я Гамбургъ родной охраняю!

„Но что же молчишь ты? Сомнѣнье и страхъ
Ужель овладѣли тобою?
Съ другими столь бойкій всегда на словахъ,
Ты струсилъ, небось, предо мною?..“

Тутъ съ хохотомъ дерзкимъ я громко вскричалъ:
„Чего дорожить мнѣ собою?
Веди куда хочешь, я слѣдомъ готовъ
Хоть къ чорту идти за тобою“.

Глава XXIV.

По лѣстницѣ узкой, богинѣ во слѣдъ
Взошелъ какъ, скажу вамъ едва-ли;
Блаженные духи меня, можетъ быть,
Невидимо тутъ поддержали.

Здѣсь въ комнаткѣ тѣсной восторга часы
Небеснаго сердце вкушало;
Богиня созналась, что втайнѣ всегда
Ко мнѣ симпатію питала.

„Мнѣ нравился прежде, сказала она
Въ бесѣдѣ со мной откровенной,—
Всѣхъ больше поэтъ, что Мессію воспѣлъ
На лирѣ своей вдохновенной,—

„Мой Клопштокъ; вотъ тамъ на комодѣ стоитъ
Еще его бюстъ; но ужь сколько
Лѣтъ сряду онъ служитъ, признаться сказать
Чепцамъ моимъ вѣшалкой только!

„Теперь ты—мой любимецъ. Смотри твой портретъ
Виситъ у меня въ рамкѣ новой,
Въ моихъ головахъ. Зеленѣетъ надъ нимъ
Вѣнокъ всегда свѣжій, лавровый.

„За то, что моихъ ты сыновъ обижалъ
Насмѣшкой, я точно сердилась.
Ты будешь воздержнѣй, надѣюсь, впередъ,
Съ тобою чтобъ я помирилась.

„Развили и время, и опытъ, дружокъ,
Въ тебѣ уже больше терпѣнье.
Надѣюсь, что даже къ отпѣтымъ глупцамъ
Ты явишь теперь снисхожденье

„Но какъ, раскажи мнѣ, ты вздумалъ сюда
На сѣверъ пріѣхать такъ поздно?
Настала глубокая осень у насъ
И время стоитъ ужъ морозно“.

„Богиня! Ты знаешь, отвѣтствовалъ я,
Что спятъ у насъ въ сердцѣ глубоко
Завѣтныя чувства, которыя вдругъ
Всплываютъ по прихоти рока.

„Не худо жилось мнѣ извнѣ, но внутри
Все пусто и холодно стало,
И эта тяжелая сердца болѣзнь
Сильнѣй и сильнѣе терзала.

„Столь легкая прежде парижская жизнь
Усталой душѣ опостыла.
Хотѣлось широкою грудью вздохнуть
Мнѣ воздухомъ родины милой!

„Мнѣ кнастеромъ ѣдкимъ, дымкомъ торфянымъ
Хотѣлось скорѣй надышаться;
Къ зеленымъ отчизны долинамъ, холмамъ
Съ любовью сыновней прижаться.

Безсоньемъ томяся, о томъ лишь мечталъ,
Что сердце мнѣ тѣшило въ дѣтствѣ:
Старушку близъ Дамтора видѣть горѣлъ;
Живетъ тамъ и Лотхенъ въ сосѣдствѣ!

„Желалъ съ нетерпѣньемъ обнять старика,
Что съ виду сурово-сердитый,
Своей благородной душою всегда
Отъ бѣдъ былъ мнѣ вѣрной защитой.

„Хотѣлось еще бы услышать хоть разъ
Изъ устъ его: «взбалмошный малый!»
То бранное слово его, что такой
Мнѣ музыкой сладкой звучало *).

„Хотѣлось взглянуть, какъ изъ хижинъ родныхъ
Дымъ вьется струей голубою,
И, въ буковыхъ рощахъ бродя, соловьевъ
Саксонскихъ послушать весною.

„Влекло меня, вѣришь ли, даже къ мѣстамъ,
Гдѣ съ жизнью столкнулся суровой;
Нести довелось гдѣ мнѣ первый мой крестъ
И первый вѣнокъ мой терновый.

„Казалось отрадно—тамъ плакать опять,
Гдѣ лилъ я горчайшія слезы:
Тоской по отчизнѣ зовутся, никакъ,
Такія безумныя грезы!

---

*) Намекаемыя здѣсь личности: мать автора, дядя его, банкиръ Соломонъ Гейне, и—можетъ быть—дочь его,—первая и глубокая любовь Гейне.

„Другимъ повѣрять свой недугъ не хочу,
Душевное это страданье.
Скрывать эти раны отъ взоровъ людей
Я все прилагаю старанье.

„Противенъ мнѣ нищенства жалкій нарядъ,
Дырявый, въ которомъ болячки
Свои выставляетъ иной патріотъ;
Выпрашивать ловкій подачки.

„Богиня! Застала сегодня меня
Ты въ мягкомъ души настроеньи;
Я боленъ немножко; но я вѣдь лечусь
И чаю еще изцѣленья.

„Да, боленъ я точно; и ты бы могла
Мнѣ помощи сдѣлать не мало,
Когда бы мнѣ чашечку чаю дала
Да рому въ него подмѣшала“.

Глава XXV.

Богиня сварила мнѣ чаю; при томъ
И рому въ него подмѣшала,
Сама же безъ чаю—одинъ только ромъ
Покушивать ложечкой стала.

Ко мнѣ на плечо прилегла головой—
Отъ этого башни въ коронѣ
У ней поизмялись—и рѣчь повела
Она въ задушевнѣйшемъ тонѣ:

„Какъ часто съ тревогою думаю я,
Что ты тамъ живешь у развратныхъ
Французовъ, въ Парижѣ, въ понятьяхъ своихъ
Столь легкихъ и столько превратныхъ.

„Ты водишься съ ними ужъ столько годовъ
И нѣтъ при тебѣ, къ сожалѣнью,
Издателя-друга, который бы могъ
Совѣтомъ служить въ затрудненьи.

„Соблазнъ тамъ великій, на каждомъ шагу
Толпами порхаютъ сильфиды.
Опасны ихъ ласки! Что можетъ служить
Для страстнаго сердца эгидой?

„Послушай ты друга, останься у насъ,
Здѣсь все еще такъ благочинно.
Семейную тихую радость вкушать
Умѣемъ мы мирно, невинно.

„Останься; здѣсь будетъ привольно тебѣ;
Стоимъ на пути мы прогресса;
Ты самъ это вѣрно замѣтить успѣлъ,
Свободнѣе стала и пресса.

„Самъ Гофманъ *) черкать манускриптовъ твоихъ
Не станетъ“ какъ въ годы былые
Черкалъ онъ безбожно по цѣлымъ листамъ
Картины твои путевыя.

„Ты также старѣе, добрѣй становясь
Войдешь въ соглашенье со многимъ,
И даже прошедшему времени ты
Не будешь судьей слишкомъ строгимъ.

„Все выдумки, будто такъ скверно жилось
Бывало въ любезной отчизнѣ:
Отъ рабства всегда мы могли убѣжать,
Какъ въ Римѣ, лишивъ себя жизни.

„Въ свободѣ изрядной жилъ черный народъ,
Массъ темныхъ—никто не касался.
Тѣснили все больше одно меньшинство,
Того, кто печатать рѣшался.

„Начальство благое безъ формы суда
Казнить никого не хотѣло;

---

*) Цензоръ перваго изданія сочиненій Гейне.

Враговъ даже личныхъ судили, но какъ?
А! Это другое ужъ дѣло.

„Такъ, жертвой насилія не былъ никто,
Ни даже архи-демагоги.
Отъ смерти голодной въ нѣмецкой тюрьмѣ
Никто не протягивалъ ноги.

„При томъ процвѣтали у насъ въ старину
Отрадныя сердцу явленья:
Незлобіе нрава, ума простота,
А нынче расчетъ и сомнѣнье.

„Поэзіи гаснетъ священный огонь,
Фантазіи вымыслъ богатый:
За рядомъ умершихъ царей отошелъ
И Маврскій король Фрейлиграта *).

„Безъ хлѣба потомство авось не умретъ,
Но миромъ едва-ль насладится;
Къ намъ близится съ шумомъ воинскій сумбуръ,
Съ идиліей должно проститься.

„О, если-бъ ты могъ помолчать! Я тебѣ
Открыла бы тайнъ сокровенныхъ
Зерцало; ты-бъ въ книгѣ судебъ прочиталъ
Событья временъ отдаленныхъ.

„Что смертнаго глазъ не видалъ никогда,
Тебѣ бы открылось неложно —
Вся будущность нашей отчизны,—но ахъ!
Молчать для тебя невозможно!“

---

*) Der Mohrenkönig — поэма Фрейлиграта, осмѣянная въ поэмѣ Гейне „Атта Троль“.

„Ахъ, Богъ мой! вскричалъ я, великое мнѣ
Доставила-бъ ты наслажденье,
Германіи милой открывши судьбы,
Молчать во мнѣ будетъ терпѣнье.

„Готовъ я поклясться чѣмъ хочешь, сейчасъ—
Ни слова—о томъ, что покажешь!
Скажи ты мнѣ только—манеромъ какимъ
Принесть эту клятву прикажешь?“

Она же въ отвѣтъ: „О, мой другъ, поклянись
Ты тою мнѣ клятвой священной,
Что взялъ Авраамъ съ Елизара-слуги,
Собравъ его въ путь отдаленный.

„Ты руку на чресла мои положи,
Поднявши мое одѣянье,
И тайну хранить нерушимо клянись
Всегда и въ рѣчахъ, и въ писаньи!“

Торжественный мигъ! Былъ какъ будто объятъ
Далекихъ вѣковъ я дыханьемъ,
Когда я священный обрядъ совершалъ
По праотцевъ древнихъ преданьямъ.

Я руку на чресла ея положилъ,
Поднявши ея одѣянье,
И тайну хранить нерушимо клялся
Всегда и въ рѣчахъ, и въ писаньи.

Глава XXVI.

Гаммоніи щеки пылали огнемъ,
Отъ рому шумѣло въ коронѣ
Слегка у нея, знать, и рѣчь повела
Тутъ въ самомъ довѣрчивомъ тонѣ.

„Старѣюсь, сказала, нашъ Гамбургъ стоитъ
Со дня моего вѣдь рожденья.
Мать-Эльба царицей рѣчною была:
Тамъ были ея и владѣнья.

„А батюшка мой императоръ былъ Карлъ
Великій, германско-французскій
Владыка; сильнѣй и мудрѣе еще,
Чѣмъ Фридрихъ второй, король прусскій.

„Хранятъ еще въ Ахенѣ мраморный стулъ,
На коемъ на царство вѣнчался;
Но стулъ, на которомъ до вѣтру ходилъ,
Отъ матушки тотъ мнѣ достался.

„Наслѣдство не важное, думаешь ты,
Наружности самой онъ скромной;
Но вѣрь, что за стулъ этотъ я не возьму
И Ротшильда кассы огромной!

„Вотъ тамъ въ уголкѣ онъ стоитъ, посмотри,
Уже поистерлось сидѣнье,
Сафьянная спинка, подушка его
Добычею стали истлѣнья.

„Но ты подойди, вскрой покрышку его,
Всунь голову глубже въ средину:
Увидишь волшебный внизу котелокъ
И въ немъ роковую картину.

„Увидишь Германіи будущность всю —
Рядъ дикихъ, туманныхъ фантазмовъ;
Но мужественъ будь и назадъ не бѣги
Отъ ѣдкихъ зловонныхъ міазмовъ!“

Сказала—и хохотомъ вдругъ залилась.
Однако я тутъ не смутился,
Но къ креслу волшебному смѣло шагнулъ
И внутрь головой опустился.

Что глазъ мой увидѣлъ—сказать не могу,—
Въ томъ клятву священную далъ я.
Едва ли могу разсказать и о томъ,
Что носомъ своимъ обонялъ я.

Мнѣ душу воротитъ при мысли одной,
Какой вдругъ изъ стула поднялся
Убійственный запахъ, онъ смѣсью гнилой
Капусты и юфти казался.

Нѣтъ, смрада подобнаго, вони такой
Изъ смертныхъ не вынесъ никто-бы,

Казалось, что вдругъ тридцати шести ямъ
Помойныхъ открылись утробы! *)

Столѣтнихъ народныхъ недуговъ лечить
Нельзя намъ водицей душистой —
Въ собраньи народнаго блага сказалъ
Сенъ-Жюстъ, патріотъ этотъ истый.

Но родины милой грядущихъ судебъ
Такъ ѣдки зловонія были,
Что выдержать дальше я пытки не могъ;
Мнѣ силы мои измѣнили,

И чувствъ я лишился. Когда-же опять
Очнулся—увидѣлъ, что мирно
Покоюсь въ объятьяхъ богини моей,
У ней на груди на обширной.

Тутъ взоръ ея вспыхнулъ, зардѣлись уста,
Обнявши рукой меня смѣло,
Въ вакхическомъ, страстномъ экстазѣ она
Вдругъ голосомъ дикимъ запѣла:

„Есть въ Ѳулѣ далекой могучій король,
Онъ кубокъ безцѣнный имѣетъ,
Когда же изъ этого кубка онъ пьетъ —
То плачетъ и съ горя хмѣлѣетъ.

„Тутъ всходитъ на умъ ему всякая блажь
И поретъ онъ чушь, небылицу,
Способенъ, пожалуй, въ денечекъ такой
Тебя онъ упрятать въ темницу.

---

*) Въ это время въ Германіи было 36 владѣній.

„Не ѣзди ты въ Ѳулу, не ѣзди дружокъ,
Тамъ воздухъ зловредно-тяжелый,
Жандармовъ, полиціи ты берегись,
И всей исторической школы.

„Останься со мною здѣсь въ Гамбургѣ, другъ,
Останься, мы счастливы будемъ,
Мы будемъ ѣсть устрицъ, винцо попивать,
И всѣ прорицанья забудемъ.

„Скорѣе покрышку на кресло накинь,
Чтобъ вонь его намъ не смутила
Отрадныхъ минутъ этихъ. Вѣрь, никого
Я такъ, какъ тебя, не любила.

„Цѣлую тебя я и чувствую, какъ
Меня вдохновляетъ твой геній,
Давно поэтическихъ, сладкихъ такихъ
Ужъ я не вкушала мгновеній.

„Мнѣ чудится, будто нахтвехтеровъ хоръ
Я въ улицахъ слышу гремящій,
Среди гименеевъ и брачныхъ огней
Къ намъ близится поѣздъ блестящій.

„Роскошно одѣтыхъ приспѣшниковъ рядъ
На убранныхъ коняхъ гарцуетъ,
И яркими факлами гонитъ онъ мракъ
И факельный танецъ танцуетъ.

„Во слѣдъ выступаетъ маститый сенатъ,
Гражданское, мудрое вѣче,
И кашляетъ важно уже бургомистръ,
Готовясь къ затверженной рѣчи.

„Въ блестящихъ парадныхъ мундирахъ идетъ
Сонмъ тонкихъ пословъ-дипломатовъ.
Они поздравленья невѣстѣ несутъ
Отъ разныхъ сосѣдственныхъ штатовъ.

„А вотъ и духовныхъ процессія лицъ:
Сѣдые раввины, пасторы.
Но Боже! За ними и Гофманъ злодѣй,
Твой цензоръ, на вырѣзки скорый!

„Огромныя ножницы блещутъ въ рукахъ,
Желѣзо ихъ вдругъ заскрипѣло,
И лучшее мѣсто тебѣ, о, мой другъ,
Онъ варварски вырвалъ изъ тѣла!“

Глава XXVII.

Что дальше случилось со мной въ эту ночь,
Читатель, теперь помолчу я.
Когда-нибудь послѣ, въ пріятный денекъ,
Пожалуй, о томъ разскажу я.

Отродье противное старыхъ ханжей
Уже очищаетъ дорогу,
Чахоткой хвораетъ и быстро оно
Ложится во гробъ, слава Богу!

И новое племя выходитъ людей
На поприще жизни, ликуя,
Съ свободною мыслью, съ свободной душой —
Тѣмъ юношамъ все возвѣщу я

Значенье поэта и мысли его
Они глубоко понимаютъ,
И юное сердце у сердца его
Свое, какъ птенцы, согрѣваютъ.

Какъ солнце горитъ мое сердце и свѣтъ
Готово излить всему міру.
Мнѣ граціи сами своею рукой
Настроили звонкую лиру.

Ту самую лиру, на коей гремѣлъ
Отецъ мой въ собраньяхъ народныхъ,
Блаженныя памяти Аристофанъ,
Любимецъ Каменъ благородныхъ.

Ту лиру, на коей Пайстетера онъ
Воспѣлъ и его Базилею,
Того, что въ воздушное царство хотѣлъ
Съ земли возлетѣть вмѣстѣ съ нею *).

Въ послѣдней главѣ подражать я хотѣлъ
Слегка драмѣ „Птицъ“ заключенью:
Изъ всѣхъ сочиненій отца моего
Всѣхъ лучше она безъ сомнѣнья.

И драма „Лягушки“ отлична. Даютъ
Въ Берлинѣ ее; представленья,
Какъ слышалъ я, очень смѣшатъ короля;
Онъ просто отъ нихъ въ восхищеньи.

Да, жалуетъ древнихъ лягушекъ король.
Классически, знать, образованъ.
Покойникъ, напротивъ, тотъ новыхъ квакушъ
Былъ кваканьемъ весь очарованъ.

Король любитъ пьесу; но если-бы живъ
Былъ авторъ ея, я формально
Совѣтъ ему далъ бы, чтобы онъ никакъ
Не ѣздилъ въ Берлинъ персонально.

---

*) Пайстетеръ и Базилея—дѣйствующія лица Аристофановой комедіи „Птицы“.

Хоть въ модѣ „Лягушки“, но автору ихъ
Не сладко-бъ въ Берлинѣ жилося,
И скоро-бы съ хоромъ жандармовъ лихихъ
Увидѣть его довелося.

Въ театрѣ не хлопать, а шикать, свистать
Позволено-бъ публикѣ было;
Полиціи дали бы строгій приказъ,
Чтобъ автора живо накрыла.

Король! Ради пользы твоей говорю,
Не презри совѣта благого:
Съ поэтомъ умершимъ что хочешь твори,
Не тронь ты поэта живого!

Поэтовъ живыхъ берегись! Въ ихъ рукахъ
Ужасные громы и пламя,
Ужаснѣе Зевсовыхъ; громы вѣдь тѣ
Поэты придумали сами.

Пожалуй хоть всѣхъ и боговъ обижай,
Олимпа-ли, неба-ль иного, —
Зевесъ ли то будетъ, иль самъ Егова,
Не тронь ты поэта живого!

Бываютъ, конечно, за наши грѣхи
Жестоки боговъ воздаянья,
Огонь преисподней изрядно печетъ,
Не легки въ аду наказанья.

Но есть и святые заступники. Насъ
Молитвой они выручаютъ;
Обѣдни, поминки, раздача грошей —
Изъ тяжкихъ мытарствъ выкупаютъ.

Въ концѣ же временъ вновь на землю сойдетъ
Христосъ и имъ адъ сокрушится,
И судъ онъ надъ міромъ хоть строгій свершитъ,
А все же иной отвертится.

Но есть преисподняя; есть адъ другой
Откуда ужъ нѣтъ избавленья,
Напрасны молитвы, безсильно само
Спасителя тутъ заступленье.

Не знаешь-ли Дантова „Ада“ и какъ
Его безпощадны терцеты?
Кто можетъ избавить, когда попадешь
Ты въ этотъ адъ волей поэта?

Ни Богъ никакой, ни Христосъ не спасетъ
Отъ этихъ огней; берегися,
Король, этихъ звучныхъ, пѣвучихъ огней
И мести поэта страшися.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 045885552